

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА 6 / 2010



Документы российско-китайской
встречи в верхах



Десятая трехсторонняя конференция
ученых России, Индии и Китая



Япония на рубеже десятилетий



Взаимодействие приграничных
районов России и Китая



На пути к созданию
Восточноазиатского сообщества

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

6/2010

Ноябрь — Декабрь



Научный и общественно-политический журнал, выходит шесть раз в год на русском и четыре раза в год на английском языках

Выпускается под руководством Отделения общественных наук РАН

Издается с марта 1972 года

ДОКУМЕНТЫ

- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия 3
- Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны 11

ДЕСЯТАЯ ТРЕХСТОРОННЯЯ КОНФЕРЕНЦИЯ УЧЕНЫХ РОССИИ, ИНДИИ И КИТАЯ

- С. Лавров.* Организаторам и участникам 10-й международной конференции «Россия—Китай—Индия: проблемы и перспективы трехстороннего сотрудничества в решении проблем безопасности и соразвития в Азии» 13
- Послание министра иностранных дел Индии С.М. Кришны участникам 10-й трехсторонней научной конференции «Индия—Россия—Китай» 14
- Приветствие министра иностранных дел КНР Ян Цзечи в связи с проведением 10-й конференции диалога ученых Китая, России и Индии 15
- М. Титаренко.* Международное значение и дальнейшие задачи трехстороннего сотрудничества России, Индии и Китая 16
- С. Уянаев.* Академический форум «Россия—Индия—Китай»: «научное плечо» трехстороннего взаимодействия 22

ПОЛИТИКА

- В. Кистанов.* Япония на рубеже десятилетий: власть сменилась — проблемы остаются 28
- А. Семш.* Восточноазиатское сообщество: что мешает воплотить идею 45
- В. Портыков.* Китай и Россия в Шанхайской организации сотрудничества 52

ЭКОНОМИКА

- В. Кулешов, Н. Атанов, Л. Безруков, А. Коржубаев, В. Малов, Б. Санеев, Н. Сысоева.* О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества..... 62
- А. Белова.* Фондовый рынок КНР на современном этапе: система регулирования..... 70
- С. Леонов, Е. Домнич.* Инновационная политика Китая: роль прямых и косвенных экономических стимулов 79
- Э. Махмудов, Чэнь Юнган.* Узбекистан и КНР: сотрудничество в развитии информационно-коммуникационных технологий..... 91

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

- Л. Понкратова.* Трансграничные обмены и взаимодействие приграничных регионов России и Китая..... 99
- Т. Кучинская.* Региональный брендинг как инструмент позиционирования имиджа Забайкальского края в системе межрегиональных связей РФ и КНР..... 116

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- В. Ганичин.* Социальный аспект нетрадиционных вызовов Китаю 123

ИСТОРИЯ

- Хуан Лифу.* Сотрудничество общественных организаций Китая и России и его роль во взаимоотношениях двух стран в XX веке 131
- Ю. Пестушко.* «...Вести дела в согласии с законом»: к истории рыболовства в системе русско-японских отношений (1907–1914 гг.)..... 146

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- На Ци.* Три вида «моделей социального развития» в строительстве социализма в Китае..... 163

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- А. Лукин, Т. Троякова.* Многополярная Восточная Азия: тенденция или уже реальность?..... 168
- Книги Института Дальнего Востока РАН 174

РЕЦЕНЗИИ

- Ю. Песков.* Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 3. Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 гг.) 176

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

- Базарову Борису Вандановичу — 50 лет..... 180
- Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2010 год..... 182
- Contents 187
- Summary 189

Учредители: Российская академия наук, Институт Дальнего Востока РАН

Главный редактор В.Я. Портяков

Редакционная коллегия: Я.М. Бергер (зам. главного редактора), А.В. Болятко, О.Н. Борох, К.В. Внуков, Л.М. Гудошников, А.С. Давыдов (зам. главного редактора), А.З. Жебин, Е.И. Зеленев, В.О. Кистанов, А.В. Ломанов, С.Г. Лузянин, А.Е. Лукьянов, А.В. Макаров, П.А. Минакир, А.В. Островский, Л.С. Переломов, С.С. Разов, И.А. Рогачев, Д.А. Смирнов, В.Ф. Сорокин, М.Л. Титаренко, Н.С. Тихонов (ответственный секретарь), В.Н. Усов.

Документы

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия

По приглашению Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао Президент Российской Федерации Д.А. Медведев с 26 по 28 сентября 2010 года посетил Китайскую Народную Республику с официальным визитом. Главы двух государств провели переговоры в узком и широком составах. Состоялись также встречи Президента Д.А. Медведева с Председателем Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей У Банго, Премьером Государственного совета Вэнь Цзябао и Заместителем Председателя КНР Си Цзиньпином.

Президент Российской Федерации Д.А. Медведев посетил в городе Далянь мемориал советских воинов, погибших во время Второй мировой войны, и принял участие в мероприятиях Национального дня России на Всемирной универсальной выставке «ЭКСПО-2010» в Шанхае. Российская сторона высоко оценивает и поддерживает организованную Китайской стороной Всемирную универсальную выставку «ЭКСПО-2010». Китайская сторона выражает за это признательность Российской стороне и подчеркивает свою готовность совместными со всеми участниками усилиями превратить «ЭКСПО-2010» в красочное и незабываемое событие, которое внесет вклад в обмены между народами всех стран мира и будет способствовать устойчивому развитию человечества.

Главы государств рассмотрели вопросы развития российско-китайского партнерства и стратегического взаимодействия и дали высокую оценку значительному прогрессу, достигнутому за последние годы во всех сферах сотрудничества. Стороны с удовлетворением отмечают, что в эти годы усиливалось политическое взаимодоверие, стабильно расширялись двусторонние связи в практических областях, поддерживались тесные контакты и координация в международных и региональных делах, крепились взаимопонимание и дружба между народами. Благодаря своему стратегическому и долговременному характеру российско-китайские отношения стали важным стабилизирующим фактором современной международной политики.

Главы государств отметили, что современный мир находится на этапе больших изменений, реорганизации и развития. Углубляются процессы многополярности и экономической глобализации. Усиливаются тенденции к миру и развитию, взаимозависимость между государствами становится более тесной. Многостороннее взаимодействие и демократизация международных отношений глубоко проникают в сознание людей.

Принципы открытого сотрудничества, взаимной выгоды и общей пользы разделяются большинством членов международного сообщества. Стороны намерены продолжать наращивать всестороннее сотрудничество и усиливать взаимную поддержку в вопросах выбора собственного пути развития и защиты государственного суверенитета, безопасности и территориальной целостности друг друга, поддержания международного мира и стабильности, построения нового, более справедливого, рационального и демократического миропорядка.

В этой связи главы государств заявляют о следующем:

I

1. Стороны будут и впредь поддерживать тесные контакты на высшем, высоком и других уровнях для углубленного обмена мнениями по вопросам двусторонних отношений и важным международным проблемам, представляющим взаимный интерес, последовательно усиливая стратегическое взаимодействие между Россией и Китаем.

2. Стороны считают, что оказание взаимной поддержки в затрагивающих коренные интересы обоих государств вопросах государственного суверенитета, единства и территориальной целостности является важной составляющей российско-китайского стратегического взаимодействия. Российская сторона подтверждает твердую поддержку принципиальной позиции Китайской стороны по вопросам Тайваня, Тибета и Синьцзян-Уйгурского автономного района, политики Китайской стороны в вопросах защиты государственного единства и территориальной целостности КНР. Китайская сторона подтверждает поддержку усилиям России по защите своих коренных интересов и содействию региональному миру и стабильности во всем кавказском регионе и в СНГ.

Стороны подтверждают стремление не допустить пересмотра итогов Второй мировой войны, противодействовать попыткам фальсифицировать ее историю, героизировать нацистов, милитаристов и их пособников, очернить освободителей.

3. Стороны считают, что подписание Соглашения между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой о сотрудничестве в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом закладывает прочную основу для российско-китайского взаимодействия в борьбе с этими угрозами. В целях эффективного выполнения упомянутого Соглашения, а также совершенствования двустороннего сотрудничества в противостоянии другим современным вызовам и угрозам Стороны активизируют деятельность российско-китайской рабочей группы по противодействию терроризму, распространив ее мандат на весь комплекс новых вызовов и угроз и придав ее заседаниям регулярный характер.

4. Стороны совместно противостоят мировому финансовому кризису, стимулируют возобновление роста двустороннего торгово-экономического сотрудничества. Россия и Китай будут на основе своих национальных стратегий модернизации и экономического развития совершенствовать структуру, упорядочивать и изменять модель роста двусторонней торговли, расширять масштабы поставок машинотехнической и высокотехнологичной продукции, создавать современные логистические и торговые площадки, расширять обмены и сотрудничество в области создания особых экономических зон и защиты интеллектуальной собственности, ускорять реализацию крупных двусторонних проектов, формировать условия для последовательного, здорового и устойчивого развития российско-китайского торгово-экономического сотрудничества.

5. Стороны одобряют взаимодействие, которое после утверждения главами государств в июне 2009 года Плана российско-китайского инвестиционного сотрудничества развернули предприятия двух стран в сферах машиностроения, связи, телекоммуникаций, банковского дела, страхования, инноваций и прикладных научных разработок, химической, лесной и горнорудной промышленности, межрегионального сотрудничества, и

выражают надежду на дальнейшее усиление роли российско-китайских инвестиционных форумов, улучшение инвестиционного климата, применение более практичных и гибких форм продвижения крупных проектов инвестиционного сотрудничества, непрерывное повышение его качества и уровня.

6. Стороны признают важную роль и эффективность механизма российско-китайского энергодиалога, высоко оценивают результаты реализации подписанных соглашений о сотрудничестве в энергетической сфере. Стороны подчеркивают, что завершение строительства российско-китайского нефтепровода является крупным успехом энергетического взаимодействия двух стран, стимулом экономического развития России и Китая. Стороны решили активно продолжать сотрудничество в нефтяной, газовой, угольной, электроэнергетической сферах, в ядерной энергетике, в области повышения энергоэффективности и использования возобновляемых источников энергии, как можно скорее достичь договоренность о начале работ по строительству российско-китайского газопровода, стимулировать комплексное освоение угольных месторождений, включая развитие железных дорог и портов, продолжать поставки электроэнергии и оборудования для электросетевого хозяйства.

7. Стороны продолжают активную реализацию Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 годы), будут всемерно продвигать строительство инфраструктурных объектов и другие крупные проекты регионального сотрудничества, всесторонне поддерживать взаимодействие между регионами двух стран с использованием согласованных двусторонних механизмов.

8. Стороны выражают удовлетворение поступательным развитием сотрудничества в научно-технической и инновационной сферах и считают необходимым продолжать совместные фундаментальные исследования и высокотехнологичные разработки в ключевых областях и по приоритетным направлениям науки, техники и технологий, активно содействовать внедрению их результатов в производство. Стороны полагают целесообразным использовать целевые кредиты для поддержки научных исследований и высокотехнологичных разработок, совместной реализации крупных инновационных проектов.

9. Стороны заявляют, что будут оказывать активное содействие расширению взаимодействия в финансовой сфере, продолжать развивать собственные финансовые рынки, улучшать инвестиционный климат. Стороны поддерживают проведение на валютных рынках двух стран котировок рубля к юаню, что позволит создать благоприятные условия для осуществления двусторонних расчетов в национальных валютах, стимулируя тем самым рост двусторонней торговли и инвестиций.

10. Стороны полагают, что сотрудничество в сфере охраны окружающей среды, осуществляемое в рамках Подкомиссии по охране окружающей среды Комиссии по подготовке регулярных встреч глав правительств России и Китая, является хорошим примером взаимодействия двух стран. Стороны достигли позитивных результатов в работе по предотвращению и борьбе с загрязнениями и осуществлению оперативных контактов при стихийных бедствиях, мониторингу и охране качества воды трансграничных водных объектов, охране трансграничных заповедников и сохранению биологического разнообразия. Результаты совместного российско-китайского мониторинга свидетельствуют о заметном улучшении качества воды в трансграничных водотоках. Совместный мониторинг стал прочной основой двустороннего сотрудничества в сфере рационального использования и охраны трансграничных вод. Взаимодействие центральных и региональных органов двух стран, совместные действия на всех уровнях сформировали эффективную модель сотрудничества в сфере охраны окружающей среды.

11. Стороны высоко оценивают важную роль проекта обмена Годами русского и китайского языков в укреплении взаимодоверия и дружбы между народами двух стран, упрочении социальной базы российско-китайских отношений. Стороны решили и далее усиливать сотрудничество в сферах образования, культуры, здравоохранения, спорта, туризма, СМИ, кинематографии, архивного дела, уделяя особое внимание мероприятиям Года китайского языка в России, реализации переведенных на постоянную основу гуманитарных проектов Национальных годов России и Китая. Стороны отмечают, что летний отдых в Китае в 2010 году первой группы российских школьников в составе 500 человек был успешным, и намерены обеспечить всестороннюю организацию летнего отдыха в Китае второй группы российских школьников в 2011 году.

12. Стороны выражают готовность продолжить расширение культурных обменов и сотрудничества между двумя странами, используя в этих целях взаимное проведение фестивалей культуры России и Китая и другие мероприятия. Стороны считают, что взаимное открытие Россией и Китаем культурных центров сыграет важную роль в укреплении контактов и сотрудничества между двумя странами в гуманитарной сфере. Правительствa обоих государств будут оказывать поддержку работе культурных центров.

13. Стороны достигли договоренность об обмене Годами туризма между Россией и Китаем, поручили компетентным органам сформировать перечень конкретных мероприятий Годов и проработать сроки их проведения.

14. Стороны договорились о расширении сотрудничества в деле организации взаимного вещания телеканалов на территории друг друга.

II

1. Стороны заявляют, что вместе с международным сообществом будут противодействовать глобальным вызовам, отстаивать нормы международного права, активно выступать за многополярность и демократизацию международных отношений, способствовать созданию более справедливого, рационального и демократического международного политического и экономического порядка, прилагать неустанные усилия к установлению на планете прочного мира, всеобщего процветания и гармонии.

2. Стороны отмечают, что в настоящее время в мировой экономике наметилась тенденция к восстановлению. Однако главные противоречия полностью не устранены. Влияние мирового финансового кризиса сохраняется, основа для восстановления еще недостаточно прочна.

Стороны выступают за проведение всеми странами скоординированной, последовательной и стабильной макроэкономической политики, продолжение с учетом особенностей каждой страны мер по стимулированию экономики при обеспечении стабильности национальных финансовых систем, дальнейшее продвижение реформы международной финансовой системы, совершенствование механизмов управления мировой экономикой, противодействие всем формам протекционизма. Стороны намерены совместно с мировым сообществом содействовать созданию и совершенствованию сбалансированного, благоприятного и выгодного для всех многостороннего торгового режима.

3. Стороны считают, что в области международной безопасности ситуация в целом благоприятная, но количество факторов нестабильности и неопределенности растет. Все отчетливее проявляются глобальные проблемы, периодически обостряются международные и региональные вопросы. Традиционные проблемы безопасности приобретают новое измерение, в то время как нетрадиционные — усиливаются. Происходит их взаимное переплетение, что является серьезным вызовом миру и стабильности в мире. Стороны выступают за взаимодоверие и укрепление сотрудничества в сфере безопасности, за разрешение международных споров путем диалога и консультаций.

Стороны полагают, что сохранение мира, безопасности и стабильности в евроатлантическом и евроазиатском регионах имеет важное значение не только для стран этих регионов, но и для всего мира. Китайская сторона положительно оценивает усилия Российской стороны по противодействию новым угрозам и вызовам безопасности в соответствии с принципом равной и неделимой безопасности, объединению сил всех соответствующих сторон для продвижения заключения Договора о европейской безопасности, выступает против расширения военных союзов.

4. Стороны указывают на универсальный характер и центральную координирующую роль ООН в поддержании мира во всем мире, содействии всеобщему развитию, продвижении международного сотрудничества. Стороны поддерживают проведение реформы Совета Безопасности ООН в целях повышения его работоспособности и эффективности, придания ему более представительного характера. Стороны выступают за то, чтобы государства-члены ООН путем самых широких консультаций на демократической основе стремились к консенсусу по вопросу реформы.

5. Стороны положительно оценивают важную роль, которую играет «Группа двадцати» в противодействии мировому финансово-экономическому кризису и содействии восстановлению мировой экономики, выступают в поддержку «Группы двадцати» как главного форума международного экономического сотрудничества, продолжающего уделять внимание важным проблемам мировой экономики, финансов и развития. Стороны полагают, что «Группа двадцати» должна быть представительной, равноправной и эффективной структурой, которая последовательно продвигает реформу механизма управления мировой экономикой и международной финансовой системой, способствует уверенному, устойчивому и сбалансированному росту мировой экономики. «Группа двадцати» должна обеспечить выполнение решений саммита в Питтсбурге о перераспределении квот и голосов в МВФ до саммита в Сеуле, обеспечить достижение фискальной консолидации в согласованные сроки, стимулировать прогресс в области реформы финансового регулирования, противодействовать всем формам протекционизма, усилить внимание к проблеме развития. Стороны будут укреплять контакты и координацию позиций в рамках «Группы двадцати» по основным финансово-экономическим проблемам, таким как реформа модели устойчивого экономического роста и системы международного финансового регулирования.

6. Стороны заявляют, что придают большое значение проблемам глобального изменения климата, твердо придерживаются принципов, утвержденных Рамочной конвенцией ООН об изменении климата и Киотским протоколом, в том числе принципа «общей, но дифференцированной ответственности». С учетом итогов Конференции ООН по изменению климата в Копенгагене (декабрь 2009 года) Стороны готовы совместно с другими сторонами прилагать усилия для продвижения процесса международных переговоров, вносить активный вклад в укрепление международного сотрудничества и совместное противодействие вызовам, которые создает глобальное изменение климата.

7. Стороны будут решительно укреплять сотрудничество в таких областях как международный контроль над вооружениями, разоружение и предотвращение распространения ОМУ и средств его доставки.

Стороны подтверждают приверженность цели создания мира, свободного от ядерного оружия. Для достижения этой долгосрочной цели необходимо, чтобы все государства приложили совместные усилия по поддержанию глобальной стабильности, международного и регионального мира, содействовали контролю над вооружениями, разоружению и нераспространению при соблюдении принципа равной и неделимой безопасности для всех.

Стороны заявляют, что предотвращение распространения ядерного оружия крайне важно для международного и регионального мира и безопасности. ДНЯО — это краеугольный камень международной системы нераспространения ядерного оружия.

Стороны приветствуют позитивные результаты, достигнутые на Обзорной Конференции 2010 года по рассмотрению действия ДНЯО и намерены прилагать совместные усилия для дальнейшего сбалансированного продвижения к трем ключевым целям данного Договора — нераспространению ядерного оружия, ядерному разоружению и мирному использованию атомной энергии, а также непрерывно расширять круг участников и укреплять авторитет и эффективность Договора. Стороны заявляют, что эффективная система гарантий МАГАТЭ крайне важна для противодействия распространению ядерного оружия и сотрудничества в области мирного использования атома. Подписанный Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки Договор о СНВ является важным шагом по осуществлению статьи VI ДНЯО.

Стороны поддерживают скорейшее вступление в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, скорейший запуск на Конференции по разоружению в Женеве переговоров по разработке Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов для целей ядерного оружия, продвижение процессов создания региональных зон, свободных от ядерного оружия, прежде всего на Ближнем Востоке.

Стороны преисполнены решимости продолжать как на двустороннем уровне, так и в формате «шестерки» конструктивное сотрудничество по вопросу, связанному с иранской ядерной программой, и подтверждают, что данный вопрос должен быть решен политико-дипломатическими методами на основе неукоснительного соблюдения всеми сторонами ДНЯО. Стороны подчеркивают необходимость всестороннего долговременного переговорного решения в целях восстановления международного доверия к исключительно мирному характеру иранской ядерной программы. Для этого следует предпринять активные практические шаги по скорейшему возобновлению переговорного процесса между Ираном и «шестеркой» и одновременные усилия по реализации схемы предоставления топлива для тегеранского исследовательского реактора. Эта схема является важной мерой по укреплению доверия между сторонами и имеет позитивное значение для прогресса в других сегментах иранского ядерного досье.

Стороны полагают, что укрепление ядерной безопасности имеет важное значение для содействия устойчивому развитию атомной энергетики и экономики, предотвращения ядерного терроризма, укрепления международного мира и безопасности, отвечает интересам всех государств. Стороны поддерживают укрепление сотрудничества мирного сообщества в этой сфере.

Стороны придают большое значение развитию доверительного диалога России и Китая по проблематике противоракетной обороны, подчеркивают важность сохранения глобального стратегического баланса и стабильности, учета интересов и обеспечения равной безопасности всех государств. Стороны вновь подтверждают готовность активно способствовать продвижению на Конференции по разоружению в Женеве международных усилий по предотвращению гонки вооружений в космосе. Стороны будут продолжать укреплять связи и сотрудничество по проблематике противоракетной обороны и космоса.

8. Стороны отмечают, что множасьщиеся угрозы и вызовы, с которыми сталкивается Азиатско-Тихоокеанский регион, требуют дальнейших усилий всех стран региона в области поддержания региональной безопасности и стабильности. Стороны приняли решение совместно выступить с инициативой по укреплению безопасности в духе взаимного доверия, взаимной выгоды, равноправия и взаимодействия. Стороны выступают за создание в АТР открытой, транспарентной и равноправной архитектуры безопасности и сотрудничества, основанной на принципах международного права, внеблоковых нача-

лах и учете законных интересов всех сторон. Важно, чтобы все государства региона откажались от конфронтации и не осуществляли между собой сотрудничество, направленное против третьих стран.

Стороны призывают все государства АТР при осуществлении двустороннего и многостороннего сотрудничества в области безопасности придерживаться следующих основополагающих международно-признанных принципов:

- уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность, не вмешиваться во внутренние дела друг друга;
- подтвердить приверженность принципу равной и неделимой безопасности;
- подтвердить оборонительный характер своей военной политики;
- не применять военную силу и не угрожать ее применением;
- не предпринимать и не поддерживать любые действия, направленные на свержение правительств или подрыв стабильности других государств;
- урегулировать взаимные разногласия мирными политико-дипломатическими средствами на основе принципов взаимопонимания и готовности к поиску компромисса;
- укреплять сотрудничество в области противодействия нетрадиционным угрозам безопасности;
- развивать двустороннее и многостороннее сотрудничество в военной области, не направленное против третьих стран;
- развивать приграничное сотрудничество и укреплять контакты между людьми.

Стороны отмечают, что продвижению вышеупомянутых принципов и мер обеспечения безопасности могло бы способствовать налаживание партнерских связей между многосторонними объединениями АТР.

9. Стороны заявляют, что Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) играет важную роль в поддержании региональной и глобальной безопасности, углублении взаимного доверия и добрососедства, практического сотрудничества между государствами-членами Организации, а также содействует дальнейшей демократизации международных отношений. Динамичное развитие и укрепление ШОС, повышение ее влияния отвечает коренным интересам всех ее членов. Стороны будут и впредь наращивать стратегическое взаимодействие и предпринимать усилия в целях укрепления роли ШОС в сфере обеспечения региональной безопасности, противодействия общим угрозам и вызовам, а также в продвижении сотрудничества в экономической и гуманитарной сферах.

Стороны подтверждают, что приверженность основополагающему принципу открытости ШОС, зафиксированному в ее Хартии, является одним из ключевых факторов дальнейшего повышения международного авторитета Организации. Стороны предпримут совместные усилия по совершенствованию правовой базы, регламентирующей вопросы приема в ШОС новых членов.

10. Стороны заявляют, что придерживаются единых позиций по вопросам поддержания мира и стабильности на пространстве ШОС, в том числе в центральноазиатском регионе. Стороны продолжают оказывать содействие устойчивому развитию других государств-членов с учетом их национальной специфики, укреплять взаимодействие с ними в политической, торгово-экономической и гуманитарной сферах. Особое внимание будет уделяться вопросам борьбы с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, незаконным оборотом наркотиков и трансграничной организованной преступностью, поддержанию мира и стабильности в регионе, содействию экономическому развитию и процветанию всех расположенных здесь государств.

11. Стороны выразили озабоченность в связи с обстановкой, сложившейся на Корейском полуострове, и высказались в пользу улучшения отношений путем диалога и контактов, а также укрепления взаимопонимания и доверия между всеми заинтересован-

ными сторонами. Стороны считают, что необходимо как можно скорее возобновить шестисторонние переговоры и в полной мере реализовать Заявление от 19 сентября 2005 года.

12. Стороны подчеркивают, что развитие диалога и сотрудничества в рамках БРИК отвечает общим интересам государств с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся стран, способствует становлению новой, более гармоничной международной системы, основанной на многополярности и демократических принципах глобального управления. Стороны заявляют о решимости и далее развивать всестороннее практическое сотрудничество между четырьмя государствами, действуя поступательно, инициативно и прагматично, в духе открытого партнерского диалога. Российская сторона приветствует решение Китая принять у себя в 2011 году третью официальную встречу лидеров БРИК и будет оказывать активную поддержку Китайской стороне в ее проведении.

13. Стороны продолжают укреплять трехсторонний диалог между Россией, Китаем и Индией, прилагать совместные усилия для создания благоприятной обстановки в АТР и в мире в целом. Россия и Китай будут содействовать достижению значимых результатов в таких сферах сотрудничества в тройственном формате, как ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, сельское хозяйство, здравоохранение, обмена между научными и торгово-промышленными кругами, а также стимулировать многостороннее сотрудничество и демократизацию международных отношений.

14. Стороны подтверждают твердую приверженность достижению всеобъемлющего, справедливого и прочного урегулирования арабо-израильского конфликта на общепризнанной международно-правовой основе, включая мадридские принципы, соответствующие резолюции СБ ООН, принцип «мир в обмен на землю», а также «арабскую мирную инициативу». Стороны приветствуют перезапуск 2 сентября 2010 года прямых палестино-израильских переговоров и выражают надежду на то, что эти переговоры принесут положительные результаты.

15. Стороны подтверждают приверженность становлению Афганистана в качестве мирного и стабильного, независимого и самостоятельного, развивающегося, нейтрального и прогрессивного государства, свободного от терроризма и незаконной торговли наркотиками. В целом позитивно оценивая прогресс в деле мирного восстановления Афганистана, Стороны выражают намерение продолжить активное участие в этом процессе. Стороны поддерживают оказание международным сообществом при руководящей роли ООН помощи в восстановлении Афганистана, выступают за совместное содействие делу мира, стабильности и развитию этой страны и региона вокруг нее, при условии уважения ее независимости, суверенитета и территориальной целостности.

Переговоры глав государств России и Китая прошли в атмосфере дружбы, взаимного доверия и сотрудничества, увенчались важными конкретными результатами. Стороны выражают удовлетворение их итогами.

Президент Российской Федерации Д.А.Медведев пригласил Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао посетить Россию в 2011 году в удобное для него время. Приглашение было с благодарностью принято. Конкретные сроки визита будут согласованы по дипломатическим каналам.

*Президент
Российской Федерации*

*Председатель
Китайской Народной Республики*

г. Пекин, 27 сентября 2010 года.

Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны

27 сентября 2010 года

В нынешнем году отмечается 65-летие окончания Второй мировой войны. Эта величайшая человеческая трагедия XX века принесла неисчислимые бедствия многим народам мира. Человечество должно всегда помнить об этой трагедии, ее причинах и уроках, чтобы не допустить повторения такой катастрофы, которая чревата разрушением всей нашей цивилизации.

Приняв на себя главный удар фашизма и милитаризма, пройдя через самые страшные испытания и понеся наибольшие людские потери, народы наших стран вынесли на себе основную тяжесть сопротивления агрессорам и одержали в итоге победу. В России и Китае никогда не забудут подвиг тех, кто остановил фашизм и милитаризм, всеми силами стремившиеся завоевать и поработить наши страны, другие государства и целые континенты. В наших странах будут помнить и чтить представителей союзных государств и всех тех, кто стоял рядом с нами в борьбе за жизнь и свободу.

В суровых испытаниях военных лет ярко проявились и окрепли лучшие традиции взаимопомощи между нашими народами. Сразу после японского вторжения в Китай Советский Союз оказал масштабную помощь своему соседу. Плечом к плечу сражались летчики двух стран. В советских войсках воевали представители Китая. В Китае высоко ценят роль Советской Армии в освобождении Северо-Восточного Китая. Славные исторические страницы боевой дружбы и взаимной помощи народов двух стран заложили прочную основу современных российско-китайских отношений стратегического партнерства и взаимодействия.

Мы отдаем дань глубокого уважения нашим ветеранам, которые и сегодня являются примером патриотизма и самоотверженного служения родине. Мы свято чтим павших за свободу и независимость наших стран. Китайский народ бережет память о советских воинах, отдавших свои бесценные жизни за освобождение Китая, и будет вечно чтить их выдающийся подвиг.

Принимая во внимание значимость победы для наших двух стран, Россия и Китай проводят в 2010 году совместные мероприятия, посвященные 65-летию окончания Второй мировой войны.

Вторая мировая война стала суровым предупреждением всему человечеству. Россия и Китай решительно осуждают попытки фальсифицировать историю Второй мировой войны, героизировать нацистов, милитаристов и их пособников, очернить освободителей. Ревизия закрепленных в Уставе ООН и других международных документах итогов Второй мировой войны недопустима, она чревата возрождением атмосферы враждебности между государствами и народами. Такие попытки возвращают нас в эпоху идеологизированных подходов в международных отношениях и, как следствие, делают тщетными усилия по поиску адекватных ответов мирового сообщества на стоящие перед ним глобальные вызовы и угрозы.

За последние десятилетия странами мира много было сделано для создания системы международных отношений, основанной на принципах международного права. Россия и Китай как постоянные члены Совета Безопасности ООН преисполнены решимости и далее работать сообща со всеми миролюбивыми государствами и народами во имя формирования справедливого и рационального международного порядка, предотвращения на планете войн и конфликтов.

Десятая трехсторонняя конференция ученых России, Индии и Китая

**Организаторам и участникам 10-й международной
конференции
«Россия—Китай—Индия: проблемы и перспективы
трехстороннего сотрудничества в решении проблем
безопасности и соразвития в Азии»**

Сердечно приветствую организаторов и участников юбилейной конференции, проводимой Институтом Дальнего Востока РАН.

Символично, что начало взаимодействию в рамках РИК было положено запуском дискуссионного форума ученых, которые прозорливо увидели широкие возможности сопряжения усилий России, Индии и Китая.

За минувшее десятилетие партнерство наших стран стало эффективным средством укрепления доверия и продвижения конструктивного взаимодействия между ними, востребованным фактором в усилиях по созданию полицентричного демократического миропорядка, формирования в Азиатско-Тихоокеанском регионе отвечающей современным требованиям архитектуры безопасности и сотрудничества. В его основе — гармоничное созвучие коренных интересов трех государств по многим вопросам регионально-го и глобального развития. Рассчитываем, что новый импульс его укреплению придадут результаты предстоящей встречи министров иностранных дел РИК в Ухане 15 ноября.

Убежден, что ваш форум внесет весомый вклад в расширение горизонтов сотрудничества между нашими странами, будет способствовать его наполнению новым содержанием.

Желаю вам успешной, плодотворной работы и всего самого доброго.

г. Москва, 17 сентября 2010 года

Министр иностранных дел РФ С. Лавров

Послание министра иностранных дел Индии С.М. Кришны участникам трехсторонней научной конференции «Индия—Россия—Китай»

17 сентября 2010 г.

Очень рад, что трехсторонняя научная конференция «Индия — Россия — Китай» (ИРК) отмечает свой десятилетний юбилей. Приветствую это собрание авторитетных ученых и экспертов из наших трех стран. Также выражаю признательность Институту Дальнего Востока Российской академии наук за организацию данного семинара 2010 года в Москве.

Вызывает удовлетворение тот факт, что выдающиеся ученые и стратегически мыслящие аналитики из лучших научных институтов наших трех стран вот уже десять лет проводят ежегодные встречи, чтобы поразмышлять о нашем общем будущем.

Трехстороннее взаимодействие Индии, России и Китая базируется на той мысли, что взаимное сотрудничество — единственный путь к общему процветанию. Способствует такому сотрудничеству осознание того, что, несмотря на различные интересы и предметы озабоченности, наши три страны ведут поиск общей платформы. Встречи министров иностранных дел трех стран создают нам основу для обмена мнениями по ряду глобальных и региональных проблем, развития взаимопонимания и доверия, а также поиска возможностей для сотрудничества в областях, представляющих взаимный интерес. Трехсторонний формат не нацелен против какой-то страны или идеологии — он представляет собой позитивный и конструктивный процесс, направленный на укрепление сил мира, безопасности и стабильности в регионе и во всем мире.

Правительства, занятые сиюминутными проблемами, часто не имеют времени и сил для того, чтобы уделять достаточное внимание череде событий, которые оказывают огромное влияние на взаимосвязанный мир. Научные же институты могут повести стратегическое сообщество к изучению будущих сценариев, поиску сфер совпадения интересов многочисленных субъектов и к разработке четко сформулированных альтернативных политических концепций на основе изучения и анализа многомерных переменных факторов. Именно научные институты помогают в «наведении мостов» между доскональным знанием и выработкой политики с учетом имеющейся информации.

В ходе своих встреч министры иностранных дел Индии, России и Китая уже не раз давали высокую оценку Вашему форуму, отмечая его значительный вклад в активизацию научных дискуссий по политическим и стратегическим вопросам, небезразличным для наших трех стран. Мы будем и далее опираться на превосходные идеи и предложения, которые выдвигаются на этих конференциях. Кроме того, мы, как и прежде, надеемся, что ученые будут нестандартно, творчески осмысливать возникающие перед ними сложные политические проблемы.

В то время как форум продолжает свою работу по решению важных политических и стратегических вопросов, я бы призвал его участников также проработать идеи и выдвинуть практические предложения по эффективному использованию взаимодополняемости наших трех стран в таких сферах как наука, экономика и технологии для укрепления взаимовыгодного трехстороннего сотрудничества.

Желаю форуму полного успеха в его работе.

С.М. Кришна

Приветствие министра иностранных дел КНР Ян Цзечи в связи с проведением 10-й конференции диалога ученых Китая, России и Индии

Москва

Директору Института Дальнего Востока Российской академии наук академику
Титаренко М.Л.

Испытывая чувство радости в связи с открытием в Москве 10-й конференции диалога ученых Китая, России и Индии, имею честь просить Вас передать ее участникам самые теплые приветствия и выразить сердечную благодарность экспертным группам, специалистам и ученым трех стран, которые на протяжении многих лет активно способствуют продвижению трехстороннего сотрудничества Китая, России и Индии.

Китай, Россия и Индия являются важными экономическими субъектами современного мира и одновременно важными акторами в продвижении процесса мировой многополярности. В нынешнем году Китай, Россия и Индия продемонстрировали хорошую координацию и взаимодействие в содействии процессу демократизации международных отношений, оздоровлении и реформировании системы мировой экономики, решении важных глобальных и региональных проблем. Их сотрудничество в практических делах непрерывно укрепляется. Трехстороннее сотрудничество Китая, России и Индии становится не только важным механизмом повышения благосостояния народов этих стран, поддержания безопасности и стабильности в регионе, но и мирного развития на всей планете. Оно привлекает к себе все большее внимание со стороны международного сообщества.

В настоящее время в международной и региональной ситуации происходят глубокие и сложные изменения. Трехстороннее сотрудничество Китая, России и Индии также стоит перед лицом новых возможностей и вызовов. Поэтому нынешняя очередная встреча ученых трех стран, собравшихся в Москве для глубокого обсуждения возникающих в новой ситуации проблем китайско-российско-индийского сотрудничества, условий безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе, двусторонних отношений в трехстороннем формате и других тем, чрезвычайно актуальна. Она имеет также важное значение для дальнейшего расширения и углубления путей и сфер трехстороннего сотрудничества, для укрепления взаимопонимания и доверия народов трех стран.

Желаю конференции диалога ученых Китая, России и Индии всяческих успехов!

*Министр иностранных дел
Китайской Народной Республики*

Ян Цзечи

20 сентября 2010 г. Пекин

Международное значение и дальнейшие задачи трехстороннего сотрудничества России, Индии и Китая

© 2010

М. Титаренко

Статья, подготовленная на основе доклада на 10-й конференции ученых-политологов России, Индии и Китая, проходившей в Москве 20–21 сентября 2010 г., анализирует современную международную обстановку, уже идущие или назревающие в ней серьезные перемены, которые во многом связаны с укреплением полицентризма на мировой арене. Показана жизнеспособность формата «Россия—Индия—Китай» и высокий потенциал сотрудничества трех стран в решении важнейших для Азии и Азиатско-Тихоокеанского региона проблем безопасности и устойчивого экономического роста.

Ключевые слова: Россия, Индия, Китай, сотрудничество, современная международная обстановка, полицентризм

Сегодняшнее наше заседание — это уже 10-я встреча ученых наших стран. Прошедшие годы убедительно показали, вопреки прогнозам скептиков, *жизнеспособность трехстороннего сотрудничества* в формате РИК. Оно стало полезным инструментом взаимодействия между Россией, Индией и Китаем, одним из важных факторов формирующегося многополярного мироустройства. Помимо международной значимости сотрудничества между тремя крупнейшими мировыми державами, располагающими огромным совокупным потенциалом и придерживающимися совпадающих взглядов на важнейшие международные проблемы, диалог в рамках РИК оказал несомненное позитивное воздействие на двусторонние отношения стран-членов, стал удобной площадкой достижения взаимопонимания и доверия в поисках взаимоприемлемых решений. На повестке дня — повышение роли РИК в урегулировании региональных проблем, решении задач расширения сотрудничества в интересах совместного развития. Главное сейчас — всемерно использовать открывающиеся возможности, наполнив наше сотрудничество реальным содержанием в практических областях. В полученных нами приветствиях министров иностранных дел обращено внимание именно на углубление сотрудничества в практических областях.

I

Коренные перемены в международной обстановке придают нашему конструктивному диалогу особое значение в обеспечении и защите национальных интересов каждой из наших стран.

Процессы глобализации охватили весь мир, в международных делах все более прочно складывается полицентризм. Наиболее значительными выступают ныне семь центров влияния: США, Объединенная Европа и НАТО, Китай, Индия, Россия, Япония, Бразилия. Одной из особенностей нынешней ситуации, на наш взгляд, является, с одной

стороны — усиление взаимодействия этих центров и примыкающих к ним стран, а с другой — стремление сохранить самобытность, самостоятельность и продемонстрировать свои возможности, проявление готовности действовать ассоциативно, искать сотрудничество с партнерами по общности стратегических или тактических интересов. Это проявляется как в деятельности блока НАТО, АСЕАН, АТЭС, так и в появлении новых многосторонних формализованных и неформализованных диалоговых площадок типа ШОС, РИК, БРИК, «Группа двадцати» и т.д. Все более явственно идет смещение вектора мировой политики и экономики от евроатлантического направления в Азиатско-Тихоокеанский регион, значение которого в формировании нового миропорядка будет и дальше возрастать. Серьезным испытанием стал нынешний мировой экономический кризис, показавший необходимость кардинального реформирования послевоенной глобальной финансово-экономической системы.

Становится все более очевидным, что *мир нуждается в новой повестке дня*, формировании справедливого и равноправного миропорядка. Необходимы совместные ответы на грозящие человечеству вызовы в форме терроризма, глобальных экологических и климатических катаклизмов, растущей нехватки природных ресурсов, продовольствия, воды. На первый план все более настоятельно пробиваются задачи налаживания межцивилизационного диалога. Крайне актуальной становится задача гармонизации отношений между нациями и религиями, защиты духовного и культурного наследия человечества.

Перед научным и дипломатическим сообществами, в том числе и таким, как РИК, стоит задача *осмыслить указанные процессы*, выстроить верное направление дальнейших действий. При этом сразу же хотели бы подчеркнуть, что не видим какой-либо полярности, острых противоречий и препятствий для разграничения функций в деятельности ШОС, РИК и БРИК (на что нередко указывают отдельные аналитики). Каждая из этих структур имеет свой ареал деятельности, свою специфику и ясные задачи. Взаимодействие между этими структурами пойдет лишь на пользу общему делу. Еще один важный концептуальный момент: усилия стран РИК не направлены против третьих стран, в нашей платформе нет конфронтационных моментов. Напротив, мы твердо осознаем, что решение мировых проблем, тем более в нынешней сложной геополитической ситуации, невозможно без тесного взаимодействия с другими нашими партнерами и центрами влияния, будь то Соединенные Штаты, ЕС, Япония, страны АСЕАН, развивающиеся государства Азии, Африки, Латинской Америки. Другое дело, и в этом ценность нашего сотрудничества, что мы можем предлагать и отстаивать собственные методы решения проблем, отвечающие интересам наших трех стран, нашим представлениям о справедливом мироустройстве.

Несколько слов о приоритетах политики нашей страны, *России*. Говоря в целом, Россия как евразийское государство стремится поддерживать равновесный баланс между западными и восточными векторами своей политики. Поэтому во внешнеполитической доктрине России Китай и Индия рассматриваются как наиболее *важные стратегические партнеры*. В области внутренней политики российским руководством поставлены в качестве первоочередных задачи всесторонней модернизации страны, достижения технологического прорыва, перевода российской экономики на инновационные рельсы. В свете этих задач большую практическую ценность для нас представляет опыт китайских и индийских друзей в сфере инноваций, привлечении внешних инвестиций и применении передового опыта управления.

Один из главных приоритетов России — *стабилизация обстановки на постсоветском пространстве*, установление прочных, взаимоуважительных отношений с расположенными здесь странами. Для нас важно, чтобы наши дружественные партнеры поняли мотивы, которыми мы руководствуемся. Речь не идет о каком-то установлении доминирования России на этом пространстве. Наша цель — успешное развитие стран-членов СНГ, предотвращение возможных конфликтов между ними. Мы видим свой долг

и в том, чтобы оказывать всемерную поддержку более чем 25 млн соотечественников, проживающих на территории новых независимых государств, где их права нередко ущемляются.

Вполне понятно, что большое значение сохраняет развитие взаимовыгодных отношений со странами *Запада*, с Соединенными Штатами, остающимися наиболее мощной державой мира. Так же как Индия и Китай, мы стремимся привлечь высокотехнологичные корпорации стран ЕС, США, Японии для целей модернизации нашей экономики. К сожалению, на наших отношениях с Вашингтоном продолжают отрицательно сказываться рудименты «холодной войны», хотя с приходом к власти администрации Б. Обамы лед, можно сказать, тронулся и здесь.

Россия нацелена также на *углубление диалога и партнерства с Европейским Союзом*. В последние годы вследствие односторонних действий Запада, политики расширения НАТО произошла опасная разбалансировка выработанных ранее договоров, обеспечивавших стабильность на европейском континенте. Россия выступила с предложением заключить Договор о европейской безопасности.

Хотели бы также затронуть такой важный и актуальный вопрос, как отношение к так называемым «*проблемным государствам*». Говорим об этом, поскольку и здесь позиции наших стран во многом совпадают. В качестве наиболее эффективного метода решений рассматриваем вовлечение указанных государств в международное общение, применение в первую очередь политико-дипломатических методов урегулирования конфликтов, побуждая страны, против которых они направлены, к переговорному процессу.

II

В последние годы Россия все более четко осознает свое евразийское геополитическое местоположение и усиливает внимание к *Азиатско-Тихоокеанскому региону*. Интеграция с АТР рассматривается, помимо прочего, в качестве серьезного ресурса подъема экономики как российского Дальнего Востока, так и всей России. Разработана и в конце декабря прошлого года утверждена правительством Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г.

Особое значение придается реализации разработанной между Россией и Китаем «*Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на 2009–2018 годы*» (утверждена руководителями двух стран 23 сентября 2009 г., включает 205 проектов, задачи по координации выполнения Программы возложены на Министерство регионального развития РФ и Государственный комитет КНР по развитию и реформам).

Ключевым элементом нашей стратегии является всемерное использование геостратегического положения России, как евразийской державы, призванной *стать связующим мостом между Европой и Азией*. При этом важно, чтобы ресурсы Восточной Сибири и Дальнего Востока работали не только на благо нашей страны, но и всего Азиатско-Тихоокеанского региона. Акцент делается на модернизацию и создание развитой транспортной инфраструктуры, топливно-энергетической сети, укрепление промышленной и сельскохозяйственной базы российских дальневосточных регионов. Осуществляются практически меры, направленные на улучшение климата для иностранных инвестиций, изучается вопрос о возможности присоединения России к зонам свободной торговли, охватывающим все новые и новые пространства в Восточной и Юго-Восточной Азии.

В АТР сформировались и действуют такие *крупные региональные форумы и механизмы*, как АТЭС, АСЕАН, АРФ, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и другие, которые в немалой степени способствовали экономическому подъему региона.

В то же время в регионе имеет место весьма высокий конфликтный потенциал, наблюдается интенсивный рост вооружений, но при этом полностью отсутствует уни-

версальная система безопасности, в задачу которой входило бы комплексное рассмотрение проблем безопасности региона.

Указанная ситуация вызывает растущее беспокойство самих стран региона, выдвигает ряд идей о *создании в АТР всеобъемлющей модели сотрудничества* (австралийский план образования так называемого Азиатско-Тихоокеанского сообщества, выдвинутая бывшим японским премьером Ю. Хатоямой идея создания Восточноазиатского сообщества и др.).

Свой вклад в *формирование в АТР новой, полицентричной и транспарентной архитектуры безопасности и сотрудничества* готова внести и Россия. Двигаться к этому, как мы считаем, следует поэтапно, опираясь на хорошо зарекомендовавшие себя внеблочные многосторонние организации и форумы (АТЭС, АСЕАН, АРФ и др.). В качестве подходящей площадки может быть использована такая структура, как Восточноазиатский саммит (АСЕАН+6) с добавлением к нему США и России. Однако, на наш взгляд, наиболее предпочтительным было бы создание универсального новаторского механизма, основанного на принципах неделимой безопасности, утверждения мер доверия, укрепления механизмов превентивной дипломатии и урегулирования конфликтов.

Считаем, что полезный вклад в *формирование эффективного механизма обеспечения безопасности в Азии* могли бы внести три наши страны, действуя в формате РИК или по другим каналам. В этой связи было бы полезно обменяться мнениями в ходе нашей нынешней встречи относительно возможной архитектоники безопасности в АТР.

Особое беспокойство у нас вызывает наиболее насыщенный вооружениями регион *Северо-Восточной Азии* с такими реликтовыми формами обеспечения безопасности как мощный военный кулак США и система военных союзов США с Японией и Южной Кореей.

Серьезную угрозу стабильности в СВА представляет *острая напряженность на Корейском полуострове*, блокирующая, помимо прочего, осуществление широкомаштабных экономических проектов с охватом всей Северо-Восточной Азии. Возникновение вооруженного конфликта в районе Корейского полуострова, особенно с применением ОМУ, явилось бы прямой угрозой безопасности России и Китая, привело к дальнейшей дестабилизации обстановки в регионе.

Другими словами, налицо настоятельная потребность в создании коллективных регулирующих механизмов с участием всех стран региона. На данном этапе, как представляется, для *начала предметного диалога по проблемам СВА* можно было бы использовать механизм шестисторонних переговоров по ядерной проблеме Корейского полуострова (ЯПКП), постепенно расширяя его функции, круг рассматриваемых им вопросов.

Большую озабоченность вызывает беспокойная ситуация в *Южной и Центральной Азии*. Мы имеем в виду обострившуюся обстановку в Пакистане, сохраняющуюся нестабильность в *Центральной Азии* (события в Киргизии), тупиковую ситуацию в *Афганистане*, сопровождающуюся резким возрастанием наркотической угрозы.

Данные проблемы прямо затрагивают интересы трех наших стран и требуют принятия скоординированных действий для того, чтобы справиться с ними, разумеется, в тесном взаимодействии с другими заинтересованными странами и силами.

Важную роль в укреплении стабильности и безопасности в Центрально-Азиатском регионе призвана сыграть *Шанхайская организация сотрудничества* (ШОС), что требует существенной активизации организации, повышения роли ШОС в международных делах. Нужны решительные меры по подъему экономической эффективности ШОС, реализации ее трансаянских проектов. Важно также вести дело к превращению ШОС в действенный инструмент урегулирования все более частых конфликтов на пространстве Центральной Азии (необходимость этого показывают недавние события в Киргизии). Очевидно, следует активнее подключаться к афганскому урегулированию, используя имеющиеся у ШОС немалые возможности и исходя из того, что поражение

сил международной коалиции в Афганистане в первую очередь ударило бы по интересам центрально-азиатских стран — соседей Афганистана, включая Индию, Россию и Китай. Нужно подумать над тем, что мы будем делать после ухода из Афганистана войск международной коалиции.

В этой связи еще большую актуальность приобретает расширение взаимодействия в делах ШОС с Индией, являющейся сейчас наблюдателем при этой организации, обеспечение практического участия Индии во всех наиболее важных направлениях деятельности ШОС. В том числе можно подумать над налаживанием взаимодействия Индии с Региональной антитеррористической структурой ШОС (РАТС). **Очевидно, назрело время и для решения вопроса о приеме Индии в полные члены ШОС, что придаст организации дополнительный импульс.**

Особую значимость для нас имеет успешное проведение намеченного на осень 2012 г. *саммита АТЭС во Владивостоке*. Ведем активную подготовительную работу к саммиту, рассматривая его как важный этап на пути интеграции России в АТР.

Большое значение придаем разработке совместного документа участников саммита, в котором были бы изложены идеи относительно дальнейших путей развития региона и обеспечения его безопасности.

Надеемся на активное содействие в подготовке к саммиту со стороны индийских и китайских друзей.

III

К настоящему времени трехстороннее взаимодействие в рамках РИК обрело осязаемые формы, созданы разветвленные *механизмы сотрудничества*, главный из которых — ежегодные встречи министров иностранных дел России, Индии и Китая. В июле 2006 г. «на полях» саммита «Группы восьми» в Санкт-Петербурге прошла первая встреча в формате РИК на высшем уровне.

Стороны приступили к секторальному диалогу по линии соответствующих министерств и ведомств. Все более важное значение придается расширению сотрудничества в энергетической сфере (газопроводы, нефтепроводы, линии электропередач), созданию необходимой транспортной инфраструктуры, которая связала бы центрально-азиатский и южно-азиатский регионы. В перспективе же — с урегулированием в Афганистане — речь пошла бы о создании в этом стратегическом регионе мощного индустриально-промышленного узла.

В декабре 2007 г. механизм трехстороннего сотрудничества был расширен за счет *корпоративного сектора*. В Дели и Чанчуне прошли Деловые форумы предпринимателей трех стран. Российская сторона предложила провести третий такой форум в России в 2011 г. Установлены связи между торгово-промышленными палатами сторон. Работа идет, однако похвастаться заметными результатами пока трудно. Нужны новые и новые усилия для того, чтобы перевести принятые решения в практическую плоскость, необходим постоянный мониторинг выполнения намеченных программ. Мне кажется, что мы, ученые, могли бы внести в эти усилия свою лепту, проанализировав, что фактически уже сделано на указанных направлениях и, если нужно, высказав соображения и предложения руководству трех стран.

В рамках наших собственных усилий по научному сопровождению трехстороннего процесса предлагаем сосредоточиться на рассмотрении следующих тем: теоретическое обоснование места и роли РИК в мире, в том числе в качестве важного компонента полицентричного мироустройства; вклад РИК в построение надежной архитектуры безопасности и сотрудничества в АТР; выработка концептуальных подходов к центрально-азиатскому урегулированию, путям восстановления мира и стабильности в Афганистане; предложения по нормализации обстановки вокруг Ирана; проведение регулярного

диалога и подготовка предложений по стратегическим вопросам безопасности; обмен мнениями по вопросам скорейшего преодоления последствий глобального финансово-экономического кризиса, по обеспечению энергетической безопасности, выработки стратегии действий в связи с нарастающей угрозой природных катаклизмов.

Важной сферой сотрудничества трех стран являются торгово-экономические отношения. Здесь имеются огромные возможности с учетом географической близости России, Индии и Китая, взаимодополняемости их экономик. В то же время объемы торговли между странами «тройки» пока далеко недостаточны, значительно отстают от уровня их торговли с другими крупнейшими партнерами в экономической сфере.

Новые перспективы в этой области открываются в связи с поставленной нашей страной задачей перехода к инновационной модели развития с опорой на высокие технологии. Индия и Китай с их высоким производственным и научным потенциалом могут внести неоценимый вклад в решение этих задач. Ждем ваших ученых в Сколково (российская «Силиконовая долина»), других создаваемых в нашей стране наукоградах.

Для решения масштабных задач подъема Сибири и дальневосточных районов РФ требуются огромные инвестиции, участие всех заинтересованных в сотрудничестве с нами стран. Приветствуем участие в этом, рассчитанном на многие годы деле, индийско-го бизнеса, накопившего немалый ценный опыт.

На реализацию указанных целей будет направлена всемерная поддержка российского государства. В числе принимаемых мер предоставление компаниям, инвестирующим средства в развитие региона, долговременных налоговых льгот, обеспечение благоприятных условий для их экономической деятельности, развитие производственной и межбанковской кооперации, совместное внедрение в производство научно-технических разработок, создание особых экономических и промышленных зон, технопарков.

Между нашими странами уже многое сделано в плане *укрепления взаимопонимания, доверия к целям и действиям друг друга*, развития гуманитарных, культурных и научных контактов между сторонами, расширения туристических связей. Особое значение имеет сфера образования, осуществление широких молодежных обменов, поскольку связи в этой области — мощный рычаг воздействия на общество и на будущий политический курс сторон. В этом контексте нельзя не отметить успешное проведение в наших странах Годов России, Индии и Китая. Вместе с тем нужно подумать, как можно наладить более тесное сотрудничество в указанных сферах, в том числе, как изыскать необходимые для этого средства.

Огромное международное значение имеет *взаимодействие великих цивилизаций*, представленных Россией, Индией и Китаем. Исключительное богатство, самобытность духовной культуры трех наших стран вносит ценный вклад в межцивилизационное общение, способствует формированию позитивных нравственных основ не только для наших стран, но и для всего человечества.

Академический форум «Россия—Индия—Китай»: «научное плечо» трехстороннего взаимодействия. К итогам 10-й трехсторонней научной конференции (Москва, 20–21 сентября 2010 г.)

© 2010

С. Уянаев

Рассматриваются краткая история, роль и значение форумов ученых-международников России, Индии и Китая, на которых ежегодно обсуждаются вопросы взаимодействия трех стран на международной арене, в различных экономических и других сферах. Подробно проанализированы итоги 10-й научной конференции РИК в Москве, которая открыла четвертый раунд таких встреч. Обобщены основные предложения и научные выводы, направленные на дальнейшее развитие трехстороннего сотрудничества.

Ключевые слова: Россия, Индия, Китай, конференция, взаимодействие, диалог.

В последние годы стало уже традицией, что осенью на ежегодные трехсторонние конференции собираются ученые-политологи России, Индии и Китая. Без малого десять лет эксперты трех стран, среди которых немало видных в прошлом дипломатов, ведут регулярные консультации по актуальной в последнее время научно-практической теме — «Российско-индийско-китайское взаимодействие», или, согласно утвердившемуся термину, «Формат РИК».

Форумы проходят поочередно в каждой из стран. В 2010 г. расцветшая сентябрьскими красками Москва, приняв эстафету у Дели, стала местом проведения 10-й по счету Конференции, причем встретила китайских и индийских ученых уже в четвертый раз.

В порядке небольшого исторического экскурса напомним, что трехсторонний научный форум стартовал в 2001 г., когда при непосредственной инициативной и организационной роли Института Дальнего Востока на первый форум в российскую столицу прибыли представители Китайского института международных проблем МИД КНР (КИМП) и Индийского института китайских исследований (ИИКИ).

Не будем также забывать, что через год в ходе 57-й сессии ГА ООН в Нью-Йорке впервые провели встречу министры иностранных дел трех стран, и последовательность этих событий стала не случайной, а весьма показательной. Произшедшая в 2001 г. в Москве фактическая институционализация механизма ежегодных трехсторонних академических конференций в качестве «второй переговорной дорожки» сыграла определенную роль в последующем, причем весьма скором, переносе форума трех стран на практический, государственный уровень, переводе его на официальную, «первую дорожку».

В дальнейшем конференции, постоянными сокоординаторами которых стали участники первого форума — ученые ИДВ РАН, КИМП и ИИКИ, продолжили свою ра-

боту. При этом их значение и практическое наполнение имеет, на наш взгляд, два главных измерения.

Во-первых, речь идет о том, что принято называть «научным сопровождением» трехстороннего сотрудничества. Действительно, на первых встречах в 2001–2003 гг. в Москве, Пекине и Дели основное внимание уделялось поиску экспертного консенсуса по таким концептуальным вопросам, как предпосылки, цели, принципы трехстороннего формата. Именно тогда получил свое закрепление тезис о трех «не» (не союз, не конфронтация, не направленность против любой другой страны), ставший базовой теоретической основой РИК как неформализованной системы партнерства в целях реализации совпадающих либо схожих внешних и внутренних приоритетов. Были согласованы позиции по такому важному вопросу, как восприятие фактора США.

Стороны, в частности, пришли к общему пониманию, что партнерство в РИК ни в коей мере не является препятствием для развития связей каждой из трех стран с США: в случае же деструктивных (с общей точки зрения стран РИК) действий Вашингтона в нарушение международного права, они используют методы согласованного (параллельного) неконфронтационного воздействия на американских партнеров с целью убедить их вернуться в русло общепринятых международных норм.

В дальнейшем в ходе второго раунда конференций в 2004–2007 гг.) усилия были направлены на выявление наиболее перспективных направлений, форм и механизмов взаимодействия. Предметно и с привлечением компетентных экспертов анализировались возможности сотрудничества на международной арене, включая площадку ООН и других крупных организаций, рассматривался потенциал кооперации в борьбе с терроризмом, в сферах энергетики, науки и техники, сельского хозяйства, культуры, медицины. Делались предложения по формам институционализации РИК, прежде всего в контексте совершенствования его реальных механизмов.

В последние годы ученые и эксперты трех стран сосредоточили усилия на мониторинге текущей глобальной и региональной ситуации, ведут обмен мнениями по таким важным вопросам, как тенденции формирования мировой политической архитектуры, проблемы энергобезопасности и климата. В фокусе традиционного внимания находится положение в Центральной и Южной Азии, а также в Афганистане, продвижение трехстороннего секторального обсуждения в сферах сельского хозяйства, борьбы с чрезвычайными ситуациями, здравоохранения. Итоговым результатом этой работы являются регулярные подробные обобщения и выводы, которые каждая из делегаций представляет государственным структурам своих стран.

О том, что проводимая работа не является, как принято иной раз говорить, «трудом в корзину», свидетельствуют некоторые заслуживающие внимания оценки. Как отмечал В.В. Путин, работа политологов трех стран — это «серьезное интеллектуальное сопровождение» практического сотрудничества, это рекомендации «для политического уровня» относительно «того, как могло бы строиться взаимодействие в трехстороннем формате в ближайшей, среднесрочной и в долгосрочной перспективе»¹. «Крепким научным плечом», которое с экспертного «угла» сопровождает движение трех стран «на встречу друг другу», назвал в 2007 г. институт трехсторонних академических конференций министр иностранных дел РФ С.В. Лавров². В ходе форумов в Китае и Индии о работе ученых не раз было высоко отзывались и официальные представители китайского и индийского руководства.

Во-вторых, встречи ученых имеют самоценное значение с точки зрения возможностей для плодотворных дискуссий, углубления в предмет исследований, обмена опытом и методологией. Нередким сюжетом конференций, как это, к примеру, имело место в 2009 г. в Дели, где обсуждалось сотрудничество в РИК по вопросам климата и чрезвычайных ситуаций, являются специальные вопросы (в приводимом случае — геофизиче-

ские механизмы природных катастроф). Также обсуждения существенно содействуют расширению общего научного кругозора участников.

Возвращаясь к 10-й конференции в Москве, отметим, что, как и на большинстве предыдущих форумов, делегации ИДВ РАН, КИМП и ИИКИ возглавили руководители этих учреждений — академик М.Л. Титаренко, профессора Цюй Син (в прошлом посол КНР во Франции) и Маноранджан Моханти. В составах каждой из делегаций по традиции находились приглашенные участники из авторитетных экспертных центров России, Индии и Китая. На церемонии открытия гости конференции — представители МИД РФ, Посольств КНР и Индии в Москве зачитали приветственные послания, с которыми в адрес 10-й Конференции обратились главы дипломатических ведомств трех стран.

В ходе первой сессии, посвященной *анализу современных глобальных тенденций и связанным с ними возможностям взаимодействия в трехстороннем формате (РИК)*, стороны высказали в целом совпадающие или сходные оценки и взгляды.

Открывший научную часть конференции директор ИДВ РАН академик М.Л. Титаренко подробно охарактеризовал основные тенденции современного глобального и регионального развития, выделив вызовы и возможности глобализации, «укрепление полицентризма», структуризацию новых центров влияния, становление и роль новых многосторонних диалоговых площадок (G-20, БРИК, РИК и пр.). Докладчик отметил, что мир ныне «нуждается в новой повестке дня», формировании справедливого и равноправного миропорядка, подчеркнул при этом значение взаимодействия в РИК в деле продвижения к этой цели. Большое место в докладе было уделено императивам трехстороннего сотрудничества по таким важным проблемам, как создание универсальной системы безопасности в АТР, обеспечение стабильности в Центральной и Южной Азии. Серьезное внимание было сфокусировано на задаче повышения результативности практического сотрудничества в РИК — в экономике и других хозяйственных и социальных сферах. Была акцентирована важность культурно-гуманитарного взаимодействия России, Индии и Китая как стран, «представляющих великие цивилизации». Одним из узловых пунктов доклада стал тезис о «жизнеспособности сотрудничества в РИК», которое служит интересам каждой из трех стран, укрепляет их международные позиции.

Руководитель делегации КНР, президент КИМП Цюй Син обратил внимание на снижение глобальной доминирующей роли США, вынужденных «отказаться от опоры на собственные силы», рост влияния стран Азии и АТР, наполнение РИК все большим «стратегическим содержанием». Важными направлениями сотрудничества в трехстороннем формате, который «располагает большим потенциалом влияния», докладчик назвал, в частности, урегулирование в горячих точках, сферы борьбы терроризмом, глобального климата, энергетической безопасности, выделив в качестве системной задачи РИК совместные усилия по продвижению в современных международных отношениях (с учетом нынешних реалий) актуальных и поныне «пяти принципов мирного сосуществования», выдвинутых в свое время в Бандунге. Было отмечено значение тесного сотрудничества трех стран в «Группе-20», БРИК, других крупных форматах. Важным положением китайского доклада стала констатация роли РИК как «инструмента урегулирования сохраняющихся трений» в китайско-индийских отношениях, подтверждение, таким образом, реальных результатов взаимодействия в «тройке», способствующей дальнейшему прогрессу в диалоге между Пекином и Дели.

Индийская сторона, также указав на структурные перемены в расстановке мировых сил и «ослабление влияния одной сверхдержавы» (профессор Университета Дж. Неру А. Ачарья), акцентировала внимание на необходимости сотрудничества по линии усиления регулирующей роли ООН, которая особенно востребована в контексте проблем безопасности (директор ИИКИ М. Моханти). Актуальными сторонами взаимодействия в РИК, помимо упомянутых выше, были названы сферы мировой экономики, включая ре-

формы глобальных финансово-экономических институтов, энергетики, содействия широкому культурно-гуманитарному диалогу.

Заметное внимание в докладах китайских и индийских партнеров было уделено совместным усилиям по противодействию последствиям мирового экономического кризиса и недопущению его рецидивов, а также антитеррористической тематике. В последнем случае весьма нелицеприятная оценка была дана роли США: как отметил бывший посол КНР в Индии Чжоу Ган, «чем больше США борются с терроризмом, тем больше он укрепляется». При этом указывалось на необходимость искоренения системных основ терроризма — бедности, неравенства (М. Моханти), на недопустимость двойных стандартов — деления террористов на «хороших и плохих» (Чжоу Ган).

Вопросы перспектив многополярности и возможных сценариев формирования глобальной архитектуры в контексте роли и позиций стран РИК, прежде всего Китая и России, были рассмотрены в прозвучавшем позднее, но по теме связанным с данной сессией, докладе заместителя директора ИДВ РАН В.Я. Портякова. Предметом обсуждения явились также проблема наполнения внешнеполитического взаимодействия в РИК максимально большим практическим содержанием (с.н.с. ИДВ, посол В.И. Трифонов), вопрос о более тесном сотрудничестве в АТР, в частности, за счет потенциала структуры Восточно-Азиатского саммита (профессор МГИМО(У) МИД РФ С.И. Лунев).

Дискуссии по глобальной повестке дня показали высокую степень совпадения между подходами ученых Индии и Китая и главными тезисами, с которыми выступили российские участники — об основных тенденциях и вызовах мирового развития, о значении РИК как фактора формирующейся многополярности, демократизации международных отношений и укреплении позиций каждой из трех стран, о направлениях и формах их внешнеполитического взаимодействия. Согласно единому мнению трех делегаций сотрудничество в РИК по узловым международным проблемам плодотворно и должно быть эффективно продолжено.

Существенное место в дискуссиях заняли *вопросы регионального сотрудничества, в частности в Центральной Азии, а также проблемы, связанные с Афганистаном.*

Регион ЦАР важен для интересов РИК, о чем, в частности, применительно к каждой из стран, в том числе Индии, подробно говорилось в докладе заведующего отделом Европы Китайской ассоциации за международное взаимопонимание Чжао Цзюня). В ряде выступлений отмечалось, что в последнее время в регионе нарастают элементы нестабильности. В числе прочего это связано с событиями в Киргизии, где, по оценке другого китайского представителя (руководителя Центра ШОС КИМП Чэнь Юйжун) проявились признаки действий «трех сил зла» (сепаратизм, экстремизм, терроризм). Однако одним из основных факторов такого развития обстановки остается, по общему мнению выступавших, затянувшийся кризис в Афганистане. В этом контексте было оценено влияние американского фактора, включая «новую доктрину» Б. Обамы, объявившего, в числе прочего, о предстоящем выводе войск. Отмечены перемены в восприятии региональной роли Пакистана, что, в частности, выразилось в появлении термина «АфгПак» (зам. руководителя Центра ИДВ А.Ф. Клименко).

Участники конференции обратили внимание на двойственность политики США. С одной стороны, коалиционные силы несут бремя военных действий, с другой — существует неопределенность в конечных целях Вашингтона. По мнению китайского делегата (Чжоу Ган), в результате афганской кампании США «усилили контроль» над этим стратегически важным регионом и «уйдут из него далеко не скоро». Выступавшие указали также на губительные последствия афганского наркотрафика: за годы присутствия США он вырос в десятки раз. В связи с ролью США показательным было и замечание главы индийской делегации, который напомнил «о хорошей основе» для афганского урегулирования, выработанной главами МИД РИК на встрече в 2008 г. в Екатеринбурге, однако в Вашингтоне, подчеркнул М. Моханти, эти инициативы «нашли неприемлемыми».

Стороны выдвинули единое мнение о необходимости существенной активизации сотрудничества и консультаций в РИК по афганской тематике, включая каналы ШОС, диалог с широким кругом вовлеченных сторон. Было признано целесообразным продумать меры по согласованному содействию комплексному возрождению Афганистана, в том числе по линии помощи становлению национальных силовых структур (Чжао Цзюнь). По общей оценке участников, урегулирование в Афганистане — проблема сложная, она не имеет скорых, а тем более просто военных решений.

Пунктом расхождений в позициях индийской и китайской сторон, что бывало и ранее, явилась оценка пакистанского фактора: китайские ученые говорили о важности оказания параллельной помощи Пакистану, «без которого не решить проблемы Афганистана» (Чжоу Ган), представители же Индии высказались о нынешней роли Исламабада критично. При этом следует, однако, отметить, что общий контекст индийских замечаний по вопросам Пакистана был достаточно конструктивным, говорилось о заинтересованности Дели в «стабильном соседе», с которым «необходимо сотрудничать».

В фокусе региональной проблематики находились также вопросы развития ШОС, прежде всего в контексте повышения статуса Индии и других стран-наблюдателей в этой организации. Поводом для предметных обсуждений стала развернутая аргументация российской стороны (зам. директора ИДВ РАН С.Г. Лузянин) в обоснование возможностей принятия Индии в полноправные члены ШОС и появляющихся при этом позитивных для организации моментов (наличие процедуры приема новых членов, расширение геополитического охвата ШОС, интересы борьбы с терроризмом, укрепление китайско-индийских отношений и пр.). Комментарий китайской стороны (с.н.с. Китайской академии современных международных отношений Ли Ли) оказался достаточно сдержанным, было указано на нежелательность вовлечения в повестку дня ШОС индийско-пакистанских разногласий, на отсутствие, по мнению докладчика, консенсуса по ШОС в самой Индии. Косвенно этот подход был подтвержден в другом китайском докладе (Чжао Цзюнь), в котором приветствовалась активизация Индии в ШОС, однако — лишь в нынешнем статусе наблюдателя и по отдельным направлениям (борьба с терроризмом). Индийская делегация (М. Моханти) со своей стороны отметила имеющийся в их стране интерес к полномасштабному участию в ШОС, однако подчеркнула, что в Индии обеспокоены ролью пакистанского фактора, «который может служить препятствием».

В рамках третьей сессии конференция обсудила *состояние дел в двусторонних отношениях между Россией, Индией и Китаем*, которые являются базовой основой взаимодействия в трехстороннем формате. Так, китайская делегация представила свое видение развития китайско-индийских связей (Чжоу Ган). Пережив «временные конфликты прошлого», эти связи, подчеркнуто в докладе, отмечены заметным прогрессом, обрели статус стратегических и имеют «широкие перспективы», а общие интересы «намного превышают расхождения». Общим лейтмотивом доклада стала декларация намерений Китая наращивать дружеские отношения с Индией, и это показательно на фоне обострившейся за последний год полемики в индийских и отчасти китайских СМИ по ряду двусторонних проблем.

Такая постановка вопроса не встретила возражений в выступлениях индийских представителей (А. Ачарья, М. Моханти), которые подчеркнули особое значение последовательного преодоления дефицита доверия между двумя странами. Кроме того, в индийских докладах акцентировалось внимание на региональном измерении двусторонних отношений. Подчеркивалось, что отношения между крупными странами, какими являются государства РИК, как правило, выходят за рамки двустороннего формата, состояние и перспективы двусторонних связей испытывают взаимовлияние с региональными факторами.

В других докладах и сообщениях данного раздела заседаний участники констатировали дальнейшее плодотворное развитие российско-китайских и российско-индийских отношений (зам. руководителя Центра ИДВ С.В. Уянаев, руководитель Цен-

тра ИВ РАН Т.Л. Шаумян). Отмечалось, что обе пары имеют как несомненные достижения, так и сходные вопросы для дальнейшего решения (экономическое взаимодействие, большее углубление доверия, наполнение стратегического диалога практическим содержанием). Резюмирующим итогом сессии явился согласованный вывод, что в целом двусторонние отношения в РИК имеют положительную динамику и это благоприятно сказывается и на перспективах трехстороннего формата; различия во взглядах, другие вопросы и проблемы, в том числе унаследованные исторически, не должны служить препятствием для дальнейшего восходящего развития стратегического партнерства по двусторонним линиям.

Предметом обсуждений стали также вопросы развития секторального диалога в формате РИК. Отмечен прогресс в постепенном развитии сотрудничества в сферах сельского хозяйства, предотвращения чрезвычайных ситуаций и ликвидации их последствий, медицины, а также в области взаимодействия деловых сообществ. В частности, участники выступили с обстоятельными сообщениями о состоянии дел в Индии и РФ в сфере развития здравоохранения и имеющихся при этом возможностях двустороннего и трехстороннего сотрудничества (профессор ИИКИ М. Рао, В.Я. Портяков), о сотрудничестве в РИК в контексте проблемы изменений глобального климата (с.н.с. Индийского института энергетики и ресурсов Л. Норонха, руководитель отдела ИДВ РАН И.В. Ушаков).

Были сделаны предложения по активизации секторального сотрудничества, вовлечению в него других взаимовыгодных отраслей, совершенствованию управленческих механизмов трехсторонней секторальной кооперации (С.В. Уянаев).

В ходе конференции главы трех делегаций были приняты заместителем министра иностранных дел РФ А. Бородавкиным. Состоялся обстоятельный разговор по проблемам дальнейшего развития партнерства в РИК, выражена совместная уверенность в благоприятных перспективах этого формата.

Конференция прошла в дружественной и искренней атмосфере, дискуссии, несмотря на ряд расхождений, развивались в духе доброжелательности и конструктивности. Делегаты выразили намерение продолжить академический диалог, основной целью которого служит выработка совместных концептуальных подходов к дальнейшему развитию формата РИК на благо каждой из трех стран. Было принято согласованное решение о том, что делегации проинформируют государственные структуры своих стран о результатах и выводах проведенных дискуссий.

Участники конференции с удовлетворением восприняли приглашение Китайского института международных проблем принять участие в следующей 11-й конференции в 2011 г. в Китае.

-
1. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам российско-индийских переговоров. 12.11.2007 — http://archive.kremlin.ru/appears/2007/11/12/1858_type63377type63380_150937.shtml.
 2. Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1. С. 11.

От редакции: другие материалы конференции будут опубликованы в следующем номере журнала.

Япония на рубеже десятилетий: власть сменилась — проблемы остаются

© 2010

В. Кистанов

После почти безраздельного более чем полувекового правления Либерально-демократической партии к власти в Японии в сентябре 2009 г. пришла Демократическая партия. Японская общественность возлагала большие надежды на ДПЯ в плане обновления страны, однако год с небольшим, прошедший после триумфальной победы демократов, показал, что они не в состоянии решить ряд назревших социально-экономических задач, а во внешней политике совершают одну крупную ошибку за другой. Автор приходит к выводу, что по мере нарастания разочарования и недовольства избирателей деятельностью Демократической партии, ее перспективы все более тускнеют.

Ключевые слова: Либерально-демократическая партия Японии, Демократическая партия Японии, новая стратегия роста, японо-американский договор безопасности, территориальный конфликт, «китайская угроза», российско-японские отношения.

Историческое событие или перемена мест слагаемых?

30 августа 2009 г. во внутривнутриполитической жизни Японии произошло историческое, как утверждают многие японские комментаторы и эксперты, событие: Либерально-демократическая партия (ЛДПЯ), почти бессменно правившая в стране в течение 54 лет, потерпела сокрушительное поражение на выборах в нижнюю палату парламента. Ее соперница — Демократическая партия (ДПЯ) сумела завоевать 308 из 480 мандатов¹.

На следующий день после выборов либеральная газета «Асахи симбун» в редакционной статье под заголовком «Историческая победа ДПЯ» восторженно писала: «Воскресные выборы в нижнюю палату ярко продемонстрировали огромный потенциал системы одноместных избирательных округов. Мощная волна народного волеизъявления открыла новую главу в политической истории нации, возвещая смену власти»².

Ряд аналитиков, как в Японии, так и за рубежом, поспешил расценить итоги выборов как явный шаг в сторону создания в стране полноценной двухпартийной политической системы в отличие от так называемой «полупартийной» системы, господствовавшей в течение многих послевоенных десятилетий. В той системе единица озна-

чала стоявшую у руля государства Либерально-демократическую партию, а 0,5 — все остальные партии вместе взятые³.

Вместе с тем звучало и немало сомнений в том, что указанный шаг символизирует необратимое движение в направлении «нормального» политического устройства, характерного для западных демократий, где на властном Олимпе происходит регулярная смена политических партий. Так, упомянутая выше газета в той же статье задавала вопрос: «Будут ли эти выборы означать наступление нового «режима 2009»⁴ с постоянными возможностями смены правительств?». И сама же отвечала: «Это зависит от политических действий двух основных партий в предстоящие годы»⁵.

Ключевым фактором, определившим исход выборов, явилось недовольство населения Либерально-демократической партией, которая в течение долгих лет не могла решить острые социально-экономические задачи, а также осуществить необходимые структурные изменения в государстве и обществе.

В частности, либерал-демократы «проспали» образование на рубеже 1980-х — 1990-х гг. так называемого «мыльного пузыря экономики» как следствия спекулятивно вздутой стоимости ценных бумаг и недвижимости, особенно земли. Взрыв этого «пузыря» в начале 1990-х гг. вверг экономику страны в длительный застой и серьезно ударил по качеству жизни японцев. Недаром еще в конце 1990-х гг. в Японии зазвучал термин «потерянное десятилетие», а в последние годы стали говорить уже о «потерянном двадцатилетии».

В итоге к выборам в палату представителей в 2009 г. ЛДПЯ, правительство и премьер-министр Таро Асо пришли с беспрецедентно низкими рейтингами. Фактически голосование на выборах носило протестный характер и было обусловлено жадой перемен в стране. Свою роль сыграла и предвыборная кампания ДПЯ, которая умело использовала подобные общественные настроения. Многие из ее обязательств и обещаний носили откровенно популистский характер.

В предвыборной платформе⁶ демократов основной упор делался на решении социальных и экономических проблем, и очень мало внимания уделялось вопросам внешней политики. Одним из главных лозунгов ДПЯ была передача управления страной из рук бюрократов в руки политиков.

Кроме того, партия ставила такие конкретные и понятные населению задачи, как сокращение государственных расходов на бесполезные общественные работы (ненужные дамбы, мосты, автомобильные и железные дороги), увеличение финансирования системы социального обеспечения, выплаты детских пособий, введение бесплатного школьного образования, реформирование пенсионной системы, улучшение медицинского обслуживания, отмена платы за проезд по скоростным автодорогам и др.

Эйфория, охватившая многих японцев по случаю «исторической смены власти», проявилась в рекордно высоком рейтинге ДПЯ. Так, если в июне 2009 г. (то есть незадолго до выборов), как свидетельствовал один из общественных опросов, доля людей, которые возлагали большие надежды на партию, составляла 52%, то в начале сентября (вскоре после выборов) она взлетела до 72%⁷.

Однако многие избиратели, голосуя за ДПЯ, выражали беспокойство по поводу ее способности управлять страной, так как партия, по сути, представляет собой конгломерат политиков различной идеологической ориентации, в том числе «перебежчиков» из ЛДПЯ. Эксперты также высказывали серьезные сомнения в том, что демократы сумеют изыскать финансовые средства, достаточные для реализации ее предвыборных лозунгов.

К середине лета 2010 г. уже стало ясно, что указанные опасения имели под собой основания. К этому времени ДПЯ мало чего добилась в выполнении своих социально-экономических обязательств, а ее лидер — Юкио Хатояма был вынужден даже уйти в отставку. Ее причиной послужило невыполнение собственного обещания решить к концу мая проблему вывода с острова Окинава авиабазы корпуса морской пехоты США Фу-

тэмма за пределы если не страны, то хотя бы собственно острова⁸. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что, выступая за «разделение политики и денег»⁹, сам Хатояма оказался замешанным в скандал с пожертвованиями своей состоятельной матери в политический фонд собственной партии.

Пришедший в июне на смену Хатояме другой известный деятель ДПЯ — Наото Кан сразу же столкнулся с необходимостью подготовки партии к очередным выборам в верхнюю палату (палату советников) парламента, намеченным на 11 июля. Ему пришлось действовать не только в состоянии цейтнота, но и в весьма неблагоприятных для демократов условиях: в тот период рейтинги правительства и самой партии резко снизились. Это было связано, в первую очередь, с отсутствием заметных улучшений в социально-экономической сфере, бесславым поражением Хатоямы в его «базовой тягбе» с американцами, а также подозрениями в «финансовых грехах» в отношении двух ключевых фигур ДПЯ — того же Хатоямы и бывшего тогда Генеральным секретарем партии Итиро Одзавы.

Уход Хатоямы с премьерской должности, а также смещение с поста Генсека «политического тяжеловеса» Одзавы фактически явились «ритуальным жертвоприношением». Это тактическое действие, произведенное в преддверии выборов в палату советников, обеспечило заметный подъем рейтинга ДПЯ, однако не принесло партии ожидаемых результатов.

На выборах в палату советников 11 июля ДПЯ понесла серьезное поражение — численность ее депутатов в этой палате снизилась с 54 до 44 чел. ДПЯ даже вместе со своим союзником — небольшой и маломощной Народной новой партией не смогла сохранить за собой большинство в указанной палате, насчитывающей 242 депутатских места. Это привело к очередному появлению «перекрученного парламента» (*нэдзирэ коккай*), где нижняя палата контролируется властвующей партией, а верхняя — оппозицией¹⁰.

Голосование показало большое недовольство избирателей деятельностью ДПЯ в течение 10 месяцев ее правления. Но главной причиной провала демократов явилось заявление их лидера Кана о необходимости повышения потребительского налога с 5% до 10%, то есть в два раза. При этом он не выдвинул достаточно обоснованных аргументов в пользу своего намерения, а также не объяснил, на что будут потрачены доходы от налогового повышения.

Фактически это был явный тактический просчет Кана, который, несмотря на свой богатый политический опыт, не учел того обстоятельства, что, как бы ни складывалась обстановка в стране, повышение налогов — это то, чего избиратели хотят меньше всего. Да и в самой ДПЯ не было единства мнений о необходимости такого непопулярного шага.

Были и другие факторы, определившие проигрыш демократов: шлейф финансовых скандалов, который тянулся за Хатоямой и Одзавой, неуклюжесть подходов администрации Хатоямы к проблеме переноса базы Футэмма, затянувшиеся раздоры между ДПЯ и оппозицией по поводу необходимости социальных дотаций, включая детские пособия, и другие. Результаты выборов резко ослабили не только позиции ДПЯ на внутриполитической арене, но и положение самого Кана внутри партии.

Вместе с тем, было бы ошибочным считать, что в результате прошедших выборов ЛДПЯ оправилась от своего провала на выборах в палату представителей в августе 2009 г. Ирония ситуации заключается в том, что подобно ДПЯ на прошлогодних выборах, либерал-демократы победили на выборах в июле 2010 г. благодаря не своим заслугам, а просчетам соперника.

Снижение доверия избирателей одновременно к двум основным партиям (ЛДПЯ и ДПЯ) отчетливо проявилось в завоевании сразу 10 мест Партией «всех»¹¹. До выборов указанная партия не располагала в палате советников ни одним депутатским местом. За нее голосовали многие из тех японцев, которые разочаровались как в ЛДПЯ, так и ДПЯ.

Новый расклад сил в парламенте, образовавшийся после июльских выборов, по мнению японских комментаторов, должен дать возможность вести продуктивные дискуссии по насущным проблемам внутренней и внешней политики. При этом, считают они, оппозиции необходимо играть более конструктивную роль.

Дело в том, что в долгий период правления ЛДПЯ оппозиционные партии имели гораздо меньше мест в парламенте, чем сейчас, и у них не было другого выбора, как использовать тактику затягивания процесса прохождения законопроектов. Таким способом они «выторговывали» уступки со стороны ЛДПЯ. Это приводило к тому, что переговоры между правящей и оппозиционными партиями велись за кулисами, а сам политический процесс был скрыт от глаз избирателей.

Такая тактика срабатывала в период устойчивых темпов роста японской экономики. Однако в настоящее время темпы значительно замедлились и, как пишет «Асахи симбун», на горизонте маячит финансовый кризис¹². Поэтому нет времени для закулисных сделок. Газета выражает надежду на то, что оппозиция в лице ЛДПЯ не будет использовать «перекрученный парламент» для затягивания прохождения законопроектов, необходимых для решения неотложных социально-экономических задач, а также острых внешнеполитических проблем.

Прозрачная деятельность, направленная на достижение согласия между правящими и оппозиционными лагерями, приведет к вовлечению в политику широких слоев населения, считает газета. Поэтому, по ее мнению, начавшаяся в октябре внеочередная сессия может стать поворотным пунктом в японской политике¹³.

Следует отметить, однако, что с окончанием выборов в верхнюю палату парламента испытаны на политическую прочность ДПЯ и устойчивость лидерского положения самого Кана в партии не окончились. Горячее, как в буквальном, так и переносном смысле, лето плавно перешло в не менее горячую осень¹⁴.

Прошедшие 14 сентября выборы лидера (президента) ДПЯ стали очередной точкой кипения политических страстей в Японии. На них Кан с заметным преимуществом победил своего соперника Одзаву, над которым продолжала витать тень обвинений в финансовой нечистоплотности. По опросам общественного мнения, проведенного «Асахи симбун», 72% проголосовавших избирателей приветствовали переизбрание Кана как председателя правящей партии¹⁵. В значительной степени была восстановлена и поддержка его кабинета. Однако эти цифры, считает газета, скорее свидетельствуют о неприятии населением его оппонента — Одзавы. Победа Кана была во многом обеспечена голосами сторонников партии, а также ее рядовых членов¹⁶.

Вместе с тем, необходимо отметить, что Одзава получил 200 голосов (более половины) членов парламента, принадлежащих к ДПЯ. Это означает, что Кан в его деятельности на посту премьер-министра может столкнуться с большими, чем ранее, силами сопротивления в собственной партии.

Тем не менее, стремясь сохранить свой имидж борца за «чистую политику», Кан решил открыто дистанцироваться от Одзавы и не предоставил ему важных постов ни в партии, ни в новом кабинете министров. Некоторые комментаторы тревожно предполагали, что обидевшись политик выйдет из ДПЯ и уведет с собой блок своих сторонников. Среди японских аналитиков были даже опасения, что он может переметнуться на сторону ЛДПЯ, выходцем из которой является. Этот шаг мог привести к еще большему осложнению внутривнутриполитической ситуации в Японии. Однако Одзава, будучи одной из наиболее ярких и влиятельных фигур в политическом мире современной Японии, поспешил заявить, что он подобно солдату будет рядовым членом партии¹⁷. В итоге ДПЯ смогла избежать грозившего ей раскола. Во всяком случае, пока. Поражение Одзавы на выборах однозначно разрушает его образ самого сильного в стране «электорального стратега», так как он впервые проиграл гонку за лидерство в партии. Вероятное возбуждение уголовного дела против него по обвинению в незаконных финансовых операциях

может поставить жирную точку в его политической карьере. Если это произойдет, то на политическом небосклоне Японии погаснет, пожалуй, единственная на сегодняшний день яркая звезда.

В парламенте премьер-министр Кан уже на октябрьской сессии столкнулся с нападками оппозиции и ее нежеланием идти на сотрудничество, поскольку ее деятели почитали, что внутрипартийные выборы ДПЯ в силу их раскольного характера значительно ослабили партию. Лидер ЛДПЯ Садаказу Танигаки прямо заявил: «Мы будем последовательно противостоять ДПЯ, чтобы заставить Кана распустить парламент и провести досрочные выборы»¹⁸. Тем самым Танигаки недвусмысленно опроверг спекуляции некоторых аналитиков по поводу того, что в нынешней ситуации единственным партнером ДПЯ может стать ЛДПЯ, поскольку обе партии в силу своей слабости и неспособности эффективно управлять государством нуждаются друг в друге, а принципиальных идеологических расхождений между ними не существует. Лидеры других оппозиционных партий также обвинили Кана в неспособности достичь заметных успехов после того, как он стал премьер-министром в июне 2010 г. При этом они тоже продемонстрировали свое нежелание входить в какие-либо коалиции с ДПЯ.

Вместе с тем, очевидно, что японские политики не могут не учитывать мнение влиятельнейшей лоббистской организации — Кэйданрэн (Федерации экономических организаций), представляющей крупный капитал Японии. Руководство этой организации уже дало им знать о своей заинтересованности в сотрудничестве демократов и либерал-демократов с целью скорейшего преодоления затянувшихся неурядиц в японской экономике, а также оздоровления государственных финансов.

Очевидно, что в Японии назрела необходимость в серьезной перестройке политической системы, которая предполагает наличие партий, пользующихся широкой и стабильной поддержкой населения и способных предложить понятную ему долгосрочную стратегию социально-экономического развития страны. В ближайшем же будущем, как представляется, внутривнутриполитическое положение в Японии продолжит оставаться весьма неустойчивым. При этом не исключено, что в плане партийного строительства ситуация будет напоминать картинку в калейдоскопе, где при повороте его корпуса (экономики) рисунок причудливо меняется в зависимости от комбинации разноцветных стеклышек (политических партий). Именно такая ситуация была характерна для Японии в истекающем «потерянном двадцатилетии».

Таким образом, спустя год с небольшим после «исторического события» — прихода к власти ДПЯ — вряд ли кто возьмется предсказать, когда и каким образом страна выберется из внутривнутриполитической трясины, в которой она пребывает два последних десятилетия. Зато нет недостатка в алармистских пророчествах. Лидер одной из небольших оппозиционных партий — Народной новой партии, умудренный опытом политик-ветеран Сидзука Камэй на очередной пресс-конференции прямо заявил, что ДПЯ уже «плавится» подобно ЛДПЯ¹⁹. При этом он предупредил, что ДПЯ необходимо проводить четкую экономическую политику. В противном случае партия может оказаться в опасной ситуации²⁰.

Новая стратегия роста: планы и препятствия

ДПЯ и ее руководители после победы на выборах 2009 г. вместе с браздами правления получили в наследство от администрации ЛДПЯ целый ворох требующих неотложного решения экономических и социальных проблем. Среди них, прежде всего, стоит отметить хроническую дефляцию, высокий уровень безработицы, а также слабый потребительский и инвестиционный спрос. Кроме того, правительство в спешном порядке вынуждено решать проблему дорогой иены, бьющей по японскому экспорту.

В июне 2010 г. правительство Кана обнародовало новую стратегию экономического роста. Она рассчитана на 10 лет и предполагает генерирование дополнительного

спроса в объеме 123 трлн иен, что, соответственно, должно привести к созданию 5 млн новых рабочих мест. Стратегия имеет своей целью избавление не позднее, чем в следующем финансовом году, японской экономики от серьезной болезни — дефляции, сдерживающей ее развитие²¹. Долгосрочной задачей указанной стратегии является ускорение развития экономики с тем, чтобы среднегодовые номинальные темпы прироста в период до 2020 финансового года составили 3%²². Учитывая, что в последние 10 лет эти темпы находились в «отрицательной зоне», можно сказать, что поставленные цели являются весьма амбициозными. Очевидно, что стабильный рост экономики на протяжении длительного периода является необходимым условием для реализации Каном своего лозунга «сильная экономика, сильные финансы и сильное социальное обеспечение». Новый премьер-министр решительно настроен на то, чтобы, прежде всего, улучшить ситуацию в сфере государственных финансов. Они характеризуются огромным государственным долгом, достигшим, по оценкам, 200% ВВП, и внушительным бюджетным дефицитом. Для этого он готов, как уже говорилось, пойти даже на такую непопулярную меру, как повышение вдвое потребительского налога. Однако, как указывают японские эксперты, оздоровить государственные финансы и привести в порядок систему социального обеспечения не удастся до тех пор, пока экономика будет находиться под негативным влиянием дефляции. Поскольку исходной причиной дефляции в Японии является ограниченный спрос, то для вывода экономики из дефляционной спирали и возвращения ее на рельсы устойчивого роста требуется стимулирование частных инвестиций и потребительского спроса.

Однако это делает необходимым приведение хозяйственной политики правительства в соответствие с новыми экономическими реалиями. Как считают разработчики новой стратегии роста, правительство должно сосредоточиться на поощрении внутреннего спроса не столько на товары, сколько на услуги, повышающие качество жизни, такие как охрана здоровья, уход за престарелыми людьми и туризм.

Что касается внешнего спроса, то Японии, с точки зрения экономического роста, необходимо снизить свою зависимость от экспорта на рынки США и Европы, ставшие менее стабильными. Вместе с тем, ей надо прилагать больше усилий, направленных на создание нового внешнего спроса для своей экономики, и в этих целях приспособлять японскую продукцию к потребностям развивающихся стран. При этом особое значение придется освоению зарубежных рынков товаров и услуг, способствующих сдерживанию глобального потепления.

Новая стратегия роста предусматривает семь важнейших для японской экономики областей, включая окружающую среду, энергетику, здравоохранение, рынки Азии, туризм и др., а также 21 приоритетный проект. Вместе с тем, критики стратегии отмечают, что она не содержит четкого плана действий по решению такой насущной проблемы, как старение и сокращение населения, которая фактически может явиться главным структурным фактором низких темпов роста японской экономики в грядущей перспективе.

Судя по всему, решая эту проблему, правительство Японии вынуждено будет пойти двумя путями: во-первых, широко открыть двери для иммигрантов и, во-вторых, поднять возраст выхода на пенсию. Решиться на эти меры будет непросто, так как обе они являются весьма рискованными в плане внутривластной ситуации. Кроме того, большим резервом улучшения положения в японской экономике является женский труд. Однако для того, чтобы его задействовать, необходимы решительные меры по развитию отраслей, связанных с воспитанием детей и уходом за ними.

Новая стратегия роста была опубликована администрацией Кана незадолго до июльских выборов в верхнюю палату парламента, поэтому она не затронула некоторые весьма болезненные социально-экономические проблемы. Одной из них является открытие рынка Японии для импорта сельскохозяйственной продукции. Очевидно, что в условиях нарастающих процессов интеграции и глобализации Япония рано или поздно вы-

нуждена будет пойти на этот шаг. Пока же ДПЯ на текущий финансовый год приняла программу субсидирования отечественных фермерских хозяйств с целью улучшения их финансового положения.

Другим императивом, опущенным в стратегии роста, является заключение двусторонних соглашений о свободной торговле с США, Австралией, Китаем и Южной Кореей. Токио всячески затягивает процесс по причине неконкурентоспособности японского сельского хозяйства.

Опасение потерять голоса избирателей в сельских районах заставляет ДПЯ с осторожностью относиться и к идее торгового соглашения под названием Транстихоокеанское партнерство — ТТП (Trans-Pacific Partnership — TPP), выдвинутой восемью странами АТР, включая США, Австралию, Новую Зеландию и Сингапур, с целью создания региональной зоны свободной торговли. Все это, в свою очередь, тормозит создание Восточноазиатского сообщества, в основу которого должно быть положено трехстороннее соглашение о свободной торговле между Японией, Китаем и Южной Кореей.

Отставание Японии от других стран в деле заключения соглашений о свободной торговле ставит японских экспортеров в худшее положение по сравнению, например, с южнокорейскими производителями автомобилей и товаров в сфере информационных технологий, поскольку в 2011 г. вступают в силу соглашения о свободной торговле Южной Кореи с Соединенными Штатами и Европейским Союзом.

Такая ситуация может побудить японские компании к переносу своих производств за рубеж, что выльется в дополнительную потерю рабочих мест в самой Японии. Японские экономисты указывают не только на необходимость участия Японии в ТТП, но и призывают правительство взять на себя лидерство в этом процессе, отдав предпочтение экономическим интересам страны, а не электоральным соображениям. Однако, как признают они, для этого необходимо решить все ту же проблему повышения конкурентоспособности японского сельского хозяйства, а главное — в целом возродить сельское хозяйство как важную отрасль экономики. Это особенно важно, поскольку самообеспеченность продовольствием в Японии составляет немногим более 40%.

О том, как администрация Кана намерена выстраивать свою политику в сфере интеграционных процессов в АТР, будут свидетельствовать японские инициативы на саммите АТЭС в Йокогаме в ноябре 2010 г.

Новая стратегия роста стала разрабатываться еще в конце 2009 г., когда Кан в правительстве Хатоямы был министром, отвечающим за общенациональную политику. Тогда он заявлял, что причиной провалов более чем десяти стратегий роста прежних кабинетов, формировавшихся ЛДП на протяжении последних десяти лет, являлось «отсутствие долгосрочного видения и политического лидерства». Теперь, иронизируют японские комментаторы, новая стратегия протестирует видение и политическое лидерство самого Кана.

Тем временем Кан и сформированное им правительство поглощены решением набора острых текущих хозяйственных и социальных проблем. Однако ситуация затруднена тем обстоятельством, что меры по их решению Кан вынужден проводить через «перекрученный парламент». Это особенно ярко проявилось на примере принятия дополнительного бюджета на 2010 финансовый год, необходимого для добавочного стимулирования экономики. Он был вынесен на обсуждение внеочередной сессии парламента открывшейся 1 октября. Одна из причин разработки администрацией Кана дополнительного бюджета заключается в его желании выстроить продуктивные отношения с оппозицией, которая выступает за более масштабные экономические стимулы. На эти цели главная оппозиционная сила — ЛДП и ее союзница — партия Новая Комэйто предлагали израсходовать от 4 до 5 трлн иен. Проект дополнительного бюджета, представленный правительством, составляет 5,05 трлн иен²³.

Кан вынужден также принимать в расчет призывы к дополнительным расходам, исходящим из недр самой ДПЯ. Так, в ходе выборов главы партии соперник Кана — Одава предлагал экономические меры стоимостью 2 трлн иен. Необходимые средства нашлись. В 2009 финансовом году бюджет был сведен с профицитом, к тому же в текущем финансовом году налоговые поступления превышают расчетные показатели. В то же время крайне низкие процентные ставки, видимо, сократят стоимость обслуживания государственного долга. В совокупности эти факторы дадут, по оценкам, от 3 до 5 трлн иен. Это, видимо, и определило стоимостной объем дополнительного бюджета.

По правительственным расчетам, он должен увеличить годовые темпы прироста экономики на 0,6 процентных пункта и создать 450–500 тыс. новых рабочих мест. Из 5,05 трлн иен 3,1 трлн предполагается использовать для стимулирования экономики в регионах, в том числе с помощью поддержки малого и среднего бизнеса и реализации инфраструктурных проектов, а 1,1 трлн иен пойдут на улучшение системы здравоохранения и детских учреждений.

Пакет экономических стимулов в виде дополнительного бюджета предусматривает также не раскрываемую сумму, предназначенную на обеспечение японской промышленности редкоземельными металлами. Выделение последней является своего рода «пожарной мерой» в свете запрета Китаем экспорта этих металлов в Японию в связи с территориальным спором вокруг островов Сэнкаку (по-китайски Дяоюйдао), обострившим весь комплекс японо-китайских отношений в сентябре-октябре 2010 г.

Важно подчеркнуть, что в отличие от составленного в спешке плана расходования средств из резервных фондов, дополнительный бюджет базируется на ряде ключевых принципов.

Во-первых, правительству не придется дополнительно выпускать облигации для указанного бюджета, что особенно важно в свете гигантского государственного долга — самого крупного среди промышленно развитых стран. Если в такой чрезвычайной ситуации администрация Кана продемонстрирует малейшие признаки ослабления бюджетной дисциплины, может усилиться недоверие к правительству как среди налогоплательщиков, так и рыночных игроков.

Во-вторых, новый пакет мер стимулирования должен быть ориентирован на правительственную стратегию роста — первостепенную цель бюджета в 2011 финансовом году, а также на создание новых рабочих мест. В августе 2010 г. безработица в Японии составляла 5,1%, что для страны является весьма высоким показателем. Именно создание новых рабочих мест Кан ставит во главу угла своей экономической политики.

Ранее правительство потребовало от министерств и агентств сократить расходы в подведомственных им областях на 10% с целью «наскрести» 1 трлн иен на специальные субсидии в целях оживления экономики. Вышеупомянутые 3–5 трлн иен значительно превосходят эту сумму. А поскольку поступления в виде корпоративного налога вряд ли возрастут в связи с высоким курсом иены, эти средства явятся для правительства важным финансовым источником.

В-третьих, сам процесс верстки дополнительного бюджета должен явиться прецедентом успешного сотрудничества между правящей и оппозиционной партиями. В условиях «перекрученного парламента» правящая партия особенно нуждается в сотрудничестве с оппозицией, чтобы проводить свои законы. Поэтому ДПЯ выражает готовность идти на существенный пересмотр своих популистских обещаний, данных в связи с выборами в верхнюю палату парламента в прошлом году. Эти обещания ЛДПЯ раскритиковала как попытку «сорить деньгами среди избирателей».

Таким образом, администрация Кана пока не придумала никаких новых базовых рецептов для вывода страны на орбиту устойчивого экономического развития и в духе предыдущих кабинетов, формировавшихся ЛДП, взяла курс на накачку экономики деньгами за счет государственных средств в форме основного и дополнительного бюджетов,

а также других пакетов финансовых стимулов. Этот курс подкрепляется рекордным бюджетом на 2010 финансовый год, превышающим 92 трлн иен.

Дополнительный бюджет на 2010 финансовый год имеет своей целью не только борьбу с дефляцией, но и смягчение последствий другой, также ставшей уже хронической болезни — высокого курса иены. Дорогая иена крайне негативно влияет на экономику в целом, поскольку приводит к повышению стоимости японского экспорта и, соответственно, снижению доходов японских компаний, ориентированных на внешние рынки и являющихся одной из главных опор японской экономики. К тому же сильная иена приводит к удешевлению импорта, что, в свою очередь, содействует усилению дефляции.

Важным фактором резкого повышения в последнее время курса иены являются опасения инвесторов относительно перспектив американской экономики, что порождает приток капитала из США, Европы и развивающихся экономик в иену, которая считается относительно безопасным активом. Кроме того, финансовая система в Японии оказалась менее, чем в США и Европе, подверженной негативному влиянию так называемого «шока Лемана», положившего начало мировому финансовому кризису.

Наконец, Япония имеет положительное сальдо баланса текущих платежей, а ее бюджетный дефицит в настоящее время не рассматривается как серьезная проблема, поскольку финансируется в основном из внутренних источников. Однако США и Европа не стремятся к удорожанию доллара и евро, исходя из необходимости стимулировать свой экспорт из-за неблагоприятной ситуации в их экономиках. Таким образом, полагают японские эксперты, в ближайшем будущем иена будет оставаться более сильной валютой по сравнению с долларом и даже стремиться к рекорду, отмеченному в 1979 г., когда 1 долл. равнялся 79,75 иены²⁴.

Одним из решительных шагов Кана после его победы на выборах лидера ДПЯ в сентябре 2010 г. стала валютная интервенция с целью снизить курс иены. Япония единовременно выбросила на валютные рынки 2 трлн иен (23,4 млрд долл.)²⁵ Это была первая интервенция за последние шесть с половиной лет и по своему масштабу превзошла интервенцию в 1,6 трлн в январе 2004 г. Она привела к незначительному снижению курса с 82 до 85 иен за доллар²⁶.

Эффект оказался относительным, так как Япония провела эту акцию самостоятельно, не получив поддержки со стороны США и Европы. Эксперты указывают, что в случае замедления темпов роста американской экономики в ближайшем будущем может произойти новое удорожание иены.

В целом же можно прогнозировать, что, хочет того Токио или нет, ему придется принять активное участие в международной войне валютных курсов, которая стала заметно ужесточаться с октября 2010 г., и похоже, движение в этом направлении становится необратимым. Рупор японских деловых кругов газета «Нихон кэйдзай симбун» в своей редакционной статье расценил итоги встречи министров финансов и глав центробанков стран «Большой двадцатки» (G20) в южнокорейском городе Кенжу в октябре 2010 г. как «неудовлетворительные», заявив, что достигнутыми там соглашениями предотвратить валютную войну невозможно²⁷.

В боевых действиях на валютном фронте японское правительство в качестве «боеприпасов» готово израсходовать беспрецедентную сумму в 40 трлн иен на валютные интервенции на внутреннем и внешнем рынках. Банк Японии также намерен принять меры по сдерживанию роста курса иены путем вливания дополнительной ликвидности на финансовые рынки. Для этого он, возможно, увеличит объем покупок долгосрочных облигаций у финансовых институтов и продолжит предоставление низкопроцентных кредитов коммерческим банкам. От того, насколько эффективно будет проводиться сдерживание роста курса иены, во многом будет зависеть успех деятельности Кана по выводу Японии на рельсы поступательного развития, а также решение многих частных, но оттого не менее острых социально-экономических проблем страны.

Зигзаги внешней политики

По мнению многих японских экспертов и обозревателей, роль Японии на международной арене в истекающем десятилетии значительно снизилась. Объяснение этому они находят не только в затянувшемся экономическом застое, но и в отсутствии эффективной государственной дипломатии. Во многом это связано с феноменом скоротечного пребывания в кресле премьер-министра лидеров ЛДПЯ в последние годы ее правления до прихода к власти ДПЯ осенью 2009 г.

Очевидно, что позиции Японии на последних саммитах «восьмерки», на которых вырабатывались согласованные подходы ведущих мировых держав к решению насущных международных проблем, были значительно ослаблены, поскольку каждый раз в них участвовал новый японский премьер: Синдзо Абэ в 2007 г., Ясуо Фукуда в 2008 г. и Таро Асо в 2009 г. Не способствовало улучшению ситуации и то обстоятельство, что очередная «смена караула» на самом верху в Японии происходила, как правило, в сентябре, когда проводятся Генеральные Ассамблеи ООН, на которых главы государств должны озвучивать перед мировым сообществом свою внешнеполитическую стратегию. Понятно, что в этих условиях трудно рассчитывать на преемственность международного курса и выработку эффективной внешней политики, ориентированной на длительную перспективу.

В связи с этим в Японии большие надежды возлагались на ДПЯ и Юкио Хатояму, которые могли бы переломить указанные негативные тенденции и повысить роль и значение Японии на международной арене.

Незадолго до прихода к власти Хатояма опубликовал трактат под названием «Моя политическая философия». Ключевое понятие работы передается словом «юан». Слово состоит из двух иероглифов: «ю» — «дружба» и «ан» — «любовь». В английском языке ему соответствует слово «fraternity» — «братство». Как следует из разъяснений Хатоямы, «юан» — это способ мышления, которое уважает собственную свободу и человеческое достоинство, уважая также свободу и человеческое достоинство других. Нельзя не заметить, что в какой-то мере «юан» Хатоямы напоминает «новое политическое мышление» М. Горбачева.

В «Политической философии» Хатоямы наибольшее внимание зарубежных аналитиков привлек тезис о том, что в результате провала войны в Ираке и финансового кризиса эра возглавляемого США глобализма подходит к концу, и международное сообщество движется от однополярного мира во главе с Соединенными Штатами к эре многополярности.

Став премьер-министром, Хатояма признал, что японская дипломатия находилась в состоянии застоя в течение нескольких десятилетий правления ЛДПЯ. В выступлении на Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2009 г. он обнародовал свое видение внешней политики Японии. По его словам, смена власти в Японии поможет стране стать «мостом» для всего мира в решении проблем экономики, окружающей среды и укрепления мира. Он заявил также, что Япония приложит все усилия к тому, чтобы стать также «мостом» между Востоком и Западом, между развитыми и развивающимися странами, между различными цивилизациями. В русле философии Хатоямы лежит и данное еще в ходе предвыборной кампании обещание ДПЯ проводить более независимую от США внешнюю политику и выстраивать равноправные отношения с ними. Кроме того, по мнению политика, в деле укрепления позиций Японии в Азии и на мировой арене в целом важную роль должно сыграть создание Восточноазиатского сообщества, которому отведено одно из центральных мест в его «Политической философии». Хатояма уподоблял Восточноазиатское сообщество Европейскому Союзу, хотя и указывал на ряд серьезных различий в истории, экономике, политике и других областях обоих регионов. Правда, ни пребывая в кресле премьер-министра, ни позднее, Хатояма так и не наполнил

свою концепцию конкретным содержанием. Следует отметить, однако, что выступая с лекцией в Дипломатической академии МИД РФ в сентябре 2010 г., он заявил о возможности участия в указанном сообществе как США, так и России. Это можно расценить как определенную новацию, так как ранее членство Соединенных Штатов в указанном проекте не предусматривалось, а имя России вообще не упоминалось.

В отличие от «политического философа» Хатоямы пришедший ему на смену Наото Кан считается реалистом и прагматиком. Однако, как отмечают японские аналитики, он является политиком, ориентированным на внутренние дела, и фактически не имеет опыта международной деятельности. Как и Хатояме, ему пришлось обнародовать свое видение внешней политики страны на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в сентябре 2010 г. буквально сразу после того, как он повторно стал премьер-министром в результате выборов лидера ДПЯ. В своем выступлении Кан выразил решимость Японии играть более ответственную роль в деле обеспечения мира и международной безопасности. Он пообещал, что Япония как единственная страна, подвергшаяся атомной бомбардировке, возглавит усиление международного сообщества, направленные на ядерное разоружение и нераспространение ядерного оружия. Кан также заявил, что именно по причине атомной бомбардировки его страна заслуживает места постоянного члена Совета Безопасности ООН в XXI веке, указав на то, что реформа этого самого важного органа ООН неизбежна, поскольку он должен отражать реалии сегодняшнего международного сообщества и оставаться эффективным и легитимным²⁸.

Кроме того, японский премьер-министр выразил озабоченность по поводу ядерных программ Северной Кореи и Ирана и призвал всех членов ООН твердо выполнять резолюции СБ ООН о международных санкциях. При этом он указал, что ядерная и ракетная программы Северной Кореи «несут угрозу всему международному сообществу» и вновь подчеркнул, что решение проблемы японских граждан, похищенных северокорейскими спецслужбами, «абсолютно необходимо» для Токио как условие нормализации отношений с Пхеньяном²⁹. Кан повторил также обязательство Японии сократить ее выбросы парниковых газов на 25% к 2020 г. по сравнению с уровнем 1990 г., призвав всех основных эмитентов этого газа к честному и эффективному сотрудничеству в борьбе с глобальным потеплением.

Другим важным обязательством Токио на международной арене стало обещание выделить 8,5 млрд долл. в течение пяти лет начиная с 2011 г. на улучшение здравоохранения и образования в развивающихся странах в рамках поставленной ООН цели сокращения бедности. Таким образом, в выступлении нового премьер-министра четко просматривается фактически тот же самый базовый курс Японии на международной арене, который она проводила в течение нескольких десятилетий правления ЛДПЯ.

В этом курсе важнейшим орудием японской дипломатии является официальная помощь развитию (ОПР). Япония довольно длительное время являлась мировым лидером в сфере оказания ОПР. Однако в связи с экономическими трудностями она была вынуждена урезать свои расходы на эти цели. Так, в 2010 г. ее бюджет ОПР составил 618,7 млрд иен, что означает его сокращение вдвое по сравнению с 1997 г., когда указанный бюджет достиг пика, и Япония занимала первое место в мире по объему ОПР³⁰.

По данным на 2010 г., Япония занимает лишь пятое место в мире по этому показателю, что снижает ее влияние среди развивающихся стран. По мнению японских экспертов, это тревожный факт на фоне того, что Китай, Бразилия и другие так называемые новые экономические державы, используя их растущую финансовую мощь, усиливают свое влияние в ряде развивающихся стран.

Экспертов особенно беспокоит то обстоятельство, что Китай активно проводит «дипломатию помощи» африканским странам, богатым энергетическими и минеральными ресурсами. Кроме того, они прямо указывают на необходимость использования ОПР с целью приобретения друзей в международном сообществе. В частности, по их мнению,

важно путем предоставления ОПР стремиться сделать своим союзником мировое общественное мнение в ситуациях, подобных той, которая сейчас развивается в территориальном споре между Японией и Китаем. Поэтому, считают эксперты, Кан должен изыскать возможности для увеличения бюджета ОПР путем уменьшения других правительственных расходов, а также повышения потребительского налога³¹.

Еще более конкретное видение японской внешней политики Кан попытался изложить в своей речи на открытии внеочередной сессии парламента в начале октября 2010 г. Оно привлекло большое внимание аналитиков и наблюдателей, так как дипломатия считается «ахиллесовой пятой» правительства ДПЯ³², поскольку эта партия по существу является «эклектическим собранием политиков с сильно отличающимися взглядами на проблемы национальной безопасности»³³.

В указанной речи новый премьер провозгласил «независимую и активную дипломатию», базирующуюся на общенациональном консенсусе, достигаемом путем дискуссий среди граждан, которые рассматривают дипломатические вызовы как их личные проблемы³⁴. Однако эти послы были раскритикованы экспертами как слишком поверхностные.

Очевидно, что для выработки более глубоких подходов у нового правительства не было достаточно времени, так как ему незамедлительно пришлось заниматься острыми проблемами в отношениях с такими главными партнерами на международной арене, как США и Китай, а также важным ближайшим соседом — Россией.

Эти проблемы на время «затмили» (но не снизили) значение даже такой хронически болезненной проблемы, как «ракетно-ядерная угроза» со стороны Северной Кореи.

О прошлых и вероятных зигзагах японской внешней политики можно судить по инаугурационной пресс-конференции нового министра иностранных дел Японии Сэйдзи Маэхары³⁵. В кабинете Хатоямы он занимал должность министра земель, транспорта, инфраструктуры, а также по делам Окинавы и «северных территорий», под которыми подразумеваются российские Южные Курилы.

В 2005 г., будучи лидером оппозиционной тогда ДПЯ. Маэхара в одном из своих выступлений в США назвал Китай «реальной угрозой» в связи с наращиванием и модернизацией его военного потенциала. Он также заявил, что эта страна ущемляет интересы Японии в отношении месторождений газа в Восточно-Китайском море. В должности того же министра, но уже в кабинете Кана, Маэхара назвал поведение китайского траулера в водах спорных островов Сэнкаку безответственным. Именно оно, по его мнению, привело к столкновению с японским кораблем береговой охраны. Как уже отмечалось, этот инцидент послужил началом беспрецедентного обострения японо-китайских отношений. По мнению ряда японских и зарубежных аналитиков, растущая экономическая мощь, дипломатическая неопытность премьер-министра Кана, а также напряженные японо-американские отношения лежат в основе чрезвычайно жесткой реакции Пекина на арест японской береговой охраной капитана китайского судна после столкновения. Однако на упомянутой пресс-конференции Маэхара воздержался от употребления слова «угроза» в отношении Китая, назвав столкновение случайным. В своем выступлении новый министр иностранных дел Японии прежде всего подчеркнул, что экономическая дипломатия, в том числе заключение соглашений о свободной торговле и соглашений об экономическом партнерстве, явится краеугольным камнем его внешней политики.

Тем не менее, назначение Маэхары главой внешнеполитического ведомства было встречено в Китае с большой настороженностью, а китайское центральное телевидение в своем репортаже из Токио сообщило, что на пост министра иностранных дел Японии назначен «антикитайский ястреб»³⁶.

Беспрецедентная эскалация напряженности в японо-китайских отношениях в сентябре — начале октября 2010 г. продемонстрировала всю сложность задачи, которая, судя по всему, была поставлена ДПЯ в сфере внешней политики: сделать ее более сбалансированной за счет некоторого дистанцирования от США и, соответственно, сближения с Китаем.

Однако сама постановка такой задачи вызвала негативную реакцию в Вашингтоне, где не исключили, что она будет решаться за счет интересов США в АТР. Японцам тут же дали понять, что фокус американской политики в сфере безопасности в регионе может сместиться на Южную Корею и другие азиатские страны.

В Японии существует двойственный подход к Китаю: с одной стороны, в Токио действительно вызывает большое опасение наращивание Китаем своего военного потенциала и, особенно, откровенная демонстрация в 2010 г. его военно-морским флотом своих «мускулов». С другой стороны, японцы не могут не учитывать то обстоятельство, что Китай является крупнейшим торгово-экономическим партнером Японии, от которого во многом зависит состояние дел в ее экономике. Этим, кстати, не преминул воспользоваться Пекин. В наборе средств его давления в ходе разгоревшегося территориального конфликта важное место заняли эмбарго на экспорт редкоземельных металлов в Японию и ужесточение таможенных процедур для японских компаний, торгующих с Китаем³⁷. Это, в свою очередь, породило в Японии призывы снизить экономическую зависимость от Китая, чтобы избежать подобного шантажа в будущем.

Премьер-министр Кан подвергся внутри страны сильнейшей критике за то, что в своих подходах к Китаю в связи с конфликтом вокруг островов Сэнкаку он, как утверждается, проявил слабость и неумение отстаивать государственные интересы. Можно полагать, что ему предстоит большая и трудная работа по налаживанию с этой страной «взаимовыгодных отношений, базирующихся на общих стратегических целях», о необходимости которых ранее неоднократно заявляли, как Токио, так и Пекин.

Очевидно, что осеннее обострение отношений с Пекином заставит политиков ДПЯ и сформированное ею правительство более позитивно оценивать связи со своим главным военно-политическим союзником — Соединенными Штатами. Именно в этих отношениях, пожалуй, наиболее ярко проявляются внешнеполитические зигзаги Японии в период недолгого пока правления кабинетов ДПЯ.

Вашингтон, в отличие от Пекина, приветствовал назначение Маэхары на пост министра иностранных дел Японии, считая его проамериканским деятелем и полагая, что он вместе с Каном возьмет курс на выправление перекосов в японо-американских отношениях, допущенных Хатоямой. Судя по всему, оба деятеля в складывающейся непростой обстановке в сфере безопасности в Восточной Азии намерены «сдать назад» и повысить приоритетность указанных отношений в японской внешнеполитической стратегии.

США, со своей стороны, проявляют готовность закрепить движение Японии в этом направлении, заняв откровенно прояпонскую позицию в территориальном споре вокруг Сэнкаку и прямо заявив устами госсекретаря Х. Клинтон, что указанные острова входят в сферу действия японо-американского договора безопасности.

Подобное развитие событий в Северо-Восточной Азии укладывается в русло утверждений некоторых японских и американских политологов о том, что «китайская военная угроза» в АТР приходит на смену «советской военной угрозе» периода «холодной войны».

Таким образом, можно ожидать, что «китайский фактор» в ближайшее время серьезно укрепит центростремительные силы в японо-американских отношениях в сфере безопасности. Очевидно, что наряду с «северокорейской угрозой» этот фактор усилит в Японии позиции сторонников сохранения авиабазы корпуса морской пехоты США Футэмма на Окинаве. Вопрос в том, удастся ли правительству Кана убедить в необходимости этого администрацию и население самого острова, которые крайне негативно настроены к пребыванию американских вооруженных сил на своей территории.

Как отмечала газета «The Japan Times» в редакционной статье, посвященной 50-й годовщине заключения пересмотренного японо-американского договора безопасности, Япония и США должны прилагать серьезные усилия по снижению нагрузки на префектуру Окинава, где сконцентрированы американские базы. По мнению газеты, без внимания жителей Окинавы договор не будет достаточно функционален³⁸.

Думается, инцидент с китайским траулером вблизи островов Сэнкаку, которые территориально входят в указанную префектуру, может облегчить получение такого внимания. Вместе с тем, надо отметить, кандидаты на пост губернатора префектуры Окинавы как от правящей партии, так от оппозиции выступают за вынос базы за пределы одноименного острова³⁹.

Территориальный цугцванг Токио

Смена власти в Японии в сентябре 2009 г., приведшая в кресло премьер-министра Юкио Хатояму, породила у ряда политиков и экспертов как в России, так и в Японии определенные надежды на улучшение политических отношений между двумя странами и возможность компромиссных подвижек в фактически зашедших в тупик переговорах по территориальному вопросу. Эти надежды связывались с тем обстоятельством, что Хатояма является внуком японского премьер-министра Итиро Хатоямы, подписавшего в 1956 г. Советско-японскую декларацию, которая восстановила дипломатические отношения между двумя странами.

Развитие отношений между Японией и СССР, а затем Россией, считается наследуемой традицией семьи Хатояма. Кроме того, Юкио Хатояма в отличие от остальных политических лидеров Японии имеет репутацию знатока России, и к тому же обладает налаженными связями с представителями российского истеблишмента. Хатояма уже в начале своего премьерства заявлял о намерении добиться прогресса в решении территориального вопроса в течение полугода или года. Однако было очевидно, что он не сможет отойти от «классической позиции» Японии — требования вернуть все четыре острова. Причина не только в том, что в манифесте ДПЯ в отношении России содержалось обязательство добиваться скорейшего возвращения указанных островов (других задач в отношении России в документе не ставилось), но и в том, что всякое отступление от указанной позиции для любого деятеля в Японии означает «политическую смерть». Более того, на фоне заявленного Хатоямой желания улучшить отношения с Москвой диссонансом выглядели действия его правительства, утвердившего подготовленный японским МИДом документ, содержащий формулировку «незаконная оккупация Россией» Южных Курильских островов. Кроме того, Сэйдзи Маэхара, занимавший в кабинете Хатоямы пост министра земель, выступил с жестким заявлением о «незаконной оккупации Россией северных территорий». Эти шаги встретили негативную реакцию со стороны российского МИДа.

В итоге сложилась парадоксальная ситуация, когда при пророссийском (по японским меркам) премьер-министре Японии и без того находившиеся в застое российско-японские политические отношения фактически охладели. Градус этих отношений еще больше понизился после ухода Хатоямы в отставку, хотя прямой причинно-следственной связи здесь не просматривается. Этому способствовали как минимум три события.

Во-первых, в Японии было отрицательно расценено введение в России новой памятной даты — Дня окончания Второй мировой войны. В Японии это название однозначно было воспринято как эвфемизм, которым обозначена победа СССР в войне с Японией в августе 1945 г. Правда, именно в силу нейтральности указанной формулировки Токио никак официально не отреагировал на введение новой памятной даты.

Во-вторых, японские СМИ и политические деятели крайне критически отнеслись к тому месту в российско-китайском совместном заявлении, подписанном во время визита президента Д. Медведева в Китай в сентябре 2010 г., в котором говорилось, что стороны подтверждают стремление не допустить пересмотра итогов Второй мировой войны, противодействовать попыткам фальсифицировать ее историю, героизировать нацистов, милитаристов и их пособников, очернить освободителей.

Заявление было истолковано в Японии не только как стремление согласовать подходы России и Китая к восприятию истории своих сложных отношений с этой страной, но и как средство совместного давления на Японию по поводу их территориальных конфликтов с ней. Правда, в ответ на запрос оппозиции в парламенте 10 октября 2010 г. премьер-министр Кан заявил, что он так не считает.

В-третьих, заявленное президентом Медведевым намерение посетить Южные Курилы вызвало весьма болезненную реакцию в Японии уже на официальном уровне. Токио устами министра иностранных дел Маэхары заявил о нежелательности такой поездки и ее возможных негативных последствиях для двусторонних отношений. Одновременно в японских СМИ была развязана мощная антироссийская кампания, которую в концентрированном виде передает японский сайт на русском языке⁴⁰. Дальше других в этой кампании пошла консервативная газета «Санкэй симбун», которая потребовала отозвать из Москвы посла Японии. Беспрецедентно резкая реакция японской стороны, возможно, объясняется стремлением руководства Японии продемонстрировать свою твердость в отстаивании территориальных интересов страны в то время, когда оно подвергается острой критике со стороны ее общественности и оппозиции за отсутствие такой твердости в отношениях с Китаем. Так или иначе, Москва и Токио стоят перед трудным поиском путей вывода двусторонних политических отношений из достаточно глухого территориального тупика, в котором они оказались в конце первого десятилетия нового века.

Вероятно, для этого могла бы быть создана более благоприятная атмосфера в случае назначения послом Японии в России Юкио Хатоямы, о возможности чего сообщали неофициальные японские источники. Правда, сделанное им в конце октября заявление о желании вернуться в большую политику, затуманивает перспективы этого назначения. Но, думается, в любом случае он мог бы попытаться на деле реализовать заявленное им видение российско-японских отношений в образе «повозки с двумя колесами», одно из которых — экономика, а другое — политика.

В вышеупомянутом выступлении в российской Дипломатической академии Хатояма усовершенствовал эту модель отношений, добавив повозке третье колесо — в виде культурных связей. Видимо, японский политик справедливо полагает, что чем больше у транспортного средства колес, тем оно устойчивее. Кроме того, с помощью двух колес (экономика и культура) легче направить в правильную колею третье колесо (политику). Вопрос в том, сумеют ли стороны прийти к единому пониманию того, что такое правильная колея.

Тем временем ведущее экономическое издание Японии газета «Нихон кэдзай симбун» указывая в своей редакционной статье на то, что только в течение 2010 г. встречи на высшем уровне между Россией и Китаем проводились пять раз, критикует ДПЯ за то, что после ее прихода к власти ни один действующий японский премьер-министр не посетил Россию. По мнению газеты, это лишь отдаляет решение территориальной проблемы⁴¹.

К этому следует добавить, что и в территориальных спорах Японии с другими странами «не видно света в конце туннеля», в том числе в продолжающем лишь обостряться конфликте с Китаем по поводу островов Сэнкаку. Одностороннее взвинчивание атмосферы в отношениях с Россией в связи с посещением Д. Медведевым Южных Курил следует расценить не иначе, как очередной крупный внешнеполитический просчет (если не сказать провал) правительства ДПЯ после ее прихода к власти в сентябре 2010 г.

Ввязывание администрации Кана в «боевые действия» сразу на двух «территориальных фронтах» — китайском и российском — можно объяснить лишь тем, что, как уже говорилось, дипломатия — это не самый сильный «козырь» ДПЯ. Возможно, такие неуклюжие действия являются «побочным эффектом» провозглашенного партией лозунга передачи важнейших государственных решений из рук бюрократии (на этот раз мидовской) в руки политиков.

Однако драматизм положения для Токио заключается еще и в том, что помимо России и Китая Япония имеет территориальные конфликты со всеми без исключения соседями в Северо-Восточной Азии. К ним также относятся спор с Южной Кореей по поводу территориальной принадлежности островов Такэсима (по-корейски — Токто) и притязания на острова Сэнкаку Тайваня, который в этом плане действует параллельно с материковым Китаем. Кроме того, сюда следует добавить Северную Корею, которая несмотря на свою враждебность по отношению к Сеулу, поддерживает соотечественников на юге Корейского полуострова по вопросу принадлежности островов Такэсима.

Таким образом, вырисовывается не очень радостная для Токио картина: Япония оказывается в полукольце соседних стран, со всеми из которых, она имеет застарелые территориальные тяжбы. Другую половину кольца образуют водные просторы Тихого океана, на далекой противоположной стороне которого расположены США — единственный на сегодняшний день военно-политический союзник страны восходящего солнца. Причину сложившейся ситуации, видимо, следует искать в политике Японии в отношении своих материковых соседей в прошлом и позапрошлом веках.

Следует подчеркнуть, что возникновение малейшей напряженности в отношениях с соседними азиатскими странами, особенно по территориальному вопросу, выливается, как правило, в сильнейшие антияпонские кампании в этих странах. Основой этих кампаний являются дремлющие в течение многих десятков послевоенных лет антияпонские чувства местного населения, готовые вспыхнуть от малейшей искры и перерасти в яростные антияпонские выступления.

В этом отношении исключением является лишь Россия. Она, единственная среди всех стран, имеющих территориальные споры с Японией, проявляет готовность искать с ней какие-то компромиссы. Однако, похоже, в Токио это не очень ценят и в последнее время лишь усиливают давление на Москву, полагая, видимо, что Россия — наиболее слабое звено в цепи территориальных конфликтов Японии с ее соседями.

Таким образом, администрации Кана, вероятно, еще предстоит доказывать избирателям, что вырабатывая стратегию, адекватную современным международным реалиям, и попутно решая назревшие важные задачи, ДПЯ в состоянии проводить более эффективную внешнюю политику, чем ее предшественница — ЛДПЯ.

1. В Японии премьер-министром становится лидер партии, получившей большинство депутатских мест в нижней палате парламента (палате представителей). Премьер, в свою очередь, формирует правительство.
2. Асахи симбун. 2009. 1 сент.
3. В этом отношении некоторые, склонные к хлестким сравнениям отечественные японоведы даже сравнивали ЛДПЯ с КПСС.
4. Период безраздельного правления ЛДПЯ с момента ее прихода к власти, соответственно, получил название «режим 1955».
5. Асахи симбун. 2009. 1 сент.
6. В Японии предвыборные платформы или программы называют «манифесто».
7. Ёмиури симбун. 2009. 13 сент.
8. Более подробно об этом см.: *Кистанов В.* База Футенма лишила Японию премьера // Независимая газ. 2010. 26 июля. Приложение «Динкурьер».
9. Незаконные финансовые пожертвования в фонды партий и отдельных партийных деятелей, а также другие виды подкупа политиков — хроническая болезнь японского общества.
10. Парадокс заключается в том, что до сентября 2009 г. ситуация в Японии была «ровно наоборот»: ЛДПЯ господствовала в нижней палате, а ДНЯ имела большинство в верхней, что позволяло ей «вставлять палки в колеса» законопроектам либерал-демократов. Правда, по конституции, в случае непринятия закона в палате советников, законопроект возвращается в палату представителей, где правящая партия, обладающая большинством голосов, его принимает.

11. Партия всех — название партии в переводе с японского (*минна-но то*). С английского переводится как «Ваша партия» (Yours party).
12. Асахи симбун. 2010. 30 сент.
13. Там же.
14. Лето 2010 г. в Японии, как и в России, отличалось аномально высокой температурой, что также привело к повышенной смертности населения.
15. Асахи симбун. 2010. 17 сент.
16. Помимо обычных членов партии, так называемые зарегистрированные «сторонники» имеют право голоса на партийных форумах ДПЯ.
17. Нихон кэйдзай симбун. 2010. 18 сент.
18. The Japan Times. 2010. 15 sept.
19. На прессконференции Камэй употребил словосочетание — «мэруто даун» — заимствование из английского «melt down».
20. Ёмиури симбун. 2010. 20 окт.
21. В Японии финансовый год начинается 1 апреля и заканчивается 31 марта следующего года.
22. Асахи симбун. 2010. 19 июня.
23. The Japan Times. 2010. 9 oct.
24. Там же. 2010. 14 aug.
25. Асахи симбун. 2010. 17 сент.
26. Там же.
27. Нихон кэйдзай симбун. 2010. 24 окт.
28. The Japan Times. 2010. 26 sept.
29. Там же.
30. Нихон кэйдзай симбун. 2010. 26 сент.
31. Там же.
32. Асахи симбун. 2010. 2 окт.
33. Там же.
34. Там же.
35. См.: Асахи симбун. 2010. 20 сент.
36. Там же.
37. Указанный набор включает также отказ от двусторонних встреч на министерском уровне, откладывание приема на «ЭКСПО—2010» в Шанхае крупной молодежной делегации, свертывание китайского туризма в Японию, прекращение контактов по линии военных ведомств, арест служащих японских компаний в Китае по подозрению в шпионаже, игнорирование японского желания организовать встречу на высшем уровне для урегулирования конфликта, крупномасштабные антияпонские демонстрации, а также кампании в китайских СМИ и др. Надо отметить также, что Япония не осталась в долгу и развернула мощную критическую кампанию против Китая в собственных СМИ.
38. The Japan Times. 2010. 24 July.
39. Выборы губернатора должны были состояться в ноябре 2010 г.
40. См.: <http://www.eri-21.or.jp/russia/opinion/press/index.shtml>.
41. Нихон кэйдзай симбун. 2010. 10 окт.

Восточноазиатское сообщество: что мешает воплотить идею

© 2010

А. Семин

В статье анализируется ситуация вокруг создания такой региональной структуры, как Восточноазиатское сообщество (ВАС). С момента своего возникновения идея формирования ВАС получила поддержку целого ряда азиатских стран, однако ее осуществление затянулось. Стремясь вскрыть причины этого, автор обращает особое внимание на несовпадение подходов Японии и Китая как ведущих региональных держав, а также на роль Соединенных Штатов, не заинтересованных в создании структуры, в которой их участие не предусматривается.

Ключевые слова: Япония, Китай, США, Восточноазиатское сообщество, АСЕАН.

Почти десятилетие прошло со времени, когда на саммите глав государств и правительств стран Юго-Восточной Азии, а также Китая, Японии и Республики Корея (АСЕАН+3), состоялось обсуждение концепции строительства региональной организации «Восточноазиатское сообщество» (ВАС). С самого начала осуществлению концепции стало мешать острое соперничество между Китаем и Японией как претендентами на лидерство в регионе. В результате процесс создания ВАС так и не завершился вплоть до начала недавнего глобального финансово-экономического кризиса.

Идея создания Восточноазиатского сообщества родилась на волне пережитых странами этого региона последствий валютно-финансового кризиса 1997–1998 гг. Тогда им не помогла ни одна из международных организаций. Бездейственной оказалась и такая региональная структура, как Форум Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС). Испытав ощущение «униженности», восточноазиатские страны рассчитывали с помощью ВАС обрести коллективный инструмент защиты своих национальных интересов перед лицом угрожающей мощи транснационального капитала.

Подлинным инициатором идеи ВАС был южнокорейский лидер Ким Дэ Чжун. Изначально ее разделяли Япония, страны АСЕАН, Южная Корея и Австралия. Поддержал инициативу и Китай. К саммиту 2001 г. «АСЕАН+3» специально созданной группой экспертов был подготовлен аналитический доклад, содержащий 57 конкретных рекомендаций по сотрудничеству в шести областях: экономике, политике, безопасности, финансовой области, экологии, социальной и культурной сферах. В докладе предлагалась поэтапная институционализация новой региональной структуры: эволюция саммита «АСЕАН+3» в Восточноазиатский саммит, затем образование Восточноазиатского форума.

На основе рекомендаций был подготовлен отчет, представленный затем для рассмотрения на саммите «АСЕАН+3» 2002 г. В отчете были определены 17 краткосрочных

и 9 среднесрочных и долгосрочных мер, составивших, по сути, проект ВАС. Он получил принципиальное одобрение саммита.

К моменту обсуждения идеи формирования региональной структуры для Восточной Азии на саммите «АСЕАН+3» 2002 г. позиция Китая как претендента на роль регионального лидера укрепилась при одновременном ослаблении положения Японии. По мере укрепления экономического могущества и политического веса на региональной арене в Пекине стали появляться идеи создания под собственной эгидой региональной организации, которая была бы закрыта для участия в ней США. Однако после того, как проект ВАС был одобрен, обнаружилось отсутствие единства между странами-учредителями будущей региональной организации, прежде всего, по вопросу ее формата. Важно, что игравшие ключевую роль в процессе ее создания Китай и Япония имели разные представления о составе Восточноазиатского сообщества.

Позиции Японии и Китая в отношении построения Восточноазиатского сообщества

С самого начала подготовительного процесса проявились элементы соперничества между Японией и Китаем в инициации идей и курировании хода разработки программных документов. У японской стороны, как выяснилось, существовал свой проект формирования региональной организации в Восточной Азии. В январе 2002 г. в Сингапуре премьер-министр Японии Дз. Коидзуми провозгласил цель создания «сообщества, которое совместно действует и совместно добивается успеха». Этого предполагалось достичь на пути расширения сотрудничества в Восточной Азии между Японией и АСЕАН, в формате «АСЕАН+Япония». По замыслу японской стороны, лидеры Японии и стран АСЕАН должны были в декабре 2003 г. подписать в Токио Декларацию по динамичному и долгосрочному партнерству Японии с АСЕАН в новом тысячелетии. Тогда же в Сингапуре японский премьер предположил, что членами организации станут Австралия и Новая Зеландия¹. Однако японскому проекту не было осуществиться.

Не достигнув быстрого успеха в продвижении проекта ВАС, в октябре 2003 г. лидеры трех стран — Китая, Японии и Республики Корея приняли Совместную декларацию о развитии сотрудничества в Северо-Восточной Азии (СВА). Она должна была стать промежуточным этапом на пути к созданию ВАС. В последующем предполагалось распространить субрегиональный опыт на всю Восточную Азию².

На саммите «АСЕАН+3» 2004 г. было принято решение провести в 2005 г. учредительный саммит «Восточная Азия» и определить на нем долговременные цели строительства ВАС. В ходе подготовки к саммиту обозначились серьезные разногласия между Китаем и Японией. При обсуждении проектов документов саммита на уровне министров иностранных дел в ноябре 2005 г. китайская сторона заявила, что формат ВАС должен рассматриваться внутри «АСЕАН+3», т.е. с участием 13 стран. Японская сторона настаивала на целесообразности участия в обсуждении трех дополнительных стран — Индии, Австралии и Новой Зеландии.

В качестве аргумента китайский представитель высказал следующее соображение. «Саммит «Восточная Азия», который с 2005 г. будет проводиться регулярно, станет основой для будущего Восточноазиатского сообщества. Чем больше стран будет вовлечено в это сообщество, тем меньше оно будет интегрировано». Представитель Японии выдвигал свой контраргумент: «Саммит «Восточная Азия» является более представительным, чем «АСЕАН+3». Он станет наиболее подходящей ареной для дискуссий по проблемам Восточноазиатского сообщества...»³.

Итак, к учредительному саммиту «Восточная Азия» Китай и Япония, подходили с различными позициями по принципиальному вопросу — составу стран-членов ВАС. Китай считал, что саммит «АСЕАН+3» (13 стран Восточной Азии) должен быть просто

переименован в Восточноазиатский саммит и эти страны должны составить будущее Восточноазиатское сообщество. Японская сторона, считавшая, что в таком составе ВАС станет полностью зависимым от Китая, претендующего на абсолютное лидерство, выступала за включение в его состав дополнительно трех стран — Индии, Австралии и Новой Зеландии. Наряду с этим у Японии существовал резервный план — предлагать в состав ВАС представителя США с совещательным голосом.

Провести в 2005 г. учредительный саммит «Восточная Азия» так и не удалось, прежде всего, из-за крайнего обострения китайско-японских отношений, когда контакты лидеров двух стран стали фактически невозможны. В декабре 2005 г. в Куала-Лумпуре (Малайзия) на саммите десяти стран АСЕАН была учреждена Рабочая группа для разработки устава Восточноазиатского сообщества, далее этого процесс не пошел⁴.

После нормализации отношений между Пекином и Токио обсуждение вопросов формирования Восточноазиатского сообщества возобновилось. В январе 2007 г. на острове Себу (Филиппины) состоялись две встречи в верхах: 14 января — «АСЕАН+3», а 15 января — «Восточная Азия» («АСЕАН+6»). К тому же, 13 января были проведены встречи лидеров стран АСЕАН и АСЕАН + Япония, а также трехсторонняя встреча руководителей Японии, Китая и Республики Корея. Главным итогом этих встреч стала фактическая легитимация сосуществования двух саммитов — «АСЕАН+3» (13 стран) и «Восточная Азия» (16 стран). Каждый из них принял свой итоговый документ. Их параллельное сосуществование продолжается. В октябре 2009 г. в г.Хуахин (Таиланд) в очередной раз были проведены саммиты: «АСЕАН + 3», «Восточная Азия» и «АСЕАН + Китай».

Усиление влияния Китая на интеграционный процесс в регионе

Усиливший свое влияние в регионе Китай в последние годы более целеустремленно, чем Япония, отстаивает жизнеспособность саммита «АСЕАН+3» как будущей основы ВАС. КНР играет активную роль в интеграционном процессе, делая упор на углубление и расширение экономического сотрудничества с АСЕАН. В апреле 2009 г. Китай объявил о создании фонда инвестиционного сотрудничества в рамках «АСЕАН + Китай» в сумме 10 млрд долл., а также предоставил АСЕАН кредиты на сумму 15 млрд долл. и выделил 270 млн юаней для оказания финансовой помощи слаборазвитым странам⁵.

1 января 2010 г. вступило в силу соглашение о зоне свободной торговли (ЗСТ) «Китай — АСЕАН» (10+1). Это первая ЗСТ для Китая, как и для АСЕАН. ЗСТ является крупнейшей в мире по охвату населения — 1,9 млрд чел., суммарный ВВП 11 стран — около 6 трлн долл., объем торговли — 4,5 трлн долл. С 1 января 2010 г. Китай и наиболее развитые страны АСЕАН — Сингапур, Малайзия, Индонезия и др. — полностью отменили таможенные пошлины во взаимной торговле, остальные страны отменили пошлины на 90% товаров. Согласно соглашению, введены взаимные преференции на рынке услуг, в сфере инвестирования и т.п.⁶

Выгода от введения ЗСТ очевидна. Китай открывает свой необъятный рынок для сырья и сельхозпродуктов из стран АСЕАН, поставляя туда свои дешевые промышленные товары. Это — мера по стимулированию экономики Китая и стран АСЕАН, по защите их от глобальных катаклизмов, подобных нынешнему экономическому кризису. К тому же, ослабляется зависимость стран-подписантов соглашения от рынков США и ЕС, обеспечивается большая защищенность от их протекционизма. Создана также предпосылка для постепенного ухода от долларовых расчетов, шаг к превращению юаня в региональную, а в перспективе — в международную валюту⁷.

Ожидается, что создание ЗСТ в формате АСЕАН+1 придаст мощный импульс экономической интеграции в Восточной Азии. Вслед за этой ЗСТ в 2011 г. планируется ввести ЗСТ Республика Корея — АСЕАН, а в 2012 г. ЗСТ Япония — АСЕАН. По мнению китайских специалистов, три ЗСТ в дальнейшем смогут объединиться в одну большую,

которая может стать основой Восточноазиатского экономического сообщества в формате «10+3», в котором Пекин и стремится создавать Восточноазиатское сообщество⁸. По инициативе Китая, в декабре 2009 г. Китай, Япония, Республика Корея и Гонконг (специальный административный район КНР) подписали соглашение об учреждении совместного резервного фонда в 120 млрд долл., предназначенного для финансовой поддержки стран, сталкивающихся с проблемами ликвидности⁹.

Новые тенденции в отношениях Китая и Японии

В последнее время под влиянием процессов глобального масштаба в китайско-японских отношениях обозначились новые тенденции, появились предпосылки для более тесного сотрудничества на региональном уровне. В мае 2008 г. в ходе официального визита председателя КНР Ху Цзинтао в Японию было подписано китайско-японское Совместное заявление о всестороннем развитии взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах¹⁰. По значимости этот документ отнесен сторонами к категории таких дипломатических документов, как Совместное коммюнике о восстановлении межгосударственных отношений 1972 г., Договор о мире и дружбе 1978 г., Совместная декларация о построении партнерских отношений 1998 г. — они квалифицируются в качестве «политического фундамента» развития двусторонних связей. По расчетам Пекина, с подписанием Совместного заявления «Всеобъемлющая стратегия стимулирования взаимовыгодных отношений, основанных на общих стратегических интересах» должна стать приоритетной целью политики двух стран в отношении друг друга.

В сентябре 2009 г. в Японии произошло значительное внутривнутриполитическое событие: к власти пришла прежде находившаяся в оппозиции Демократическая партия во главе с Юкио Хатояма, ставшим главой кабинета министров. Китайская сторона внимательно следила за первыми шагами нового руководства Японией. Было обращено, в частности, внимание на заявление премьер-министра о намерении строить «равноправные» отношения с Соединенными Штатами, создавать Восточноазиатское сообщество¹¹.

21 сентября 2009 г. на пятый день после сформирования нового японского правительства, в ходе 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке, председатель КНР Ху Цзинтао встречался с премьер-министром Ю. Хатояма. Оба руководителя декларировали свою заинтересованность в сотрудничестве по созданию Восточноазиатского сообщества (ВАС). К этому моменту Ю. Хатояма успел зарекомендовать себя в качестве активного сторонника создания ВАС. Выступая в прениях на сессии ГА ООН, он призвал к созданию ВАС с целью содействия сотрудничеству между азиатскими странами, подчеркнув, что «если Япония не будет принимать активного участия в делах Азиатско-Тихоокеанского региона, она не сможет развиваться». Он заявил о готовности сотрудничать с восточноазиатскими странами в таких областях, как заключение соглашения о свободной торговле, финансы, валюта, энергетика, экология, ликвидация последствий стихийных бедствий¹². Японский премьер также говорил о стремлении создать Восточноазиатское сообщество на встрече лидеров Китая, Республики Корея и Японии в октябре 2009 г. и на встрече лидеров стран-членов Форума АТЭС в ноябре того же года. В своей речи 15 ноября 2009 г. в Сингапуре Хатояма заявил, что сделает концепцию строительства Восточноазиатского сообщества основным направлением своей политики в Азии¹³.

Однако планам Ю. Хатоямы не суждено было осуществиться. В июне 2010 г., пробыв всего 9 месяцев на посту премьера, он ушел в отставку, не осуществив своих политических устремлений. Избранный на пост премьер-министра лидер Демократической партии Наото Кан, не являясь политическим оппонентом Ю. Хатоямы, тем не менее, намерен уточнить некоторые внешнеполитические приоритеты. На первый план выдвигается задача урегулировать отношения между Токио и Вашингтоном, в которых при Хатояме возникла напряженность, прежде всего из-за разногласий вокруг проблемы воен-

ного присутствия США в Японии. Не исключено при этом, что при Н. Кане Токио будет весьма взвешенно подходить к вопросам региональной интеграции, максимально учитывать позицию США.

Наметившаяся в последние годы перспектива преодоления японо-китайских разногласий вокруг формирования ВАС не могла не настораживать Вашингтон: он не заинтересован в успехе проекта ВАС, в котором для США не находится места. Эта региональная структура воспринимается Вашингтоном в качестве возможного инструмента усиления позиций Китая в регионе, где у США сохраняются немаловажные интересы. Чтобы успокоить американцев, японской стороне в ряде заявлений официальных лиц в последнее время приходилось уточнять свой подход, ссылаться на неизменную важность союзнических отношений Японии с США, подтверждать ее приверженность принципу «открытости» при создании ВАС, что теоретически не исключает вхождения в ВАС Соединенных Штатов¹⁴. Фактически это невозможно, хотя бы потому, что против этого выступает Китай.

Планы Китая по интеграции в Восточной Азии

Тем временем Китай, все более утверждаясь в роли регионального лидера, стремится формулировать программу комплексного развития Восточной Азии с привлечением Японии к всестороннему сотрудничеству. Об этом свидетельствует, в частности, содержание аналитического доклада «Китайско-японские отношения и политика Китая в отношении Японии в грядущем десятилетии», подготовленного специалистами Института исследований Японии, структурного подразделения Китайской академии общественных наук¹⁵.

Восточноазиатское сообщество в его многообразных ипостасях в перспективе должно стать основой этого китайско-японского сотрудничества. Одна из этих ипостасей — Восточноазиатское сообщество безопасности. В рамках реализации проекта предлагается идея создания нового и более широкого по составу участников механизма безопасности для всей Восточной Азии. Считается также крайне важным стимулировать создание в регионе Сообщества взаимовыгодной поддержки и обеспечения стабильности экономического развития, в рамках которого решались бы и проблемы обеспечения энергетической безопасности.

В докладе развивается идея широкого регионального финансово-экономического взаимодействия в Восточной Азии. Чтобы создать долговременный фундамент устойчивого экономического развития, Восточная Азия должна откорректировать экономическую структуру, увеличить внутреннее потребление и уменьшить зависимость от внешних рынков, особенно привязанность к рынку США. Китаю и Японии следует объединить усилия по заключению Соглашения о свободной торговле и Соглашения об экономическом партнерстве (ФТА/ЕРА), чтобы координировать стратегию и политику, совместно формировать пространство свободной торговли Восточной Азии, Восточноазиатского сообщества (ВАС). «Китай и Япония — самые крупные экономики Восточной Азии, создание ВАС будет пустой затеей без искреннего сотрудничества между ними. Проект ФТА/ЕРА должен быть также поставлен в повестку дня, как можно, скорее. Это — проблема не просто экономическая, но и политическая, поэтому трудновыполнимая, как и формирование ВАС»¹⁶. — подчеркивают авторы доклада.

Одна из целей культурного обмена между Китаем и Японией, как видится авторам доклада, заключается в том, чтобы культивировать китайско-японскую общую культуру, содействовать формированию Восточноазиатского культурного сообщества с целью внесения вклада в обеспечение мира и процветания в Восточной Азии, в развитие человеческой цивилизации. Строительство и формирование Восточноазиатского сообщества, говорится в докладе, является исторической тенденцией в Восточной Азии.

Для построения Восточноазиатского сообщества должно существовать культурное сообщество, постепенно сформированное после учреждения экономического сообщества. В долгой истории культурных обменов двух стран сформировалась общая культура с китайской письменностью, конфуцианством, буддизмом в качестве ее ядра. В дальнейшем Китай и Япония должны энергично изучать, организационно выстроить и культивировать общую культуру, способствовать ее специфическому развитию, стандартизации и превращению в базис Восточноазиатского культурного сообщества.

Будут ли достигнуты во втором десятилетии этого века программные цели Китая по формированию по своей эгиде полноформатной региональной организации в Восточной Азии, остается под вопросом. Вокруг создания ВАС происходит столкновение влиятельных сил. Так, Япония, как и Соединенные Штаты, полностью не отказалась от попыток активно влиять на интеграционный процесс, сохранить свои экономические позиции в странах региона, у которых нет полного доверия к региональной политике КНР, однозначной поддержки усиления ее экономической экспансии в странах Юго-Восточной Азии. Не случайно, часть этих стран проявляет заинтересованность в построении Восточноазиатского сообщества на основе баланса интересов Китая, Японии, а также США, считает целесообразным включение в состав ВАС Индии, Австралии и Новой Зеландии. В последнее время в политических и общественных кругах Таиланда, Индонезии, Сингапура происходит смена настроений в пользу расширения связей с Японией, сохранения присутствия США в регионе. Так, премьер-министр Сингапура Ли Сянг Лунг в марте 2007 г., перед визитом в Токио, заявлял: «Мы хотим поддержать Японию, ибо она играет большую роль во всех сферах в Юго-Восточной Азии — торговле, технической кооперации, экономической помощи»¹⁷. Сравнив Японию с Китаем, он подчеркнул, что Япония — страна с более открытой экономикой, чем Китай и, с точки зрения уровня развития, опережает его¹⁸.

Нельзя не отметить и новой тенденции в развитии обстановки в регионе — активизации отношений Российской Федерации со странами-членами АСЕАН. Так, 30 октября 2010 г. в Ханое (Вьетнам) состоялся саммит Россия — АСЕАН. Были обсуждены состояние и перспективы партнерства, пути построения в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) более совершенной структуры безопасности. Значительное место было уделено обсуждению финансово-экономических аспектов совместных усилий по преодолению финансового кризиса. Обозначая позицию России, президент Д.А. Медведев отметил, что «успешное строительство нового «Азиатско-Тихоокеанского дома» отвечает интересам всех стран. Россия открыта для такого взаимодействия, в том числе и для создания различных альянсов». В совместном заявлении участников саммита в Ханое была подтверждена важность центральной роли АСЕАН в механизме Восточноазиатских саммитов. АСЕАН одобрила намерение Российской Федерации участвовать в Восточноазиатских саммитах, принимая во внимание их открытый и инклюзивный характер. АСЕАН также приветствовала участие РФ в региональных интеграционных процессах, рассматривая их как важный фактор стабильности и устойчивости развития АТР¹⁹.

Участие России в региональных процессах в Восточной Азии может оказать в перспективе позитивное влияние на ситуацию, сбалансировать расстановку сил, в которой до сего времени центральная роль принадлежит Китаю и Японии. Соперничество между ними за лидирующую роль не всегда позитивно сказывается на процессе интеграции. К тому же в ходе подготовки к формированию Восточноазиатского сообщества Япония вынуждена учитывать отношение к нему Вашингтона, фактически она должна дать себе ответ на вопрос, кого выбирает в союзники: США либо Китай. Зб. Бжезинский в своей книге «Геополитическое прочтение мира» пишет по этому поводу: «Япония, боюсь, станет перед выбором: объединиться с Америкой для противостояния Китаю либо вступить в союз с Китаем». Актуальность этой дилеммы для Японии подтверждается мнением автора широко известной книги «Столкновение цивилизаций» С. Хантингтона:

«Япония перед вопросом: «Америка или Китай?» поначалу будет стремиться избежать выбора, однако смысл в том, удастся ли избежать»²⁰.

Таким образом, Китай укрепляет свои позиции регионального лидера, настойчиво продвигает свою идею региональной интеграции, стремясь вовлечь Японию во «взаимовыгодное, основанное на общих стратегических интересах» сотрудничество. Соглашаясь в принципе на него, Япония вынуждена проводить осторожную политику, лавировать между Китаем и США, так как возможность ее политического сближения с Китаем на почве тесного регионального взаимодействия вызывает настороженность у США, сохраняющих рычаги влияния на Японию. В этих условиях процесс создания Восточноазиатского сообщества по-прежнему сталкивается с трудностями.

1. Pacific Forum. 2004. Vol. 04–06. P. 10–13.
2. Ibid.
3. Okazaki H. Insights into world: China,s growing military strength a future threat. — <http://www.yomiuri.co.jp/dy/world/20051120TDY1001.html>. 25.11.2005.
4. ИТАР-ТАСС. 2006. 2 дек.
5. Синьхуа. 2009. 25 окт.
6. Rosbalt. — <http://www.rosbalt.ru/2010/01/18/704836>.
7. Ibid.
8. Partnery. — <http://www.partnery.cn/7/01/2010>.
9. Rosbalt. — <http://www.rosbalt.ru/2009/12/28/700909.html>.
10. Ministry of Foreign Affairs of Japan. — <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/china/joint0805.html>.
11. Жэньминь жибао. 2009. 17 дек.
12. Ministry of Foreign Affairs of China. — <http://www.russian.gov.cn/news/onli/20090925/114838.html>.
13. The Daily Yomiuri. — <http://www.Yomiuri.co.jp/dy/national/20091116TDY01303.htm>.
14. The Daily Yomiuri. — <http://www.yomiuri.co.jp/dy/editorial/20091026TDY04305.htm>.
15. Sino-Japanese relations and China Policy toward Japan in the Coming decade / Institute of Japanese Studies. Chinese Academy of Social Sciences. Jan., 2009. Отв. ред. Jiang Lifeng. в составе группы: Gao Hong, Zhang Jifeng, Wan Wei, Cui Shinguang, Lv Yaodong, Wu Haizhong. перевод — Sun Lingling.
16. Ibid.
17. The Straits Times. 2007. 19 March.
18. Ibid.
19. Совместное заявление по итогам второго саммита РФ-АСЕАН. 30.10.2010. Ханой — http://news.kremlin.ru/ref_notes/761/print.
20. Харуки Иосида. Бэйкоку-ка, Тюгоку-ка? [Америка или Китай?]. Токно, 2007. С. 232–233.

Китай и Россия в Шанхайской организации сотрудничества

© 2010

В. Портяков

Рассмотрены основные особенности подходов Китая и России к деятельности Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Проанализировано значение ШОС для Китая. Приведены возможные сценарии дальнейшей институциональной эволюции ШОС.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, Китай, Россия, Центральная Азия, торговля

Первое десятилетие XXI в. ознаменовалось не только динамичным укреплением экономической мощи Китайской Народной Республики, но и существенным расширением сфер, обновлением инструментария международно-политической деятельности Пекина. Заметное место в этом процессе занимают налаживание добрососедства и активизация работы в региональных международных организациях, призванные, среди прочего, способствовать формированию на международной арене образа КНР как ответственной глобальной державы. Оба эти направления находят заметное отражение в деятельности Китая в формате Шанхайской организации сотрудничества.

I

Учрежденная 15 июня 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) с первых дней своего существования привлекает заметное внимание мировых центров силы и международного экспертного сообщества. Это обусловлено целым комплексом причин, среди которых основными являются следующие.

– Провозгласив одной из своих ведущих целей «совместное обеспечение и поддержание мира, стабильности и безопасности в регионе», ШОС позиционировала себя как мощный геополитический фактор, способный сыграть долговременную стабилизирующую роль в Центральной Азии и на более широком пространстве Восточной Евразии. Стабилизирующая функция ШОС в регионе была юридически закреплена в Договоре о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве государств — членов организации.

– Выросшая из комплекса российско-китайских мероприятий по укреплению мер доверия и сокращения вооружений и вооруженных сил в районе границы, ШОС стала важной «площадкой» углубления и диверсификации форм стратегического партнерства между Россией и Китаем. Одновременно возникла и потенциальная возможность усиления соперничества России и Китая в Центральной Азии.

– Провозглашенный ШОС курс на содействие эффективному сотрудничеству стран-членов в экономике и гуманитарной сфере способен, при его надлежащей реализации, улучшить социально-экономическое положение в центрально-азиатских государствах — членах этой организации и тем самым существенно снизить дестабилизирующее влияние как радикального ислама, так и чреватой «оранжевыми революциями» западной идеологии.

– Провозгласив себя организацией открытого типа, ШОС выступила своеобразным центром притяжения или, как минимум, объектом существенного интереса для целого ряда азиатских стран. Получение Монголией, Индией, Пакистаном и Ираном статуса наблюдателя в ШОС, а Шри-Ланкой и Белоруссией — статуса партнера по диалогу — не только выявило потенциальный ареал расширения ШОС, но и продемонстрировало ее реальную способность прямо влиять на институциональную структуру межгосударственных формирований и международные отношения в Азии. Международное измерение деятельности ШОС получило новый серьезный импульс благодаря подписанию в апреле 2010 г. «Совместной декларации о сотрудничестве между Секретариатами ШОС и ООН» и принятию на 10-м саммите государств — членов ШОС в Ташкенте 11 июня 2010 г. Положения о порядке приема новых членов в ШОС.

– Хотя на момент учреждения ШОС выглядела как интересный, но все же достаточно ограниченный, локальный проект, однако террористические акты в США 11 сентября 2001 г. и последовавшая вскоре антиталибская операция в Афганистане под эгидой НАТО радикально изменили ситуацию, продемонстрировав на практике возможность и необходимость конструктивного сотрудничества ШОС и НАТО в противодействии терроризму, наркоугрозе и в афганском урегулировании.

– Крупные запасы углеводородов в Казахстане, Узбекистане и географически примыкающих к ШОС Туркмении и других государствах Прикаспия делают добычу и вероятные маршруты транспортировки нефти и газа из региона на внешние рынки объектом довольно жесткой международной конкуренции, в которую прямо или косвенно вовлечены Китай, Россия, США, Европейский Союз, Индия.

II

Вполне естественно, что деятельность ШОС является предметом постоянного внимания в российском экспертном сообществе. Специальные центры по изучению ШОС созданы в Институте Дальнего Востока Российской Академии наук и Московском государственном институте международных отношений Министерства иностранных дел. Проблемы ШОС анализируются также отдельными исследователями в Институте востоковедения (прежде всего под центрально-азиатским «углом») и в Институте мировой экономики и международных отношений РАН, в Российском институте стратегических исследований, ГУ—ВШЭ (Государственный университет — Высшая школа экономики), в высших учебных заведениях и научно-исследовательских институтах Новосибирска, имеющих традиционные связи с республиками Центральной Азии. По инициативе российских экспертов был учрежден Форум ШОС, призванный играть роль «второй дорожки», т.е. научно-экспертного сообщества при ШОС. К июню 2010 г. проведены пять Форумов ШОС. Мнения российских экспертов по проблемам ШОС весьма востребованы во властных структурах России.

Материалы «круглых столов» по проблемам ШОС, проводимых ежегодно в Институте Дальнего Востока, служат неплохой интеллектуальной подпиткой для национальных координаторов ШОС от России и сотрудников Секретариата ШОС. Итоги дискуссий ученых и экспертов на протяжении 2002–2008 гг. обобщены в публикациях Института Дальнего Востока РАН: Проблемы становления Шанхайской организации сотрудничества и взаимодействия России и Китая в Центральной Азии. М., 2005. 222 с.;

Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества. М., 2006. 240 с.; Шанхайская организация сотрудничества: взаимодействие во имя развития. М., 2006. 248 с.; Взаимодействие России с Китаем и другими партнерами по Шанхайской организации сотрудничества. М., 2008. 180 с. Кроме того, в Институте опубликованы основные документы ШОС¹ и сборник переводов статей ведущих китайских экспертов по проблемам ШОС и Центральной Азии². Заслуживают упоминания работы сотрудников ИДВ РАН С.Г. Лузянина «Россия и Китай в Евразии» (М., 2009. 288 с.), А.Ф. Клименко «Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности» (М., 2009. 348 с.), Л.Е. Васильева «Проблемы безопасности в Восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом» (М., 2009. 172 с.).

Основная масса российских экспертных оценок состояния, проблем и перспектив развития ШОС достаточно близка к официальным оценкам деятельности этой организации, фигурирующим в заявлениях руководителей и чиновников различного ранга и документах двусторонних и многосторонних саммитов. При этом, однако, по сравнению с консенсусными формулировками, исходящими непосредственно от ШОС, для экспертных оценок характерен определенный разброс и менее «отлакированная» тональность высказываемых суждений.

В самой ШОС и в России доминируют позитивные оценки характера организации и ее роли в международной жизни. В частности, ШОС характеризуется как «состоявшаяся многосторонняя структура, пользующаяся общепризнанным авторитетом в мире»³. В «Декларации пятилетия» (2006 г.) отмечалось, что ШОС «уже показывает себя важным механизмом углубления добрососедских, дружественных и партнерских отношений между государствами-членами. примером развития межцивилизационного диалога, активным фактором в глобальных усилиях по демократизации международных отношений»⁴. Констатировалось, что организационное и правовое становление ШОС практически завершено. Особо подчеркивалась сформировавшаяся в рамках организации атмосфера равенства, «общего дома» (иногда называемая «шанхайским духом»), позволяющая обсуждать и намечать пути решения любых проблем.

В российском экспертном сообществе ШОС подчас квалифицируется как организация нового типа, коль скоро она носит открытый характер. ШОС создана «не против кого-то», но, напротив, ориентирована на самое широкое сотрудничество. Этот принцип нашел отражение в установлении договорных связей с АСЕАН, ЕвразЭС и СНГ, ООН, ОБСЕ. ШОС прямо заявила о своих претензиях на роль примера и катализатора в деле межцивилизационного общения и решении проблем, препятствующих гармонизации отношений в мире.

Проделана значительная организационная и договорно-правовая работа по налаживанию сотрудничества стран-членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом и незаконным оборотом наркотиков. Находящаяся в Ташкенте (Узбекистан) Региональная антитеррористическая структура (РАТС) стала, по словам директора ее Исполнительного комитета Дженисбека Джуманбекова, «настоящим штабом координации деятельности специальных служб и правоохранительных органов в борьбе с «тремья силами зла»»⁵.

На саммите ШОС в Шанхае в июне 2006 г. были приняты Соглашение о порядке организации и проведения совместных антитеррористических мероприятий на территориях государств-членов ШОС и Соглашение о сотрудничестве в области выявления и перекрытия проникновения на территории государств-членов ШОС лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности.

Практическая отработка антитеррористического взаимодействия осуществляется в ходе специальных маневров в формате ШОС. В августе 2003 г. в приграничных районах Казахстана и Китая в две фазы были проведены военные маневры «Единение» («Ляньхэ»), а в 2005, 2007, 2009 гг. проводились крупномасштабные военные маневры

«Мирная миссия». Как отмечают китайские эксперты, по своему размаху они далеко вышли за рамки антитеррористических учений и были призваны продемонстрировать решимость государств — членов ШОС отстаивать стратегическую стабильность в регионе, в том числе перед лицом угрозы так называемых «цветных революций», то есть насильственной смены власти в республиках Центральной Азии⁶. В сентябре 2010 г. на территории Казахстана состоялись очередные многосторонние маневры «Мирная миссия» с участием 5 тыс. военнослужащих.

Необходимо подчеркнуть, что ряд российских экспертов считает необходимым существенное усиление военно-оборонного сотрудничества в ШОС, мотивируя это универсальным характером организации, требующим не только политического, экономического, гуманитарного, но и военного взаимодействия. Результатом российской настойчивости стало принятие в мае 2008 г. на совещании глав оборонных ведомств стран-участниц ШОС Соглашения о сотрудничестве между министерствами обороны стран, входящих в Организацию (свою подпись под соглашением не поставил Узбекистан). Это Соглашение повышает способность стран ШОС адекватно и оперативно реагировать на ситуации, угрожающие миру и стабильности в регионе⁷.

Вполне логично, что Россия стремится к налаживанию постоянного активного взаимодействия ШОС с Организацией Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) с целью «реализации совместных мер по противодействию общим вызовам и угрозам». В 2008 г. Секретариаты ШОС и ОДКБ подписали Меморандум о сотрудничестве⁸.

В то же время ШОС как организация открытого типа готова к конструктивному взаимовыгодному взаимодействию с внерегиональными силами, что в весьма корректной форме отражено практически во всех документах ШОС. В настоящее время в центре такого взаимодействия находится ситуация в Афганистане.

III

Значительное внимание уделяется деятельности ШОС и в Китае. Проблемы и перспективы развития этой организации изучаются в таких влиятельных научных центрах, как Китайский институт международных проблем МИД КНР, Китайская академия современных международных отношений, Институт России, Восточной Европы и Центральной Азии Академии общественных наук Китая, Центр исследований ШОС Шанхайской Академии общественных наук. Последняя из названных организаций на регулярной основе издает на китайском языке сборники материалов и документов о деятельности ШОС. Там же к 10-летию создания «Шанхайской пятерки» и 5-летию ШОС была издана первая в Китае научная монография о ШОС: Пань Гуан, Ху Цзянь. Первая в XXI веке организация регионального сотрудничества нового типа — комплексное исследование Шанхайской организации сотрудничества. Пекин, 2006. 230 с. — на кит. яз. Монографии по комплексным вопросам деятельности ШОС и современной политике КНР в Центральной Азии издали также известные китайские ученые Син Гуанчэн и Чжао Хуашэн. Среди работ по этой проблематике выделяется, на наш взгляд, комплексная монография «Китай, Россия и Америка в Центральной Азии: сотрудничество и конкуренция» (1991–2007) под редакцией Чжэн Юя (Пекин, 2007. 525 с. — на кит. яз.). Различные аспекты политики Китая в ШОС и в постсоветской Центральной Азии постоянно освещаются в таких журналах, как «Элосы Чжун Я Дун Оу яньцзю» (Исследования России, Центральной Азии и Восточной Европы), «Элосы Чжун Я Дун Оу шичан» (Рынок России, Центральной Азии и Восточной Европы).

В интересе Китая к деятельности ШОС определенную роль играет фактор престижа — ведь, как утверждают некоторые китайские политологи, Шанхайская организация сотрудничества имеет все основания получить статус «трижды первой»: это — первая организация регионального сотрудничества нового типа, созданная в XXI в., первая

международная организация, названная именем китайского города и, наконец, первая организация, где роль главного двигателя принадлежит Китаю⁹. Поэтому вполне естественно, что Пекин тщательно отслеживает соотношение ролевых функций различных многосторонних организаций в Центральной Азии, не забывая при случае подчеркнуть, что ведущая среди них — именно ШОС¹⁰.

И все же в первую очередь ШОС представляет для Китая практическую ценность, выступая в качестве важной сферы и достаточно действенного инструмента реализации его коренных национальных интересов.

Прежде всего речь идет об обеспечении традиционной безопасности страны на ее северо-западных рубежах. В отношениях с образовавшимися после распада СССР государствами Центральной Азии Пекин сумел сохранить и приумножить тот позитивный импульс, который был задан нормализацией китайско-советских отношений в мае 1989 г. К настоящему времени удалось окончательно решить вопрос о линии прохождения границы между КНР и Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, а также с Россией.

Итогом семилетних переговоров, начатых в ноябре 1989 г. еще с Советским Союзом, явилось заключенное 26 апреля 1996 г. в Шанхае Соглашение между Китаем, Россией, Казахстаном, Киргизстаном и Таджикистаном «Об укреплении мер доверия в военной области в районе границы». Его логическим продолжением стало Соглашение пяти стран «О взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы», подписанное 24 апреля 1997 г. На базе этих соглашений и с целью дальнейшего развития сотрудничества в сфере безопасности была сформирована «Шанхайская пятерка». Кроме того, вышеназванные соглашения дали толчок разработке в Китае «новой концепции безопасности», отстаивающей принцип равной и неделимой безопасности для всех государств мира, опирающейся не на силу, а на взаимное доверие. Они, по оценке политологов КНР, «явились починком в решении проблем межгосударственной безопасности и в создании новой модели региональной безопасности»¹¹.

Интересам безопасности Китая отвечает и поддержка им Договора о безъядерной зоне в Центральной Азии, подписанного в сентябре 2006 г. пятью центральноазиатскими республиками.

В целом с деятельностью ШОС в Китае связывают надежды на широкое распространение и укрепление принципов коллективной, комплексной и кооперативной безопасности.

Однако одновременно Китай жестко отстаивает принципы неблокового, открытого характера ШОС и ее ненаправленности против других стран. Весьма показательна в этом отношении оценка в КНР действий ШОС в период российско-грузинского вооруженного конфликта в августе 2008 г. Как известно, члены ШОС не пошли на признание вслед за Россией независимости Абхазии и Южной Осетии и выступили в Душанбинской декларации глав государств-членов ШОС от 28 августа 2008 г. за уважение принципа суверенитета и территориальной целостности государств, за решение всех спорных проблем путем мирных переговоров. При этом в декларации отсутствовали какие-либо антизападные заявления. В связи с этим в «Докладе о международном статусе Китая — 2009» подчеркивается, что «ШОС эффективно обошла опасность трансформации в военно-политический блок». Одновременно, подчеркивают в Пекине, в организации возник своего рода неписанный закон: коллективные действия организации не могут основываться на интересах какого-либо одного из ее членов, а индивидуальные действия одного из членов ШОС не представляют и не отражают коллективные действия всей организации¹². «Невозможность превращения ШОС в военный союз» была вновь подчеркнута китайскими экспертами в комментариях к антитеррористическим учениям «Мирная миссия—2010».

Чрезвычайно важная для Китая функция ШОС — это противодействие терроризму, экстремизму, сепаратизму и таким нетрадиционным угрозам безопасности, как

организованная преступность, незаконная торговля оружием, незаконный оборот наркотических средств.

Обретение собственной государственности народами Центральной Азии реанимировало надежды на получение такого же статуса среди части уйгуров — ведущего национального меньшинства из числа проживающих на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР. Непростая история взаимоотношений мусульман-уйгуров и ханьцев, влияние религиозной пропаганды радикального ислама, поддержка из-за рубежа, в том числе со стороны сил международного терроризма, привели в 1990-е гг. к существенной активизации уйгурского сепаратизма. Националистические элементы, насильственными методами добивавшиеся создания на территории СУАР независимого государства «Восточный Туркестан», стали представлять серьезную угрозу социально-политической стабильности на северо-западе страны и даже самой территориальной целостности Китая¹³.

Хотя сепаратистское движение в Синьцзяне в 1990-е гг. было подавлено, рецидив волнений с человеческими жертвами вновь имел здесь место летом 2009 г. Так что задача нейтрализации «трех сил зла» остается весьма актуальной для Пекина. Значительного внимания при этом требует не только ситуация в Синьцзяне, но и в республиках Центральной Азии — членах ШОС, где периодически заявляли о себе нелегальные антиправительственные организации радикально-исламистского толка (например, «Хизб-ут-Тахрир», «Исламское движение Узбекистана»). Кроме того, Пекин стремится обеспечить если не лояльное, то хотя бы нейтральное отношение к своей политике в СУАР довольно многочисленной уйгурской диаспоры центрально-азиатских республик. Поэтому Китай активно участвует в разработке и реализации всего комплекса антитеррористических мероприятий в рамках ШОС.

Страны ШОС — как Россия, так и государства Центральной Азии — играют незаменимую роль в обеспечении энергетической безопасности Китая. В конце текущего десятилетия импорт обеспечивает уже более половины потребления нефти в КНР, а растущие закупки сжиженного и природного газа принципиально важны для улучшения экологической ситуации и снижения доли угля в энергобалансе страны. В КНР была сформулирована концепция нефтяной безопасности, получившая название «трех третей». В соответствии с ней Китай должен импортировать треть нужной ему нефти из региона Ближнего Востока, треть — из других удаленных источников (Африка, Латинская Америка), а еще одну треть — сухопутным маршрутом, т.е. из России, государств Центральной Азии и, возможно, Каспийского региона¹⁴. Похоже, что эта стратегия обеспечения нефтяной безопасности реализуется Китаем последовательно и достаточно успешно.

Китай заинтересован и в динамичном экономическом развитии стран-членов ШОС, в активизации разностороннего торгово-экономического взаимодействия в формате организации. Это помогло бы создать благоприятную внешнюю среду для реализации развернутой в КНР с начала 2000-х гг. долгосрочной программы подъема отстающих западных территорий страны, включая Синьцзян-Уйгурский автономный район.

О стремлении Китая полнее использовать потенциал ШОС свидетельствуют новые предложения, оглашенные Ху Цзиньтао в выступлении на Ташкентском саммите 11 июня 2010 г. Речь идет о разработке в рамках ШОС юридического документа об обеспечении безопасности нефте- и газопроводов в регионе, о развитии сотрудничества в нересурсных областях, об углублении экономического сотрудничества со странами — наблюдателями и партнерами по диалогу. Ху Цзиньтао заявил о решении провести день ШОС на торгово-экономической ярмарке в Урумчи и призвал страны-члены активнее использовать выделенный Китаем для преодоления последствий мирового финансового кризиса кредит в 10 млрд долл.¹⁵

В целом в Китае выражают надежду, что ШОС в конечном счете выйдет на путь построения «гармоничного региона, характеризующегося прочным миром и совместным

процветанием»¹⁶ — то есть будет развиваться в соответствии с декларируемой в Пекине концепцией «создания гармоничного мира».

IV

Россия, имеющая в республиках Центральной Азии существенные политические и экономические интересы, рассматривает ШОС не только как «действенный инструмент обеспечения стабильности в регионе», но и «как эффективное средство сопряжения интересов государств-членов, включая Россию и Китай»¹⁷.

Российские эксперты достаточно активно анализируют интересы Китая в Центральной Азии, выделяя среди них в качестве главных получение доступа к сырьевым и топливно-энергетическим ресурсам региона, минимизацию угроз сепаратизма, экстремизма и терроризма, прежде всего применительно к Синьцзян-Уйгурскому автономному району КНР. «мягкое» противодействие потенциальному росту внерегионального, в первую очередь американского политического и военного присутствия у северо-западных границ КНР¹⁸. Некоторые шаги Пекина, например, предоставление странам-членам ШОС низкопроцентных экспортных кредитов, были даже расценены отдельными российскими экспертами как свидетельство геополитических амбиций КНР и ее претензий на место центрально-азиатского лидера¹⁹.

В Пекине, со своей стороны, порою сетуют на известную противоречивость политики России в отношении ШОС. Так, отмечается, что Москва, вроде бы стремящаяся к динамичному развитию организации, в то же время не хочет, чтобы деятельность ШОС вышла за пределы российского контроля. Применение в ШОС принципа консенсуса при принятии решений ведет к тому, что процесс развития регионального сотрудничества выстраивается в соответствии с позицией наиболее осторожных государств-членов. Столь же противоречив, считают некоторые китайские эксперты, и подход России к экономическому сотрудничеству в ШОС. На словах Москва постоянно выступала за первоочередную реализацию конкретных многосторонних проектов сотрудничества, а не за разработку и внедрение институциональных механизмов взаимодействия. На деле же конкретные предложения России, такие как создание Университета ШОС, Фонда гуманитарного сотрудничества, Энергетического клуба, единого информационного пространства и т.п. — тяготеют как раз к институциональному строительству. В то же время «инициативы России в конкретные проекты оказались близки к нулю»²⁰.

Таблица 1.

Торговля России и Китая с государствами Центральной Азии — членами ШОС в 2008 г. (млн долл.)

	Россия			Китай		
	оборот	экспорт	импорт	оборот	экспорт	импорт
Казахстан	19 678	13 299	6 379	17 550	9 819	7 731
Киргизия	1 799	1 308	491	9 333	9 212	121
Таджикистан	1 007	794	213	1 500	1 480	20
Узбекистан	3 338	2 038	1 300	1 607	1 278	329

Источники: *Haiguan Tongji* [Таможенная статистика]. Пекин, 2008. № 12. С. 3; <http://www.rusimpex.ru>

На практике в последние годы достаточно явно проявилась тенденция усиления позиций Китая в центрально-азиатских государствах-членах ШОС. Так, в 2006 г. суммарный объем торговли России с Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Узбекистаном составил 16,4 млрд долл., тогда как объем торговли Китая с этими государствами — 11,9 млрд долл. (соотношение двух показателей 1,38:1). В 2008 г. торговля с данной группой стран выросла до 25,8 млрд долл. у России и до 30 млрд долл. у Китая, а со-

отношение двух показателей упало до 0,86:1 (см. таблицу 1). Правда, отчасти это объяснялось беспрецедентным объемом китайской помощи Киргизии.

Мировой экономической кризис привел к сокращению объемов торговли и России, и Китая с центрально-азиатскими государствами ШОС, но у России — в большей степени. В результате по итогам 2009 г. соответствующие объемы составили 17,4 и 22,6 млрд долл., соотношение между ними снизилось до 0,77:1 (см. таблицу 2).

Таблица 2.

Торговля России и Китая с государствами Центральной Азии — членами ШОС в 2009 г. (млн долл.)

	Россия			Китай		
	оборот	экспорт	импорт	оборот	экспорт	импорт
Казахстан	12 831	9 146	3 685	14 004	7 748	6 256
Киргизия	1 282	915	367	5 276	5 227,5	48,5
Таджикистан	786	573	213	1 402,5	1 217,5	185
Узбекистан	2 539	1 696	843	1 910	1 560,5	349,5

Источники: *Haiguan Tongji [Таможенная статистика]*. Пекин, 2009. № 12. С. 3; <http://www.rusimpex.ru>

Следует упомянуть и о пуске в строй в декабре 2009 г. первой очереди газопровода Туркменистан—Китай, прошедшего через территории центрально-азиатских членов ШОС.

Вместе с тем, на наш взгляд, несмотря на объективное наличие у Китая и России собственных, не во всем совпадающих интересов в постсоветских государствах Центральной Азии, нет серьезных оснований говорить об остром соперничестве двух держав в данном географическом арсале как об активно идущем или неизбежном процессе.

Последовательная реализация курса на сотрудничество, а не на соперничество России и Китая в ШОС послужила бы залогом здорового развития и повышения эффективности данной Организации.

V

Всестороннее выявление и реализация потенциала ШОС сдерживаются целым рядом факторов.

Серьезным ограничителем являются непростые двусторонние отношения между практически всеми постсоветскими государствами Центральной Азии и периодически обостряющиеся в регионе межэтнические трения. Хотя членство в ШОС способствует улучшению таких отношений, однако этот процесс идет небыстро, что еще раз подтвердили столкновения киргизского и узбекского населения в Ошской области Киргизии в июне 2010 г.

Расширение сотрудничества в рамках ШОС сдерживается также невысоким уровнем экономического развития ряда его членов, по причине финансовых трудностей возражающих даже против увеличения весьма скромного бюджета организации²¹.

При этом в рамках ШОС — в дополнение к таким базовым структурам, как Советы глав государств, правительств, министров иностранных дел, национальных координаторов — возникло значительное количество специализированных совещательно-переговорных механизмов. Это совещания секретарей советов безопасности, генеральных прокуроров, министров обороны, министров по чрезвычайным ситуациям и т.п. Разумеется, диверсификация форм сотрудничества в формате ШОС предполагает нечто подобное,

однако есть, на наш взгляд, определенная опасность подменить умножением чиновно-бюрократических структур реальную интенсификацию многостороннего взаимодействия.

Приоритетное значение преодоления внутренних слабостей для укрепления ШОС отметил и председатель КНР Ху Цзиньтао в беседе с президентом России Д. Медведевым, приуроченной к саммиту глав государств ШОС в Ташкенте (10–11 июня 2010 г.). По его словам, требуется «непрерывное углубление солидарности и взаимного доверия» стран-членов ШОС в целях «создания прочной политической основы для стабильного и здорового развития организации, повышения уровня регионального сотрудничества»²².

Внерегиональные силы, и прежде всего США, прямого противодействия деятельности ШОС не оказывают, но взаимная настороженность ШОС и США пока не преодолена.

Вопрос о дальнейшем расширении ШОС после одобрения в июне 2010 г. Положения о порядке приема новых членов поставлен в практическую плоскость. Хотя существует соблазн усилить геополитический вес ШОС путем приема новых стран-членов, однако он пока перевешивается пониманием необходимости сконцентрировать усилия Организации на своей консолидации. Кроме того, очевидно, что новые члены могут принести в ШОС значительный дополнительный груз собственных проблем.

С позиций сегодняшнего дня в среднесрочной перспективе возможно несколько сценариев развития ШОС.

Наиболее вероятный из них — сохранение ШОС в нынешнем составе и с нынешними функциями, когда приоритет отдается обеспечению безопасности, а многостороннее экономическое сотрудничество развивается довольно медленно. Видимо, на оптимизацию этого сценария и будут направлены основные усилия ШОС в ближайшие годы.

Экономический кризис затруднил переход ШОС к модели интенсивного многостороннего сотрудничества. Тем не менее, этот сценарий также возможен в случае достаточно быстрой нормализации обстановки в Киргизии и сохранения политической стабильности в других странах-членах организации в условиях неизбежной в обозримой перспективе передачи властных полномочий новым лидерам.

Сценарии, связанные с расширением ШОС в ближайшие годы, чреватые усилением формально-ритуальных аспектов в деятельности организации в ущерб практическому углублению сотрудничества. Вместе с тем, стремление повысить международный статус делает довольно скорое расширение организации достаточно вероятным. Показательно в этом отношении заявление президента РФ Д. Медведева в интервью российским журналистам по итогам саммита ШОС в Ташкенте: «Считаю, что приход ряда крупных стран в целом отвечал бы интересам Шанхайской организации сотрудничества и укреплял бы ее авторитет»²³.

Наконец, формально нельзя исключить и сценария частичной редукции ШОС, то есть выхода из ее состава кого-либо из нынешних членов. Представляется, однако, что костяк ШОС сохранится при любых обстоятельствах, да и сам этот сценарий маловероятен.

В целом же на обозримую перспективу совершенствование взаимодействия России и Китая в рамках ШОС останется одним из важнейших факторов укрепления и повышения эффективности деятельности этой организации, а также неотъемлемой составной частью углубления российско-китайского стратегического партнерства.

Кроме того, полноформатное стабильное участие в работе ШОС позволяет Пекину «существенно снижать степень озабоченности соседних государств относительно стратегии Китая»²⁴, на практике закреплять свой статус как ответственной глобальной державы.

1. См.: Основные документы и материалы по Шанхайской организации сотрудничества: Экспресс-информация. М.: ИДВ РАН, 2005. 86 с. В сборнике представлены, в частности, Декларация

- ция о создании ШОС, Хартия ШОС, Соглашение между государствами-членами ШОС о региональной антитеррористической структуре, Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом и т.п. Документы ШОС на русском языке представлены на веб-сайте Секретариата ШОС www.sectsc.org.
2. См.: Шанхайская организация сотрудничества и ситуация в Центральной Азии (в освещении научной печати КНР): Экспресс-информация. М.: ИДВ РАН, 2005. 92 с.
 3. Эксклюзивное интервью постоянного представителя Российской Федерации при секретариате ШОС. — http://www.interfax.ru/r/B/exclusive/260.html?menu=8&id_issue=11663518.
 4. Проблемы Дальнего Востока. 2006. № 4. С. 9.
 5. Интервью Д. Джуманбасова Агентству Синьхуа. — Синьхуа, 08.06.2010.
 6. Чжэн Юй (чжу бянь). Чжун Э Мэй цзай Чжун Я: хэцзо юй цзинчжэн (1991–2007). Бэйцзин, 2007. С. 396 [Сотрудничество и конкуренция: Китай, Россия и США в Центральной Азии].
 7. Климченко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М., 2009. С. 307–308.
 8. Там же. С. 16.
 9. *Пань Гуан, Ху Цзянь*. 21 шицзи дэ дингэ синьсин шюйюй хэцзо цзучжи — Дуй Шанхай хэцзо цзучжи дэ цзунхэ яньцзо. Бэйцзин, 2006 [Первая в XXI веке организация регионального сотрудничества нового типа. Комплексное исследование Шанхайской организации сотрудничества]. Введение. С. 1.
 10. В Китае предпочитают озвучивать такого рода оценки через третьих лиц. В данном случае заявление о том, что «ШОС стала ведущей региональной международной организацией на пространстве Евразии», сделал генеральный секретарь Организации М. Иманалиев в интервью агентству Синьхуа, причем со ссылкой на мнение генсека ООН Пан Ги Муна (Синьхуа, 08.06.2010).
 11. *Zheng Yu*. Цит. соч. С. 377.
 12. 2009 Чжунго гоцзи дивэй баогао [Доклад о международном статусе Китая 2009]. Бэйцзин, 2009. С. 278–279.
 13. Подробнее см.: *Бондаренко А.В.* Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР в начале XXI века. М., 2010.
 14. Цюаньцю нэньюань шицзюй [Структура глобальной энергетики]. Бэйцзин, 2005. С. 348.
 15. http://paper.people.com.cn/rmrb/html/2010-06/12/nw/d110000renmrb_20100612_1-02.htm?div=-1.
 16. Сообщение Агентства Синьхуа о визите председателя КНР Ху Цзиньтао в Узбекистан и Казахстан от 05.06.2010.
 17. Обзор внешней политики Российской Федерации. — <http://www.mid.ru>. 2007. 27 марта.
 18. См.: *Ларин А.Г.* Россия, Китай и США: перспективы сотрудничества в Центральной Азии // Россия и Китай в Шанхайской организации сотрудничества». М., 2006. С. 38.
 19. *Сыроежкин К.Л.* Китай и Шанхайская организация сотрудничества // Китай в XXI веке: глобализация интересов безопасности. М., 2007. С. 287.
 20. Элосы юй Шанхай хэцзо цзучжи. — Пуцзин ба нянь: Элосы фусин чжи лу (2000–2008) Вайцзяо цзюань. Бэйцзин 2008. С. 363–368. [Россия и ШОС — в кн. Восемь лет Путина. Путь России к возрождению (2000–2008)]. Т. Внешняя политика.
 21. Например, в 2005 г. бюджет ШОС составлял 3,8 млн долл. Взносы в бюджет ШОС распределяются в таких пропорциях: Китай и Россия — по 24%, Казахстан — 21%, Узбекистан — 15%, Кыргызстан — 10%, Таджикистан — 6%. (ШОС набирает очки: Интервью генерального секретаря ШОС Болата Нургалиева // Рос. газ. Спецвып. «Китай». 2007. 26 марта. С. А-7). Бюджет РАТС, по некоторым сведениям, составлял в 2005 г. 1 млн долл.
 22. http://paper.people.com.cn/rmrb/2010-06/11/nw.d110000renmrb_20100611_2-01.htm?div=-1.
 23. <http://news.kremlin.ru/news/8021>.
 24. Чжунго дуйвай гуаньси чжуаньсин 30 нянь (1978–2008) (30 лет трансформации внешних связей Китая / Отв. ред. Ван Ичжоу). Бэйцзин, 2008. С. 48. — на кит. яз.

Экономика

О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества

© 2010

*В. Кулешов, Н. Атанов, Л. Безруков,
А. Коржубаев, В. Малов, Б. Санеев, Н. Сысоева*

Материал содержит анализ коллективом авторов Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири РФ и Северо-Востока КНР на период 2009–2018 гг., одобренной президентом РФ Д. Медведевым и председателем КНР Ху Цзиньтао 23 сентября 2009 г. Оценивая отдельные позиции Программы, предусматривающей двустороннее сотрудничество по более чем 200 экономическим проектам, авторы призывают повысить ее социально-экономическую эффективность для населения восточных регионов России.

Ключевые слова: сырьевой экспорт России, привлечение китайских инвестиций, баланс интересов РФ и КНР, демографический потенциал граничащих регионов, китайская «стратегия восьми дорог».

Быстрое экономическое развитие Китая и значительный масштаб его экономики следует использовать как одну из возможностей стимулирования экономического развития России, особенно Сибири и Дальнего Востока.

Геополитика и экономика в сотрудничестве РФ с КНР

Условия и механизмы сотрудничества России с Китаем следует рассматривать и определять, исходя из своих геополитических целей и экономических интересов при безусловном обеспечении национальной безопасности. Важнейшие условия сотрудничества — обеспечение доступа российских компаний к инвестиционным ресурсам Китая,

Кулешов Валерий Владимирович, академик, директор Института экономики и организации промышленного производства (ИЭОПП) СО РАН;

Атанов Николай Иванович, доктор экономических наук, зав. отделом Бурятского научно-го центра СО РАН;

Безруков Леонид Алексеевич, доктор географических наук, зав. лабораторией Института географии СО РАН;

Коржубаев Андрей Геннадьевич, доктор экономических наук, зав. отделом ИЭОПП СО РАН;

Малов Владимир Юрьевич, доктор экономических наук, зав. отделом ИЭОПП СО РАН;

Санеев Борис Григорьевич, доктор технических наук, зам. директора Института систем энергетики им. Л.А. Мелентьева СО РАН;

Сысоева Наталья Михайловна, доктор географических наук, зав. отделом Иркутского научного центра СО РАН. E-mail: KorzhubaevAG@yandex.ru

взаимное инвестирование, организация адекватного вхождения российских бизнес-структур в потенциально крупнейший в мире китайский рынок при привлечении китайских инвестиций в перспективные проекты на территории РФ, что потребует принятия на уровне Президента и Правительства РФ, Федерального Собрания РФ, крупнейших компаний ряда принципиальных решений по комплексному обоснованию конкретных проектов, прежде всего на предмет их соответствия долгосрочным интересам Российской Федерации, обеспечения ее национальной безопасности.

Национальная безопасность РФ должна быть обеспечена прежде всего в части:

- территориальной целостности (углубление интеграции российских регионов);
- социально-экономического развития Сибири и Дальнего Востока (повышение уровня и качества жизни населения);
- технологической безопасности (недопущение несанкционированного вывоза российских передовых технологий);
- экологической надежности инфраструктурных систем (снижение уровня техногенных рисков);
- кадровой безопасности предприятий на территории РФ (привлечение российского — в первую очередь, местного персонала);
- экономической безопасности (обеспечение налоговых и таможенных поступлений в бюджеты РФ, развитие экономики регионов РФ, коммерческой эффективности бизнеса российских компаний).

При обеспечении эффективного для РФ сотрудничества с Китаем в сферах инвестиций, технологий и инноваций, организации совместных производств на территориях обеих стран акценты при привлечении китайских капиталов должны ставиться не на наращивании экспорта сырья любой ценой, а на развитии систем глубокой переработки, увеличении доли поставок на внутренний и международные рынки продукции с высокой добавленной стоимостью, на формирование глобальной, контролируемой российским государством и бизнесом системы ресурсо- и товарообеспечения, технологически диверсифицированной и коммерчески эффективной системы экспорта. При вывозе сырья необходимо заключать связанные договоры, предполагающие обеспечение доступа российских компаний к объектам транспортировки, переработки и сбыта на территории Китая.

Проблемы «перегрева» в экономической стратегии КНР

Быстрый экономический рост в Китае в последние годы обеспечивается высоким уровнем инвестиций — свыше 50% ВВП (для сравнения в России 18–20% ВВП), которые стимулируются низкими налогами и дешевыми доступными кредитами. Кроме того, в условиях относительного насыщения высококонкурентных экспортных рынков, определенного сжатия в связи с финансово-экономическим кризисом внешнего спроса, в стране проводится политика стимулирования внутреннего спроса за счет льготного кредитования и субсидирования. Важный фактор расширения инвестиций, производства и спроса — «мягкая» денежная политика. Например, в период рецессии, усиленной нехваткой ликвидности (денег в обращении) в 1990-е гг. в России денежная масса составляла менее 1/6 от ВВП, сейчас примерно 1/3, в Китае же денежная масса превышает ВВП.

Высокие темпы экономического роста вызывают беспокойство у руководства КНР: экономика давно «перегрета»; идет процесс затоваривания на складах, рынках, в магазинах; промышленное производство возрастает в основном за счет экологически опасных и энергоемких отраслей (директивы 11-й пятилетки в этом отношении не выполнены).

По-прежнему низкий средний культурно-образовательный уровень населения и особенно вновь вовлекаемой в индустриальную сферу сельскохозяйственной рабочей силы все больше сдерживает возможности развития высокотехнологичных отраслей. И при этом, повсеместно — массовая избыточная занятость. Серьезной проблемой остается

ся бедность значительной части населения. Для обеспечения долгосрочной стабильности планируется "охладить" экономический рост и изменить его структуру в направлении повышения доли наукоемких, энергоэффективных, экологически чистых отраслей.

Многие в Китае понимают, что есть пределы роста (и ограничения — технологические, ресурсные, территориальные и др.), как это уже было в истории других стран, и одна из возможностей обеспечения долгосрочного устойчивого развития — внешняя экспансия. Естественно, что России необходимо обеспечить эффективное регулирование процессов вовлечения китайского бизнеса (инвестиций) и рабочей силы в развитие экономики. Причем, в этом плане, у нас ситуация гораздо благоприятней, чем у Европы — с массовой миграцией из Африки и Ближнего Востока.

При всех вышеназванных проблемах Китай достаточно эффективно преодолел влияние мирового финансово-экономического кризиса на свою экономику, оставаясь крупным растущим рынком и располагая большими финансовыми ресурсами. Только в 2009 г. он предоставил межгосударственные кредиты России, Казахстану, Бразилии, Венесуэле и др. на сумму свыше 60 млрд долл., причем самый большой (25 млрд) — России.

В условиях кризиса именно рынок Китая с сохранившимся высоким спросом на сырье и полуфабрикаты поддержал загрузку мощностей экспортных производств восточной части России. В 2009 г. он выдвинулся на 2-е место среди внешнеторговых партнеров России.

Китайские компании готовы работать в ресурсопроизводящих странах на любых условиях, допускающих их к источникам сырья: торговые сделки (импортные операции), участие в капитале сырьевых компаний, получение концессий, сервисные контракты, подрядные работы и др. Наиболее предпочтительный для них вариант — прямой доступ к сырьевым активам (ресурсам и запасам металлов, углеводородов; объектам инфраструктуры) через получение лицензий на геологическое изучение, разведку и добычу сырья, участие в капитале компаний и др.

Китайские компании заинтересованы в организации импорта российской продукции, необходимой для китайской экономики — нефти и нефтепродуктов (в основном мазутов), древесины, черных и цветных металлов (в том числе в виде вторсырья для последующей переплавки), биопрепаратов, промышленных и медицинских лазеров и др.

Технологические потенциалы в двустороннем сотрудничестве

В части вооружений и военной техники, космических технологий Россия пока еще значительно превосходит Китай. Средний технологический уровень российской промышленности, включая производительность труда, технику безопасности, экологические условия, существенно превышает китайские показатели.

В сфере НИОКР Китай также пока сильно отстает от России. Вместе с тем, следует признать, что научно-технологический разрыв сокращается, а по некоторым позициям, в том числе в машиностроении и станкостроении, Китай нас уже обогнал.

Создание современных образцов гражданской авиационной техники — приоритетная политическая, экономическая, технологическая задача для Китая. Работа над этим ведется многие годы, уже отработано большое количество технологий, особенно советских, полученных в основном по украинским каналам. Интерес для Китая в этой сфере — купить все, что осталось в России, создать у себя и выходить на рынок.

В условиях сохраняющегося технологического отставания Китая от западных стран и России, ограничений со стороны США, Японии и ЕС на трансферт передовых технологий, а также высокого уровня деловой активности в КНР и определенного «перегрева» ее экономики, китайские компании стремятся:

– вести мониторинг передовых российских научно-технических разработок для их последующей адаптации под потребности китайской экономики (в том числе посредством промышленного шпионажа);

– устанавливать прямые контакты с российскими организациями и учеными для организации научно-технического обмена, получения доступа к приоритетным для Китая российским разработкам (ядерные технологии, геология и технология редкоземельных элементов, нефтепереработка и нефтехимия и др.) в рамках финансируемых государством программ;

– организовать поставки на российский рынок своей продукции (от лекарственных препаратов на основе женьшеня до современных стройматериалов и нефтегазового оборудования);

– организовать выпуск продукции по российской технологии, в том числе из российских комплектующих и технологических компонентов для поставок на китайский рынок и рынки третьих стран (новых материалов, лазеров, катализаторов и др.);

– получить возможность производства продукции и услуг по российской технологии (как и по технологиям стран СНГ — Украины, Белоруссии и др.) под своей маркой на условиях легального приобретения патента либо на основе частных (не всегда легитимных) контактов с конкретными специалистами.

Основные позиции Программы сотрудничества

Совместные проекты на территории России, как и Китая, связаны преимущественно с развитием транспортной инфраструктуры — 45 и 55 соответственно. При этом большинство их направлено на организацию вывоза российского сырья в КНР.

Программа асимметрична с точки зрения отраслевой структуры и технологического уровня. Большинство производственных проектов в России относится к освоению минерально-сырьевых ресурсов (27 проектов), лесопереработке (22), легкой и пищевой промышленности (13), производству стройматериалов (14). А на территории Китая большинство проектов относится к высокотехнологичным отраслям — химической промышленности (17), машино- и приборостроению (18), обрабатывающим производствам (41).

К крупнейшей на территории России относятся проекты в горнодобывающей промышленности — освоение Быстринской группы полиметаллических месторождений и формирование Удоканского территориально-производственного комплекса. Реализация части проектов по добыче полезных ископаемых планируется в комплексе со строительством обогатительных и перерабатывающих производств на территории РФ.

В программе прописано стремление обеих стран развивать сотрудничество в сфере трудовой миграции. Китай готов строить перерабатывающие производства на российской территории — если на них будет задействована китайская рабочая сила. Сможет ли российская сторона направить свою рабочую силу на реализацию проектов на китайской территории — большой вопрос.

В Программе (сознательно или по другим причинам) мало внимания уделено сотрудничеству в энергетике, однако именно в этой сфере уже есть признаки прогресса.

Энергетическое сотрудничество — в русле новых договоренностей на высшем уровне

По ходу китайского визита президента РФ Д. Медведева в конце сентября 2010 г. был достигнут ряд соглашений по энергетике. Новейшие нефтегазовые договоренности — результат переговоров и решений, проводившихся на протяжении нескольких лет. То, что было решено, уже начало выполняться. В начале сентября председатель правительства России В. Путин принял участие в открытии российского участка нефтепровода Сковородино-Дацин, а в декабре были начаты поставки нефти в направлении Китая. В течение 20 лет планируется поставить 300 млн т, одновременно достигнуты договоренности «Роснефти» и CNPC о совместном строительстве НПЗ в Тяньцзине и развитии сети АЗС в Северо-Восточном Китае. Однако от участия в строительстве НПЗ с блоком нефтехимии в Приморском крае китайские партнеры пока отказываются.

В отношении экспорта газа утверждены объемы, сроки и период наращивания поставок, уровень поставок на условиях «бери или плати» и уровень гарантированных платежей. Важно, что документ носит юридически обязывающий характер. Все эти соглашения — результат постоянных консультаций «Газпрома» и CNPC. Остается согласовать окончательный уровень цен. Результаты переговоров отражают нормальный экономический процесс, который предполагает дальнейшее согласование позиций, разработку планов и их реализацию.

В части поставок газа необходимо предусмотреть возможность участия «Газпрома» в развитии и эксплуатации системы газопроводов в Китае, в том числе в газификации населенных пунктов и промышленных предприятий, строительстве ПХГ, а в дальнейшем — в реализации газа на китайском рынке. При формировании поставок газа из Восточной Сибири (включая Республику Саха) следует организовать его переработку с выделением гомологов метана и гелия на российской территории, что предполагает строительство ГПЗ, НГХК, гелиевых заводов и подземных хранилищ гелия.

Приоритетные научно-производственные сферы

Важнейшее направление инновационного развития экономики России — развитие НИОКР, реализация их на территории страны, поставки на экспорт высокотехнологичной продукции. Китай — потенциально крупнейший рынок российской продукции глубокой переработки и технологий. Анализ ситуации указывает на следующие приоритетные области научно-производственного сотрудничества:

- новые материалы, в том числе стройматериалы (производство их на основе промышленных и сельскохозяйственных отходов с использованием высокоэффективных связывающих материалов), а также нетрадиционные виды минерального сырья (диопсид, волластонит и др.);
- производство моторных топлив (особенно из нетрадиционных источников — угля, природного газа, битума);
- геология и химия редкоземельных элементов;
- каталитические процессы;
- промышленные и медицинские лазеры;
- энергетика, в том числе теплоэнергетика и горячее водоснабжение, на основе эффективного использования угольного топлива;
- возобновляемые и неисчерпаемые источники энергии (ветровая, солнечная и др.);
- софтовые технологии — в частности, разработка обучающих программ, развивающих игр, адаптации современных систем к китайской иероглифической основе и др.;
- оптика;
- силовая электроника;
- организация производства углеродного волокна;
- геологоразведочные работы, добыча и поставки нефти и газа.

В 1953–1956 гг. Советский Союз построил первый в Китае (г. Чанчунь) завод грузовых автомобилей. Сейчас именно эта промышленная группа планирует развивать производство тяжелых грузовиков в России. При реализации проекта необходимо обеспечить максимальную долю локализации всех предполагаемых к сборке моделей. Вызывает сомнение намерение китайского партнера организовать сбыт части продукции на рынке КНР (в лучшем случае можно говорить о совместном выходе на рынки третьих стран: Монголии, Индонезии, Венесуэлы). ГАЗ много лет вел переговоры с западными и японскими концернами, пока значительных результатов от сотрудничества мы не видим. Будем надеяться, что с Китаем нам повезет больше — подобно тому, как Китаю повезло с российскими грузовиками в 1953 г.

Стоит отметить, что из проектов Программы, реализуемых на территории России, лишь немногие (да и то — с определенной натяжкой) могут быть отнесены к при-

оритетным областям научно-производственного сотрудничества, тогда как большинство проектов на территории Китая относится именно к приоритетным областям.

Китайский инновационный сектор интересен нам, прежде всего, успехами в биотехнологиях, информационных технологиях, в медицине и фармацевтической продукции.

Одной из площадок для медико-фармацевтического сотрудничества является Республика Бурятия, где Центр восточной медицины и медицинский факультет БГУ уже имеют устойчивые связи с коллегами из Монголии и из Внутренней Монголии Китая. Проект создания международного медико-фармацевтического научно-образовательного центра интересен еще и тем, что на его площадке можно гармонизировать технологии восточной и западной медицины.

Для агропищевого сектора Сибири и Дальнего Востока, с их дисперсным расселением сельского населения, особенно важны малые и сверхмалые технологические комплексы для сельхозработ и для переработки продукции.

Практический интерес представляет для обеих сторон кремниевая тематика. На российской стороне в Программу включен лишь проект «НИТОЛа» по производству мультикремния в г. Усолье-Сибирское (Иркутская обл.). Несомненно, следовало бы расширить географию размещения инновационных проектов по солнечной энергетике.

Механизмы реализации Программы сотрудничества

Успешность сотрудничества предполагает прежде всего соблюдение баланса в интересах, полномочиях и ответственности каждой из сторон по реализации Программы, однако механизмы в Программу не включены. Их разработка является, на наш взгляд, первоочередной и должна исходить из конкретных интересов сторон.

В связи с этим институциональную сторону сотрудничества рабочая группа предлагает сгруппировать в четыре основных блока.

Первый блок: условия для инвестирования, включающие гармонизацию правовых и нормативных актов сторон, а также формы участия государственного капитала в проектах, виды государственных преференций.

Второй: условия привлечения китайской рабочей силы и защиты интересов наших соотечественников, работающих над проектами в Китае; сложность разработки этих правил обусловлена разностью демографических потенциалов приграничных территорий двух стран, различиями в уровне производительности и оплаты труда, что делает китайскую рабочую силу более конкурентоспособной (для местного населения приграничных областей РФ это — наиболее болезненная проблема, поскольку примеры обустройства китайских диаспор в странах тихоокеанского региона показывают их способность быстро брать под контроль значительную часть местных предпринимательских и финансовых процессов).

Третий: условия использования новых технологий как на российской, так и на китайской территориях.

Четвертый: условия реализации совместно произведенной продукции на рынках РФ, КНР и в третьих странах, а также порядок вывоза полученных прибыли (наша страна не входит в ВТО, и Китай проводит достаточно жесткую политику в отношении импорта российских товаров — например, продовольственных и продукции лесопереработки, доступ которых на китайские рынки практически закрыт).

Роль «монгольского фактора»

Несмотря на то, что в Программе российско-китайского сотрудничества на период до 2018 г., Монголия напрямую не задействована, однако монгольскому направлению в российско-китайских отношениях суждена важная роль.

Более 2/3 иностранных инвестиций в Монголии приходятся на Китай. С одной стороны, монгольский рынок является ареной жесткой конкурентной борьбы между рос-

сийским и китайским бизнесом, а с другой — Монголия сама является потенциальным конкурентом России на китайском рынке по минерально-сырьевым ресурсам. Китайское правительство сформировало свою экономическую политику в отношении Монголии в так называемой «Стратегии восьми дорог», предполагающей прокладку автомобильных и железных дорог от монгольских месторождений минерального сырья к центрам переработки и потребления в Китае.

В этих условиях необходимо актуализировать вопрос о подготовке и принятии Российско-монгольской программы сотрудничества на 10–15 лет, имея в виду, что действующая программа торгово-экономического сотрудничества рассчитана на 2006–2010 гг.

Первые шаги в реализации Программы

В соответствии с планами реализации Программы сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири и Северо-Востока Китайской Народной Республики Экспертным Советом по региональной инвестиционной политике при Министерстве регионального развития Российской Федерации были одобрены 12 первоочередных проектов, которые будут реализованы на территории Востока России. Проекты были представлены в сентябре 2010 года на Международной конференции «Россия и Китай: развитие партнерства. Новые возможности» в рамках IV Байкальского экономического форума, в которой приняли участие руководители и специалисты Министерства регионального развития России и Государственного комитета Китайской Народной Республики по развитию и реформам.

Проекты предусматривают создание: индустриального кластера высокотехнологичных материалов и завода по производству бутилированной байкальской воды в Иркутской области, комплекса переработки бурых углей примагаданских месторождений в Магаданской области, газохимического кластера в Республике Саха, деревообрабатывающего производства в Сахалинской области, промышленной зоны в поселке Могоутуй в Забайкальском крае, горно-металлургических кластеров в Еврейской автономной области и Амурской области, туристических и рекреационных зон («Северный мир» в Республике Саха: Байкальская гавань в Республике Бурятия). А также комплексное развитие территорий Большого Уссурийского острова в Хабаровском крае и развитие энергетической инфраструктуры (Ерковецкая ТЭЦ в Амурской области).

Выводы и рекомендации

1. Обеспечение экономически эффективного сотрудничества в сфере инвестиций, технологий и инноваций, организация совместных производств на российской и китайской территориях, привлечение китайских инвестиций в экономику нашей страны — важные условия устойчивого социально-экономического развития Востока России.

2. В современных условиях неизбежно, что на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока будет развиваться прежде всего промышленность, основанная на использовании природных ресурсов вне зависимости от источников инвестирования (российских либо иностранных).

3. Возможно быстрое привлечение всех видов китайских (прямых, портфельных, кредитных) инвестиций в проекты минерально-сырьевого комплекса, но участие в сырьевых проектах целесообразно увязывать с пакетами инвестиционных проектов в глубокую переработку сырья на территории РФ.

4. Основная проблема привлечения китайских инвестиций в инновационную сферу в России — неполная конвертируемость юаня по счетам капитальных операций. Отличительной особенностью китайского инновационного бизнеса является использование (копирование и усовершенствование) технологий производства других стран. При налаживании сотрудничества необходимо обеспечивать поддержку отечественных про-

изводителей в области патентного права (особенно, в отношении инновационных российских технологий).

5. Реализацию Программы следует увязать с уточнением перечня ключевых проектов на основе определения их социально-экономической эффективности для России и всестороннего учета стратегических ориентиров развития восточных регионов страны. По их значимости и экономической эффективности все проекты на территории Дальнего Востока и Восточной Сибири нужно сгруппировать на стратегические, первоочередные и второстепенные.

При уточнении Программы необходимо:

- по каждому проекту определить перечень выпускаемой конечной продукции;
- обосновать кооперационные связи и размещение производств с учетом комплексного использования сырья;
- определить рынки сбыта;
- определить объем инвестиций, инвесторов и поставщиков оборудования и материалов для строящихся предприятий на территориях России и Китая;
- определить социально-экономический эффект проектов для обеих сторон.

6. Включенные в Программу сотрудничества проекты должны найти отражение в Стратегиях и Программах социально-экономического развития Дальнего Востока и Восточной Сибири, поскольку на сегодняшний день некоторые из этих проектов не рассматриваются в региональных стратегиях и программах.

7. Выбор приоритетов следует осуществлять в контексте с монгольским направлением российско-китайского сотрудничества, поскольку Монголия представляет собой рынок конкурентных противостояний между российским и китайским бизнесом, а китайский рынок — между монгольским и российским бизнесом, особенно в продукции горнорудной промышленности. Инструментом поддержания баланса интересов может стать разработка российско-монгольской Программы торгово-экономического, научно-технического и гуманитарного сотрудничества на 2011–2020 гг. и на период до 2025 г.

8. В политике кадрового обеспечения реализации Программы должен быть использован принцип паритетности: на российской стороне — в привлечении работников рабочих профессий, а на китайской — инженерно-технических работников.

9. Роль РАН могла бы заключаться в мониторинге, в научном сопровождении корректировки и реализации Программы при координации действий с Министерством регионального развития, с аппаратом Полномочного представителя Президента РФ в Сибирском федеральном округе и с бизнесом.

Позиция СО РАН заключается в необходимости расширения программы в отраслевом (энергетика, автомобилестроение) и региональном (Западная Сибирь, Урал, Западные районы КНР) плане, но с упором на развитие именно сопредельных регионов, ареал которых следует расширить.

В заключение хотелось бы подчеркнуть: развивая отношения с Китаем, нужно учитывать, что в любом деле, особенно во внешней политике, в этой стране принято "двигаться, вперед, закрепляя за собой позиции" (*bubu weiying*). Любая уступка в Азии расценивается не как решение проблемы, а как проявление слабости, за которой последует требование новой уступки. Открывая "двери" в Азию, необходимо знать и учитывать особенности азиатского менталитета.

Фондовый рынок КНР на современном этапе: система регулирования

© 2010

А. Белова

В статье содержится описание регулирующей системы фондового рынка Китая. Проанализированы основные юридические документы, образующие законодательную основу рынка ценных бумаг. Охарактеризованы органы, участвующие в регулировании рынка, и ситуация на фондовом рынке КНР в период кризиса.
Ключевые слова: Китай, рынок ценных бумаг, фондовые биржи, регулирование рынка, законодательная система.

Надежды мирового сообщества на преодоление кризиса в значительной мере связаны с азиатскими рынками, при этом Китаю уделяется особое внимание. Так, на фоне общего упадка деловой активности его экономический рост в кризисный 2009 г. составил 8,7%¹.

Падение китайского фондового рынка в первый год кризиса было одним из крупнейших в мире, что не могло не сказаться на китайской экономике. Однако последовавший за этим подъем повлиял и на укрепление позиций китайских компаний, и на состояние мирового рынка, оживление которого последовало за ростом китайских биржевых индексов. Уже во втором полугодии 2009 г. объем сделок на Шанхайской фондовой бирже увеличился вдвое против аналогичного периода 2008 г. Наряду с увеличением объемов сделок и повышением индексов Шанхайский фондовый рынок занял в 2009 г. пятое место среди бирж мира по рыночной стоимости акций, которая на конец апреля 2009 г. превысила 13 трлн юаней, а по общему объему сделок с акциями (9,13 трлн юаней) оказалась третьим в мире². Китайский фондовый рынок уже оказывает влияние на мировые индексы.

Так, в феврале 2007 г. падение индексов Шанхайской и Шэньчжэньской бирж на более чем 9% повлекло падение мировых рынков.

Из событий в Китае, повлиявших на мировые фондовые рынки, в том числе и на американский, можно выделить заявления китайского правительства в конце февраля 2010 г. о повышении нормы резервирования средств коммерческих банков в центральном банке на 0,5%: данное сообщение повлекло очередной спад мировых фондовых индексов³.

Китайский фондовый рынок переживал стабильный рост в период с середины до конца 1990-х гг. с увеличением фондового индекса Shanghai Composite практически втрое за 5 лет. Однако в 2001–2005 гг. индекс потерял практически половину своей стоимости (диаграмма 1). Для выхода из кризиса правительство ввело в апреле 2005 г. запрет на новые IPO и выпустило более 200 млрд долл. для конвертации неторгуемых акций в свободно обращающиеся. В 2006 г. запрет был снят, что привело к стремительному росту рынка (таблица 1). В 2007 г. общий объем рыночной капитализации обеих фондовых бирж (Шанхая и Шэньчжэня) достиг практически 140% ВВП, благодаря чему китайский рынок ценных бумаг стал вторым в Азии после Японии, а в мировом масштабе — третьим по капитализации. По объему ежедневных торгов Китайский рынок также является одним из самых активных в мире⁴. В октябре 2007 г. был достигнут максимум индекса Shanghai Composite — 6124,04. После этого произошел обвал рынка, индекс снизился к

концу 2008 г. на 65%, что было связано с началом мирового финансового кризиса. Таким образом, рыночная капитализация фондового рынка снизилась до примерно 50% от номинального ВВП на конец 2008 г.⁵ Политика по стимулированию экономики — интенсивные инвестиции, снижение налогов для стимулирования внутреннего спроса и увеличение кредитов — привела к стабилизации на рынке (остановилось падение). С конца 2008 г. начинается восстановление и рост индекса Shanghai Composite и рынка в целом. Уже в начале февраля 2009 г. Shanghai Composite вырос на 5%, что было связано с началом второго этапа инвестирования правительством в рамках программы стимулирования экономики (4 трлн юаней) и положительными макроэкономическими данными в Китае.

Таблица 1

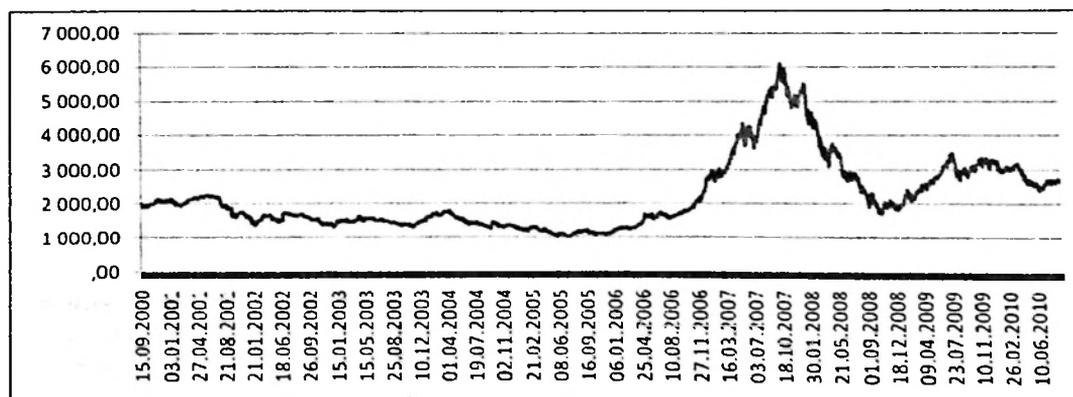
Динамика развития фондового рынка Китая (млрд юаней)

	1992	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2008
Капитализация										
Всего	104.8	353.1	347.4	1752.9	267.1	435.2	4245.8	3243	3271.4	1213.6
Акции типа «А»						422.4	4152	3181.1	3245.8	1205.6
Акции типа «В»						127.7	93.7	62	255.3	79.9
Рыноч кап-ция										
Всего		861	938	5204	8213	14463	13179	10631	93064	45214
Акции типа «А»						1334.5	1230.6	1002.8	9052.6	4441.9
Акции типа «В»						111.8	87.3	60.2	253.8	79.5
Общий оборот							3211.5	3166.5	46055	2671.1
Объем биржевых торгов							416.	662.4	3640.4	2413.1
Выпуск казначейских облигаций	460	381	1510	2411	4015	4884		7042	2313.9	8558.2
Выпуск корпоративн. облигаций	683	235	300	255	158	147		2046	505.8	843.5

Составлено по: Чжунго тунци чжайяо, 2000. Пекин, 2000. С. 77. — http://www.sse.com.cn/ssportal/en_us/cs/about/factbook/factbook_us2008.pdf; Китайский статистический ежегодник. — <http://www.stats.gov.cn>, <http://www.csrc.gov.cn/n575458/n4001948/n4004898/n10655314/n10655604.files/n10655801.pdf>

Диаграмма 1

Динамика индекса Shanghai Composite (15.09.2000–10.06.2010)



Составлено по данным Шанхайской фондовой биржи (<http://www.sse.com.cn>)

В ноябре 2009 г. международное рейтинговое агентство Moody's Investors Service пересмотрело прогноз по рейтингу Китая со "стабильного" на "позитивный"⁶. Такое ре-

шение было принято с учетом финансовой устойчивости страны, а также относительно стабильных макроэкономических показателей Китая в условиях мирового кризиса. Таким образом, его фондовый рынок становится все более перспективным, оказывая влияние и на китайскую, и на мировую экономику. В свете этого особое внимание привлекает система регулирования китайского фондового рынка как важная составляющая его динамичного развития.

Функционирование фондового рынка в Китае сопровождалось созданием и развитием законодательной базы в этой сфере. Ввиду их молодости правила и нормы китайского рынка ценных бумаг образуют сложную и запутанную систему регулирования. По мере развития правовой базы происходит постепенное открытие рынка для иностранных инвесторов и облегчение их доступа на китайский рынок капитала.

Характерная черта регулирования фондового рынка Китая — поступательность принятия законодательных актов, положений и постановлений. Прежде чем правовые документы вступали в силу, принимались временные инструкции, нормативные акты, нормы, методические указания. Так проверялась эффективность того или иного регулирующего документа.

Акции

Рынок акций в Китае преобладает над рынком облигаций и других ценных бумаг. На акции приходится до 80% биржевого оборота. С 1990 г. на бирже стали обращаться акции типа «А», номинированные в национальной валюте — юанях. Иностранные инвесторы получили доступ к ним только в 2002 г. — до того акции типа «А» могли приобретать только резиденты. Операции с акциями типа «А» доминируют на фондовых биржах Китая. Так, к концу ноября 2009 г. уже 1693 компаний выпустило акции, из которых 1586 компании выпустили акции типа «А»⁷ (т.е. более 93%). Акции типа «А» по большей части принадлежат физическим лицам и лишь небольшое количество — китайским организациям.

Акции типа «В» начали выпускаться с 1992 г. Изначально они предназначались для иностранных инвесторов, покупка их гражданами КНР не допускалась. В 2001 г. доступ отечественных инвесторов к этим акциям был открыт. Акции типа «В» также носят название «специальные юаневые акции», с номиналом в юанях, но продаются за иностранную валюту (на Шанхайской фондовой бирже — за ам. доллары, на Шэньчжэньской — за гонконгские доллары) при посредничестве китайских и иностранных брокеров. Благодаря открытию доступа национальных инвесторов к рынку акций типа «В» торговые обороты этих акций увеличились, но они по-прежнему не сопоставимы с объемами рынка акций типа «А». Акции типа «А» и «В» одной и той же компании могут существенно отличаться по стоимости — рыночная стоимость акций типа «В» составляет примерно 10% от стоимости акций типа «А».

Иностранные инвесторы могут осуществлять портфельные инвестиции в Китай не только через акции типа «В», но и приобретая акции типа «Н» и «N». Акции типа «Н» номинируются в гонконгских долларах, размещение и торговля ими происходят на Гонконгской фондовой бирже. Эти акции предназначены только для нерезидентов. Первый выпуск был осуществлен в 1993 г. Количество китайских компаний, выпускающих акции типа «Н» увеличилось с 9 в 1993 г., до 157 в июне 2009 г.⁸

На Гонконгской фондовой бирже также обращаются «красные фишки» — акции гонконгских компаний, которые частично или полностью принадлежат китайским компаниям. Сейчас на этой бирже доступны акции типа «Н» более чем 90 китайских компаний и «красные фишки» — более 70 компаний. В 2007 г. китайское правительство открыло доступ к акциям типа «Н» жителям Китая, что значительно увеличило спрос на них.

Выделяются также акции типов «N», «L», «S», которые размещаются и обращаются соответственно на Нью-Йоркской, Лондонской и Сингапурской фондовых биржах — в основном в форме депозитарных расписок.

Важная отличительная черта китайского рынка акций — его деление на две группы: нерыночные (неторгуемые) акции, составляющие большинство, и рыночные (торгуемые). Свободно обращаются только рыночные акции. В 2007 г. капитализация рыночных акций составила лишь около 28% общей капитализации акций (табл. 1). В Китае выпускаются обыкновенные акции, выпуск привилегированных акций и опционов не предусмотрен.

До 80% нерыночных акций принадлежит государству, остальные — юридическим лицам и работникам предприятий.

С 2005 г. началась реформа фондового рынка, предусматривающая выпуск неторгуемых акций в биржевой оборот. К концу 2006 г. 1269 компаний, зарегистрированных на фондовой бирже (стоимость акций которых составляла 97% капитализации фондового рынка), были вовлечены в процесс трансформации неторгуемых акций.

Облигации

Рынок облигаций по значимости для экономического роста страны играет не менее важную роль, чем рынок акций. Главная его особенность — в том, что практически вся задолженность по ценным бумагам представляет собой задолженность государства. Рынок долговых инструментов представлен двумя основными видами облигаций — государственными и корпоративными. К государственным облигациям относятся казначейские обязательства, облигации внутреннего займа и некоторые другие. Корпоративные облигации представлены облигациями предприятий центрального и местного подчинения и облигациями финансовых организаций — банков, инвестиционных фондов и др.

Казначейские облигации выпускаются Министерством финансов, облигации финансовых учреждений — Народным банком Китая и несколькими специализированными государственными банками. Корпоративные облигации выпускаются ограниченным кругом предприятий (почти все они являются государственными) с гарантиями центрального правительства или администраций провинций.

В настоящее время торговля казначейскими облигациями производится на Шанхайской и Шэньчжэньской фондовых биржах и на внебиржевом (межбанковском) рынке — в частности в системе электронной торговли ценными бумагами STAQ. Торговля корпоративными облигациями осуществляется в основном на внебиржевом рынке. Здесь же торгуются и финансовые облигации. Однако их обороты незначительны по сравнению с оборотом казначейских облигаций.

Ежегодно Госкомитет по делам развития и реформ, Министерство финансов, Народный банк Китая и Комитет по управлению и контролю за ценными бумагами совместно планируют выпуск облигаций госпредприятий. Процедура получения разрешения — весьма долгая и сложная, квоты на выпуск небольшие, что является одной из причин незначительной роли облигационных займов в финансировании предприятий.

Для дальнейшего развития рынка облигаций необходимо развитие сильной и устойчивой правовой и нормативной систем, включая вопросы правовой защиты, стандарты корпоративного управления, международные стандарты финансовой отчетности. Регулирующие органы должны стремиться к упрощению и унификации правил и требований к выпуску и торговле облигациями, законодательная база должна способствовать уверенности участников рынка облигаций.

Участники рынка: компании по ценным бумагам

Когда в 1980-е гг. начала возрождаться торговля акциями и облигациями, правительство из-за отсутствия специализированных финансовых учреждений разрешило банкам взять на себя функции брокеров и дилеров. Но вышедший в 1995 г. Закон КНР о коммерческих банках запретил им заниматься торговлей ценными бумагами и инвестированием в корпоративные ценные бумаги. С 1996 г. банкам запрещено выдавать креди-

ты на покупку акций. Таким образом, все эти функции перешли к специализированным компаниям по ценным бумагам. В соответствии с Законом КНР о ценных бумагах, эти компании делятся на две категории: те, что выполняют брокерские и дилерские операции, включая андеррайтинг ценных бумаг (их гарантированное размещение), и те, что выступают только как брокеры. Минимальный зарегистрированный капитал первых компаний должен составлять не менее 500 млн юаней, брокерских компаний — 50 млн юаней.

Основной оборот по акциям и облигациям приходится на 10 ведущих брокерских компаний. Так, в 2007 г. в список крупнейших компаний по ценным бумагам на Шанхайской фондовой бирже вошли: Guotai Junan Securities Co., Ltd с оборотом по ценным бумагам в 48,7 млрд юаней, China Galaxy Securities Co.,Ltd — 48 млрд юаней, Shenyin&Wanguo Securities Co.,Ltd — 39 млрд юаней, Haitong Securities Co.,Ltd — 34 млрд юаней и др.⁹ Общее количество компаний по ценным бумагам на июль 2009 г. составляло 107, их совокупный капитал составил 2,02 трлн юаней, чистый капитал — 332,2 млрд юаней¹⁰.

Комитет по управлению и контролю за ценными бумагами

Система контроля и управления рынком ценных бумаг помимо законодательной инфраструктуры включает в себя и государственные регулирующие органы: созданные в 1992 г. Комитет по ценным бумагам Госсовета КНР и его исполнительный орган Комитет по управлению и контролю за ценными бумагами. В 1998 г. оба они были преобразованы в единый орган, наделенный полномочиями регулирования рынка ценных бумаг: Комитет по управлению и контролю за ценными бумагами, подчиненный непосредственно Госсовету. Комитет включает 18 функциональных подразделений и офисов, 3 подчиненных центра, 2 специальных комиссии. Он имеет 10 региональных офисов по всей стране и административные офисы в каждой провинции, автономном округе, городе центрального подчинения.

Основные функции и задачи этого Комитета определены Законом о ценных бумагах и заключаются в защите инвесторов, обеспечении честной и законной торговли; в разработке государственной политики на фондовом рынке; выпуске нормативных актов с целью регулирования и контроля рынка; лицензировании брокеров, дилеров, организаторов торговли и других профессиональных участников рынка; регулировании деятельности эмитентов; регистрации ценных бумаг; надзоре за соблюдением условий выхода на фондовый рынок и др.

Саморегулирование

Регулирование фондового рынка включает установление правил ведения операций, что связано и с внедрением деловой этики, правил поведения на рынке. По вопросам этики интересы многих участников рынка сходятся, да и государство стремится к совершенствованию этой системы, что позволяет использовать саморегулирование как способ решения многих вопросов. Таким образом, в систему управления рынка ценных бумаг Китая помимо государственных органов также входит и общественное регулирование. К таким методам относятся: разработка правил профессиональной деятельности на фондовом рынке и их применение на практике, формирование общественного мнения о ситуации на рынке ценных бумаг. Одной из организаций саморегулирования стала с 1991 г. Ассоциация участников фондового рынка. В 2003 г. в нее входило более 200 компаний, включая брокерские компании, управляющие компании, управляющие компаниями инвестиционных фондов и др.

Положительные особенности деятельности органов саморегулирования: установление этических норм поведения для профессиональных участников; установление

общественного контроля и разработка правил поведения самими профессиональными участниками рынка ценных бумаг.

Ассоциация осуществляет регулирование деятельности своих участников в пределах своих полномочий (установление правил, надзор за исполнением правил, выработка рекомендаций и т.д.). Она ведет образовательную и исследовательскую деятельность, оказывает содействие в раскрытии информации о фондовом рынке КНР, выполняет прием экзаменов и выдачу аттестатов специалистам фондового рынка.

Фондовые биржи

Основной толчок развитию фондового рынка дало открытие Шанхайской и Шэньчжэньской фондовых бирж, приступивших к своей деятельности в 1990 и 1991 гг. соответственно. Согласно Закону КНР о ценных бумагах, учреждением и закрытием фондовых бирж ведает Госсовет. Фондовые биржи состоят в прямом подчинении Комитету по управлению и контролю за ценными бумагами. В соответствии с Законом о ценных бумагах фондовые биржи должны вырабатывать собственные нормы и правила ведения операций на своих площадках, опираясь на общегосударственные законы и административные инструкции. Шанхайская и Шэньчжэньская фондовые биржи играют важную роль в развитии рынка ценных бумаг в Китае и вносят значительный вклад в создание и развитие правил и норм регулирования рынка. На них возложены и определенные функции по управлению фондовым рынком. В функции бирж входит: предоставление площадки и необходимых инструментов для ведения торговли ценными бумагами; разработка правил торговли; проведение операций по листингу; организация и отслеживание торгов; подготовка и распространение информации по операциям с ценными бумагами.

Правовое регулирование фондового рынка осуществляется на 3-х уровнях:

1. Законы. Они разрабатываются Госсоветом. Основные, действующие в настоящее время — Закон КНР о компаниях и Закон КНР о ценных бумагах.

2. Административные постановления. Разрабатываются Госсоветом в соответствии с Конституцией и другими законами. К настоящему времени существует около 14 таких постановлений, включая Постановление относительно фьючерсной торговли (2007 г.).

3. Правила и нормы Комитета по управлению и контролю за ценными бумагами. Разрабатываются Комитетом в соответствии с законами и административными положениями. На 2009 г. существовало более 50 таких правил и норм.

Закон о компаниях

Одним из важнейших актов, составляющих нормативную базу китайского рынка ценных бумаг, является Закон о компаниях КНР, вступивший в силу в 1994 г. В нем особое внимание уделяется выпуску акций и облигаций. Предъявляются требования к оформлению акций, к процедуре эмиссии, описывается процесс передачи акций. После принятия решения о выпуске акций компания должна обратиться за разрешением в Комитет по управлению и контролю за ценными бумагами.

В Законе перечисляются моменты, когда Комитет по управлению и контролю за ценными бумагами может приостановить ведение сделок с акциями компании. Такие меры могут быть приняты, если компания предоставляет ложную информацию о своих финансовых и бухгалтерских отчетах, если она допустила серьезное нарушение законодательства, если в течение трех лет несет убытки. Если вышеназванные нарушения не удастся устранить в течение установленного периода времени или если компания объявляет себя банкротом и объявляет о прекращении своей деятельности, то Комитет принимает решение о прекращении рыночных операций с ее акциями.

Закон о компаниях был пересмотрен в декабре 1999 г., затем в августе 2004 г. и в январе 2006 г. в него вносились изменения, коснувшиеся, в основном, компаний с огра-

ниченной ответственностью. Внесенные поправки упрощают требования к образованию компаний и расширяют права акционеров.

Закон о ценных бумагах

Важным документом явился Закон о ценных бумагах, вступивший в силу в 1999 г. Он обобщил предыдущие правила и методы операций. Будучи направлен на стандартизацию процедур выпуска и торговли ценными бумагами, листинга компаний, он содержит требования к публичной подписке на ценные бумаги и раскрытию информации эмитентами акционерам.

В соответствии с Законом о ценных бумагах выпуск акций, конвертируемых облигаций и корпоративных облигаций сопровождается одобрением со стороны Комитета по управлению и контролю за ценными бумагами. Что же касается казначейских облигаций, облигаций финансовых институтов и облигаций предприятий, то их выпуск согласовывается несколькими органами, о которых говорилось выше. Листингом и обращением акций и облигаций ведают Комитет и фондовые биржи. Согласно этому Закону, для участия в торговле на фондовом рынке инвестору необходимо открыть счет в брокерской компании, и она будет представлять его интересы — покупать или продавать ценные бумаги по указаниям своего клиента.

С января 2006 г. Пп решению Постоянного Комитета ВСНП вступили в силу поправки к этому закону. Суть внесенных изменений:

- Комитету по управлению и контролю за ценными бумагами было дано право выдавать разрешение участникам фондового рынка на проведение операций с ценными бумагами совместно с банковскими, страховыми и трастовыми операциями;

- было разрешено проводить торговлю ценными бумагами на фондовых биржах или любых других площадках, одобренных Госсоветом;

- снимались ограничения на торговлю фьючерсами и опционами, хотя и с дополнительным одобрением Комитета;

- вводились штрафы за нарушение закона.

Нововведения нацеливались на защиту интересов инвесторов. Они стали существенным шагом на пути легализации и упорядочивания системы регулирования рынка ценных бумаг.

К дополнительным законодательным актам, регулирующим деятельность рынка ценных бумаг, можно отнести Закон об инвестиционных фондах (2004 г.), Положения об управлении фьючерсными сделками (новая редакция с 2007 г.)¹¹ С 1 января 2008 г. вступило в силу Решение о внесении изменений в Правила создания брокерских компаний с участием иностранных инвестиций, а также измененные Правила создания брокерских компаний с участием иностранных инвестиций, принятые Комитетом по управлению и контролю за ценными бумагами.

QFII

Со вступлением в ВТО Китай принял на себя определенный набор обязательств, в том числе по открытию финансового сектора для иностранцев. Нововведения не принимаются столь быстро, как хотели бы иностранные инвесторы и профессиональные участники рынка, но свои обязательства перед ВТО Китай выполняет. Так, если акции типа «А» до недавнего времени были доступны только гражданам КНР, то с введением в декабре 2002 г. системы квалифицированных иностранных институциональных инвесторов (Qualified Foreign Institutional Investors, QFII) последние получили к этим акциям доступ. Сначала для таковых была выделена квота в 4 млрд долл., а в 2007 г. ее увеличили до 10 млрд долл. В начале 2008 г. для привлечения иностранных инвесторов на фондовый рынок китайское правительство вновь увеличило квоту — до 30 млрд долл.¹² Не-

стабильная ситуация на фондовых рынках в условиях мирового кризиса затронула и китайский рынок ценных бумаг, капитализация которого и сводные индексы бирж существенно снизились в 2008 г. Однако интерес иностранных инвесторов к акциям китайских компаний сохраняется. Заявки на получение статуса квалифицированного иностранного институционально инвестора продолжают поступать. Количество квалифицированных иностранных институциональных инвесторов увеличилось до 69 (против 59 в июле 2008 г.) Суммарно к концу 2009 г. 91 иностранный инвестор получил статус QFII¹³.

Обладая статусом квалифицированного иностранного институционального инвестора, американский инвестиционный банк Lehman Brothers стал первым банкротом из списка QFII. Это заставило Комитет по управлению и контролю за ценными бумагами ужесточить контроль за участниками рынка, в том числе QFII. В результате в октябре 2008 г. Комитет выпустил Руководство по надзору за QFII, в соответствии с которым специальная инспекционная комиссия будет заниматься надзором за квалифицированными иностранными институциональными инвесторами.

QDII

Вслед за открытием китайского фондового рынка для иностранцев, с мая 2007 г. правительство Китая разрешило выход на иностранные фондовые рынки квалифицированных национальных институциональных инвесторов (QDII)¹⁴.

После предоставления в августе 2007 г. права квалифицированным национальным институциональным инвесторам осуществлять прямые инвестиции в иностранные ценные бумаги Государственное управление валютного контроля выпустило Проект экспериментальных мер, позволяющих физическим лицам-резидентам КНР напрямую приобретать ценные бумаги, размещенные на зарубежных фондовых рынках. Данный эксперимент начал проводиться в новом районе Бинхай (г. Тяньцзинь). В соответствии с Проектом жители данного района могут напрямую приобретать акции, размещенные на Гонконгской фондовой бирже, через головное отделение Банка Китая в Тяньцзине и компанию BOC International. Инвестиции могут проводиться (без ограничений размера) как в юанях, так и в иностранной валюте. Для осуществления инвестиций, физическое лицо должно открыть валютный счет для операций за рубежом в головном офисе Банка Китая в Тяньцзине, после чего Банк Китая по доверенности открывает инвестиционный счет в BOC International. Если этот эксперимент признают удачным, данный Проект будет распространен по всей территории КНР¹⁵.

Фондовый рынок с началом кризиса.

В условиях спада на фондовом рынке правительство Китая приняло меры по поддержанию и укреплению рынка. Так, был отменен налог на покупку ценных бумаг. Кроме этого, приняты «Девять финансовых мер», направленных на стабилизацию и укрепление экономики. Меры связаны с поддержанием фондового рынка, институциональными инвесторами, кредитами и другими вопросами. Одним из важнейших действий правительства по преодолению кризиса, было решение о стимулировании экономики на сумму 4 трлн юаней.

Подобные усилия правительства становятся особенно актуальными на фоне резких колебаний как мирового, так и китайского фондового рынков. В 2008 г., как отмечалось выше, китайский фондовый рынок пережил одно из крупнейших падений по сравнению с другими странами. Так, падение американского индекса NASDAQ составило в 2008 г. около 40%, тогда как китайский индекс SSE Composite упал более чем на 60%. Однако в начале 2009 г. был зафиксирован небольшой рост фондового рынка Китая — SSE Composite увеличился на 5%¹⁶. Одной из причин подъема послужила реализация второго этапа инвестирования средств в рамках антикризисной программы руководства КНР. Это еще раз подтверждает чрезвычайно важное значение продуманной и эффектив-

ной политики государства по стимулированию национальной экономики и ее неотъемлемой составной части — рынка ценных бумаг.

Таблица 2

Динамика фондового рынка КНР (число участников, индексы)

	1992	1993	1995	1997	1999	2001	2003	2005	2007	2008
Число листинговых комп. акции «А», «В»)	53	183	324	745	949	1160	1285	1381	1550	1625
Фондов индексы (SSE Comp.)	780,4		555,3	1194	1367	1646	1497	1161	5261,56	1820,8
Фондов. индексы (в % за год)				115%	14%	20%	9%	8%	97%	65%

http://www.sse.com.cn/sseportal/en_us/cs/about/factbook/factbook_us2008.pdf; Китайский статистический ежегодник. — <http://www.stats.gov.cn>, <http://www.csrc.gov.cn/n575458/n4001948/n4004898/n10655314/n10655604.files/n10655801.pdf>

Система регулирования еще не вполне сложилась. На настоящий момент принято более 300 нормативно-законодательных актов — т.е. значительно меньше, чем в развитых странах. Очевидно, однако, что это — молодой, динамичный и перспективный рынок, законодательная база которого постоянно совершенствуется и стремится к мировым стандартам. Поскольку рынок ценных бумаг занимает важное место в системе перераспределения финансовых ресурсов страны, он также является неотъемлемой частью развитой экономической системы. Поэтому регулирование и контроль фондового рынка стоит во главе развития этого рынка и является важной задачей для руководства страны. Можно утверждать, что в этой сфере уже достигнуты значительные успехи и сложилась нормативная база, необходимая для дальнейшего совершенствования и развития рынка ценных бумаг.

1. <http://www.cnn.com/2010/BUSINESS/01/20/china.GDP.annual/index.html>.
2. <http://russian.cctv.com/20090827/101669.shtml>.
3. <http://rosfincom.ru/crizisrf/551904.html>.
4. World Bank// China Quarterly Update. 2008. F. P. 17.
5. Yao Shujie, Dan Luo. Chinese Stock Market Bubble // Inevitable or Incidental, / The University of Nottingham; China Policy Institute. Briefing Series. 2008. No. 41.
6. <http://rating.rbc.ru/news.shtml?2009/11/09/32612169>.
7. <http://sipf.com.cn/en/chinassecuritiesmarketoverview/securitiesmarket/index.shtml>.
8. <http://sipf.com.cn/en/chinassecuritiesmarketoverview/securitiesmarket/index.shtml>.
9. http://www.sse.com.cn/sseportal/en_us/cs/about/factbook/factbook_us2008.pdf.
10. <http://www.bharatbook.com/detail.asp?id=103120&rt=Research-Report-on-Chinese-Securities-Industry.html>.
11. Бергер Я.М. Экономическая стратегия Китая. ИДВ РАН. М.: ИД Форум, 2009, с 242–243.
12. <http://www.chinalawandpractice.com/Article/2070416/Channel/10363/New-CSRC-Guiding-Opinion-on-QFII-inspectors.html>.
13. <http://www.sipf.com.cn/en/chinassecuritiesmarketoverview/securitiesmarket/index.shtml>.
14. Квалифицированный национальный институциональный инвестор (Qualified Domestic Institutional Investor — QDII) — финансовая организация, имеющая право осуществлять инвестиции на иностранных рынках капитала по поручению клиента (юридического или физического лица-резидента КНР) с ограничениями на обмен валюты и виды ценных бумаг.
15. http://www.chinawindow.ru/?ru/news/fizlitsa_investm.
16. <http://www.chinapro.ru/rubrics/14/1159/>

Инновационная политика Китая: роль прямых и косвенных экономических стимулов*

© 2010

С. Леонов, Е. Домнич

Рассмотрены масштабы и механизмы взаимодействия прямых и косвенных экономических методов инновационной политики в реформирующемся Китае. Показано, что для КНР как страны с «догоняющей» моделью научно-технологического развития характерна опора на косвенные (налоговые) методы стимулирования, активно применяемые в программах индустриализации. При этом государственные программы исследований, определяющие научно-технологический потенциал страны, опираются на прямое бюджетное финансирование. Сформулированы вызовы инновационной политике КНР на перспективу до 2020 г.

Ключевые слова: Китай, государственная инновационная политика, модернизация науки и техники.

Периодизация инновационной политики Китая

Применительно к Китаю инновационную политику (ИП) можно определить как комплекс мер государственного регулирования экономических отношений по всей цепочке создания, распространения и использования новых знаний. Идеологической базой инновационной политики Китая являются установки Дэн Сяопина, в которых по проблематике технического прогресса выделяется один основной и два вспомогательных тезиса: (1) наука и технологии есть важнейшая производительная сила; (1.1) работники интеллектуального труда, включая научно-технологических специалистов, принадлежат к рабочему классу и их таланты должны вознаграждаться; (1.2) реформа системы управления наукой и технологиями, подобно реформе экономической структуры, направлена на высвобождение (либерализацию) производительных сил¹. Последовательная реализация данных установок, подтверждаемая статистическими наблюдениями и исследованиями, позволяет рассматривать инновационную политику в контексте общего градуалистского курса пошаговой либерализации экономических отношений в КНР. Инновационная политика понимается при этом как комплекс мер государственного регулирования их по всей цепочке создания, распространения и использования инноваций.

Определяющие моменты, задающие периодизацию ИП Китая: речь Дэн Сяопина на Национальной научной конференции 1978 г., а также ряд последующих реше-

Леонов Сергей Николаевич, доктор экономических наук, профессор, зам. директора по науке Института экономических исследований ДВО РАН. Тел. (4212) 72-52-30, E-mail: leonov@ecrin.ru.

Домнич Егор Леонидович, старший лаборант-исследователь сектора экономики инноваций Института экономических исследований ДВО РАН. Тел. (4212) 71-87-93, E-mail: chaosraven@yandex.ru.

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ-ДВО РАН "Восток" № 09-06-98504 и гранта РГНФ № 09-02-00442.

ний по научно-технологической политике ЦК КПК и Госсовета КНР: о реформе научно-технологической системы (1985 г.); об ускорении научно-технологического прогресса (1995 г.); о введении в действие «Средне- и долгосрочного стратегического плана развития науки и технологий и усиления национального инновационного потенциала» (2006 г.)². В совокупности с фактическими результатами проводимых мероприятий указанные концептуальные положения задают периодизацию инновационной политики Китая. Кратко охарактеризуем цели и методы инновационной политики, а также институциональную организацию инновационной деятельности в стране в рамках каждого периода.

Для дореформенного («инкубационного») этапа³ (1975–1978 гг.) было характерно преодоление концептуальных идеологических барьеров в части управления инновационными процессами. Важнейшим инструментом, в соответствии с устоявшейся практикой, были прямые государственные заказы на научные исследования (для научных организаций) и на закупку иностранных технологий — как правило, в виде комплектов оборудования для промышленных предприятий⁴. Сектор высшей школы практически не привлекался к выполнению операций с новым знанием, осуществляя лишь функцию подготовки кадров. Поэтому в 1970-х гг. до 40% научных тем, разработанных в КНР, дублировали исследования, по которым за рубежом уже были получены результаты, и многие научно-исследовательские учреждения на конечной стадии разработок сталкивались с конкуренцией со стороны импортируемых готовых аналогов. В результате сохранялась ситуация, «когда предприятия — передовые, а наука — отсталая»⁵. Опыт рыночных преобразований в стране как разновидность социального знания отсутствовал в принципе, его накопление опиралось, главным образом, на критику существующего положения дел, но не на практическую деятельность⁶.

Важнейшей особенностью «экспериментальной» стадии (1978–1985 гг.): явились эксперименты по организации взаимодействия на хозрасчетных началах между государственными агентствами и основными институциональными секторами внутри последних, а также у институциональных секторов друг с другом (главным образом, промышленных предприятий с научными организациями)⁷. Эксперименты осуществлялись в контексте начавшейся общей реформы экономической системы, что нашло отражение в технологическом дуализме, когда наряду с признанием существования нескольких экономических укладов, руководство страны объявило о формировании многоуровневой технологической системы, сохраняющей комбинации традиционных и высоких технологий. Произошла частичная либерализация источников финансирования исследований (разработок) и снятие госконтроля в сфере внешнеэкономической деятельности, что позволило предприятиям промышленности самостоятельно закупать за рубежом необходимое оборудование и технологии. Были открыты для иностранного капитала специальные экономические зоны, а затем — большинство крупнейших прибрежных городов. В результате в инновационной системе страны появился новый, первоначально крайне скудный поток реальных инвестиций, индуцированных частнопредпринимательскими интересами как противовес централизованным вложениям государства. Немаловажно, что руководство страны получило уникальный источник эмпирического опыта, основанный на «восходящих» пробных реформах управления инновациями снизу вверх.

«Период структурных реформ» (1985–1995 гг.) был крайне важен с точки зрения формирования системы частно-государственного партнерства в сфере инноваций. В это время происходила ломка централизованного механизма сплошного финансирования науки по широкому фронту исследований, внедрялась проектная (грантовая) система поддержки науки, происходила селекция научно-исследовательских организаций. Рыночные преобразования хозяйственного механизма распространились на сферу науки и технологий. Введение системы контрактной ответственности на предприятиях повысило заинтересованность менеджеров в увеличении рентабельности за счет внедрения новых

технологий. К 1988 г. треть всех НИИ стала частью крупных промышленных предприятий⁸. К середине 1990-х гг. государственное финансирование науки, ранее дефицитное, стабилизировалось и заметно увеличилось для «фундаментальных» НИИ. Частные наукоемкие предприятия стали создаваться на базе НИИ и вузов⁹. В стране стал формироваться рынок объектов интеллектуальной собственности. За счет госбюджета строились объекты инфраструктуры (парки и бизнес-инкубаторы).

Как следствие общей децентрализации управления экономикой, широкое распространение получают налоговые льготы и другие методы не прямой поддержки. В течение данного десятилетия правительство КНР столкнулось с технико-экономическими ограничениями частнопредпринимательских вложений в сферу разработки и внедрения новых технологий как серьезным вызовом для инновационной политики¹⁰. Оказалось, что ориентированный на прибыль хозяйствующий субъект не склонен увеличивать технологический разрыв инноваций, если это противоречит целям максимизации ожидаемой прибыли. Кроме того, из-за сохранения старой организационной схемы, при которой менеджеры не обладают правом собственности на активы предприятия, улучшение экономических показателей наблюдалось лишь в краткосрочном периоде — в том числе, за счет научно-инновационного потенциала будущих лет¹¹. В рассматриваемый период в Китае начинается накопление опыта широкомасштабных рыночных преобразований «сверху вниз», разрабатываются и внедряются международные стандарты статистического наблюдения научно-технологической и инновационной деятельности.

Период «углубления реформы» инновационной политики (1995–2005 гг.) проходил на фоне быстрого экономического роста и усиления технологической конкуренции на внешнем и внутреннем рынках. Характерная черта периода — рост наукоемкости ВВП благодаря активному инвестированию предпринимательского сектора. Правительство параллельно проводит поэтапную приватизацию промышленных предприятий и научных организаций, законодательно оформляются и значительно расширяются возможности коммерциализации вновь созданных технологий для государственных вузов. Развиваются новые формы госфинансирования инноваций, охватывающие дополнительные участки инновационного цикла, внедряются специфические налоговые льготы для высокотехнологичных производств. Заметные успехи достигнуты в части формирования института венчурного инвестирования (главным образом, за счет финансов государства)¹². Расширяется участие иностранного капитала в технологической модернизации Китая, в том числе во внутренних регионах — за счет снятия ряда регионально-отраслевых ограничений. В структуре финансирования инноваций усилилось вытеснение капиталовложений инвестициями в нематериальные активы. Накопление практического опыта инновационной политики активизировалось благодаря интенсификации процессов усвоения зарубежного опыта, расширению международных контактов через членство в ВТО и участие в программах ОЭСР.

С 2006 г. в инновационной политике Китая начинается новый, относительно малоизученный период, для которого ставятся цели обеспечения устойчивости текущей заданной траектории и темпов экономического развития. Руководством страны выдвигаются требования окончательной реализации модели с центральной регулирующей ролью частных фирм. В качестве важнейших целей инновационной политики на период до 2020 г. заявлены:

– усиление инновационной восприимчивости в целях увеличения возможностей использования науки и технологий в социально-экономическом развитии и обеспечении национальной безопасности;

– увеличение общей способности страны осуществлять фундаментальные исследования и разработки на передовых рубежах науки и технологий, продуцировать научные результаты мирового уровня¹³.

Оценка прямых госрасходов на реализацию инновационной политики

Интегральной количественной характеристикой описанной трансформации инновационной политики Китая за 3 десятилетия можно считать двукратное сокращение удельного веса госрасходов на науку и технологии в ВВП страны за 1980–2007 гг. (с 1,4% до 0,69%)¹⁴. Нижней точкой падения индикатора стал 1996 г. (0,47%), после чего наметилось его плавное увеличение. Наблюдаемая динамика объясняется, прежде всего, общим сокращением масштабов централизованных госрасходов, а не снижением интереса государства к реализации инновационной политики как таковой. За 1980–2006 гг. удельный вес совокупных госрасходов в ВВП сократился с 26,8% до 18,3% (также с наименьшим значением в 1996 г.) — при том, что доля расходов на науку и технологии в течение 27 лет остается стабильной, колеблясь вокруг 5%-го уровня¹⁵.

Для понимания экономического смысла наблюдаемой динамики следует развернуть структуру статистических агрегатов, описывающих госрасходы на науку и инновации в Китае. Основной индикатор здесь — госрасходы всех уровней, отражающие распределение и использование финансов государства. В части статистического описания инновационной политики заслуживают внимания такие агрегированные индикаторы, как «расходы на науку и технологии» и «расходы на фонды инноваций предприятий и поддержку науки и технологий».

Первый индикатор является изначально композитным, состоящим из специально выделенных в структуре соответствующих разделов учета затрат, имеющих отношение к финансированию науки. В него включены расходы на поддержку науки и технологий (выделяются из «расходов на фонды инноваций предприятий и поддержку науки и технологий», включая расходы на исследования, разработку новой продукции, испытания и промежуточную проверку и на субсидирование важнейших исследований), текущие расходы на науку и технологии (выделяются из «совокупных текущих расходов государства», преимущественно включая расходы на оплату труда), а также расходы на капитальное строительство научных институтов (выделяются из «совокупных госрасходов на капитальное строительство»).

Второй индикатор помимо описанных выше расходов на поддержку науки и технологий включает также «инновационную» часть, не выделяемую в явном виде. Под «фондами инноваций» китайская статистика понимает фонды, полученные предприятиями из госбюджета на цели увеличения технологического потенциала, улучшения технологий и реализации инноваций, включая компенсацию займов и процентов по займам на инновации, а также целевые субсидии малым производственным предприятиям. Таким образом, под научно-технологическими расходами в данном случае понимается финансирование китайским государством операций по всей цепочке инновационного цикла, обеспечение преемственности его звеньев (причем речь идет о стимулировании отечественных технологий).

При этом расходы на поддержку инноваций охватывают лишь расходы по одновременной модернизации и технологическому перевооружению предприятий, отражая расходы государства на вновь внедренные технологии, в том числе иностранные. В условиях жесткого институционального разграничения участков инновационного цикла, характерного для плановой и транзитной экономики, научно-технологические расходы государства ориентированы на научные институты, тогда как инновационные — на предприятия. Таким образом, существуют как технологические, так и институциональные различия между описанными типами госрасходов, что заставляет рассматривать их динамику порознь. Выделение из индикатора «расходов на фонды инноваций предприятий и поддержку науки и технологий» чистых расходов государства на поддержку инноваций

показало различные закономерности динамики научно-технологических и инновационных расходов китайского государства (Рис. 1).

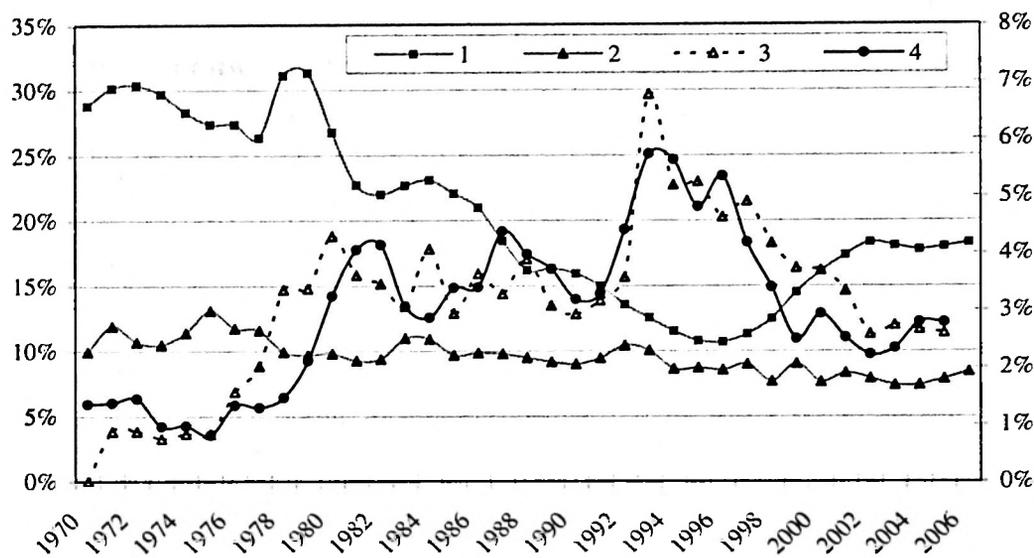


Рис. 1. Динамика индикаторов госрасходов в Китае (1970–2006 гг., %)

1 — удельный вес госрасходов в ВВП; 2 — удельный вес расходов на поддержку науки и технологий в совокупных госрасходах; 3 — удельный вес расходов на поддержку инноваций в совокупных госрасходах; 4 — удельный вес расходов на капитальное строительство научных институтов в госрасходах на капитальное строительство

Примечание: по левой оси — значения индикатора 1, по правой — индикаторов 2–4.

Источник: рассчитано по China Statistical Yearbook 2000, 2006, 2008.

Удельный вес расходов на поддержку науки и технологий (т.е. чистых расходов на создание и распространение нового знания) в совокупных госрасходах на дореформенном и пореформенном этапах в 1970–2006 гг. колебался в пределах 2–3% при плавным сокращении. Временные отрезки снижения среднего уровня индикатора практически совпадают с вышеозначенными периодами реализации инновационной политики. В течение 1970–1978, 1979–1993, и 1994–2006 гг. значения индикатора были относительно устойчивыми, заметные изменения отмечались на рубеже периодов. Таким образом, в течение длительного времени китайское государство гарантировало обеспечение некоторой минимальной наукоемкости бюджета, плавно снижая ее уровень по мере формирования частнопредпринимательского инвестиционного потока.

Динамика расходов на поддержку инноваций выглядит иначе. На дореформенном этапе их удельный вес в госрасходах не превышал 1%. В 1976–1980 гг. показатель увеличивается вчетверо, после чего на протяжении 10 лет (1981–1992) колебался вокруг достигнутого уровня. Пиковое значение индикатора (6,8%) зафиксировано в 1993 г., после чего отмечается спад до 2,6% к 2005 г. Как показали расчеты, аналогичная динамика характерна для удельного веса расходов на строительство научных институтов в госрасходах на капитальное строительство (см. рис. 1). Можно предположить, что государственные капиталовложения в инновации и в строительство НИИ регулировались совместно и независимо от госинвестиций в нематериальные активы (исследования и разработки).

Несмотря на снижающийся удельный вес в структуре совокупных госрасходов, расходы на поддержку науки и инноваций продолжают играть значимую роль, обеспечивая до четверти затрат на НТД в экономике Китая (1995–2006 гг.). С середины 1990-х гг.

наметилась тенденция увеличения удельного веса госбюджета в финансировании экономики страны (с 5% до 9,1% в 1995–2005 гг.), в противоположность снижению государственного участия в период реформ 1985–1995 гг.*

Оценка масштабов косвенных методов регулирования инноваций

Косвенные методы госрегулирования, рассчитанные на стимулирование предпринимательских вложений, преобладают в системе инструментов ИП пореформенного Китая. В 2008 г. страна занимала третье место в мире по величине налоговых субсидий на 1 доллар затрат на НИОКР (см. табл. 1), незначительно уступая лишь Испании и Франции. При этом если в Испании прямое госфинансирование инновационных затрат предпринимательского сектора в 2,3 раза превышает стоимость фискальных льгот, во Франции — в 2,4 раза, а в Германии — в 3,1 раза, то в КНР большая часть инвестиционных вложений в инновации в Китае формируется благодаря налоговым льготам. Характерной особенностью Китая является также единый налоговый режим по затратам на НИОКР для крупных, средних и малых предприятий.

Оценка числа и экономической целесообразности инструментов косвенного субсидирования представляет самостоятельную научную проблему, главной трудностью которой является учет налоговых и других льгот, предоставляемых на региональном уровне.

В специальном отчете консалтинговой фирмы «Trade Lawyers Advisory Group»¹⁶, посвященном проблеме исполнения Китаем своих обязательств перед ВТО, отмечается, что по состоянию на начало 2006 г. здесь действовало не менее 78 программ субсидирования организаций и предприятий центрального уровня, в том числе 17 программ, адресованных отраслям высоких технологий.

Таблица 1

Налоговые субсидии на затраты НИОКР (% от вложенных средств, 2008 г.)

Страна	Крупные предприятия	Малые и средние предприятия
Испания	0,39	0,39
Франция	0,37	0,37
Китай	0,33	0,33
Сингапур	0,23	0,23
Республика Корея	0,17	0,15
Канада	0,17	0,33
Япония	0,13	0,17
Великобритания	0,12	0,2
США	0,07	0,07

Источник: *OECD Reviews of Innovation Policies. Korea, OECD. 2009. 269 p.*

Экспертами «Trade Lawyers Advisory Group» на основании анализа 24-х официальных документов КНР, поощрявших инновации в 1985–2005 гг., был составлен перечень важнейших 40 льгот, касающихся, главным образом, подоходного налога, таможенных пошлин и НДС. Установлено, что предоставление льготы осуществлялось по трем основным критериям: регионально-отраслевому, технико-технологическому и по форме собственности. Важнейшими количественными критериями предоставления льгот выступали объемы инвестиций, высокотехнологичного экспорта и затрат на НИОКР.

Около половины налоговых льгот напрямую связаны с инвестиционной деятельностью предприятия в виде капитальных вложений (практически все льготы отражаются на ней косвенно), причем различаются инвестиционные вложения в порядке за-

* Данное обстоятельство было обусловлено вспышкой азиатского валютно-финансового кризиса, на которую правительство КНР ответило внедрением «активной» финансовой политики (Прим. ред.)

трат для осуществления производственного процесса и инвестиционные вложения как средство трансфера технологий. Китайское законодательство избирательно воздействует на масштабы и технологическую структуру поставок технологий, овеществленных в технике и оборудовании. Например, в случае, если оборудование необходимо для выпуска стратегически важной технологичной продукции, льготы распространяются в том числе на поставки комплектов оборудования (как и на сырье, материалы, необходимые для выпуска продукции). Помимо налоговых льгот косвенные экономические методы стимулирования инноваций в Китае включали в себя льготное предоставление ресурсов и государственных услуг, ускоренную амортизацию и ряд других инструментов.

Специфика развития институтов госрегулирования реализации ИП в планово-рыночной экономике Китая способствовала появлению смешанных методов государственного вмешательства, сочетающих прямое и косвенное субсидирование. Например, предприятиям, использующим закупленное за рубежом оборудование исключительно для производства товаров на экспорт, в течение 5 лет возвращается 100% таможенных пошлин и НДС, связанных с его импортом¹⁷. В течение каждого года возвращается по 20% уплаченных налогов — так что предприятие должно проходить ежегодное обследование на предмет соответствия целей использования оборудования (только на экспорт). Неоднозначной с точки зрения классификации в качестве инструмента прямого или косвенного субсидирования является реструктуризация и приватизация бывших госпредприятий и НИИ. Здесь имело место формирование особого канала прямого трансфера ресурсов государства в частный сектор из предположения о более высокой технико-экономической эффективности последнего. Кроме того, как отмечается в литературе, предприятия, подвергнутые приватизации, отличались высокими показателями эффективности хозяйствования¹⁸ — т.е. внутренние характеристики хозяйствующего субъекта учитывались при выделении данной субсидии, что также совпадает со свойствами прямого субсидирования. С другой стороны, отсутствие договорных обязательств по ИП у вновь созданных корпораций перед государством позволяет говорить об элементах косвенного субсидирования. Обобщенная сравнительная оценка экономических масштабов использования Китаем косвенных и прямых методов реализации инновационной политики (если рассматривать ее в терминах затрат и выпуска) при существующей статистической базе — задача невыполнимая. В данной работе такие оценки выполнены для основных программ государственной инновационной политики Китая.

Программы государственной инновационной политики

Каждая программа ИП Китая опирается на серию нормативных актов разного уровня (от постановлений Госсовета и предписаний центрального планового агентства — через приказы по министерствам — к распоряжениям местного правительства). Отраслевые приоритеты инновационного развития были сформулированы в 1982 г. в программе «Ключевые технологии», где было выделено 8 стратегически важных отраслей знания (наверстывание технологического отставания по которым признавалось задачей первостепенной важности)¹⁹.

Исходя из ориентиров «Ключевых технологий», в КНР были запущены государственные программы прикладных исследований, опытно-конструкторских работ и коммерциализации, стимулирующих инновационные процессы на основных стадиях инновационного цикла. В течение 1990-х гг. был предпринят ряд дополнительных государственных инициатив, акцентирующих внимание на фундаментальных исследованиях, новых направлениях прикладных исследований и поддержке средних и малых инновационных фирм. В зависимости от их ориентации на определенную стадию инновационного цикла и на источники финансирования различаются программы исследований и индустриализации, общая характеристика которых за 2003 г. представлена в табл. 2.

Таблица 2

Основные индикаторы реализации государственных научно-инновационных программ в Китае (по состоянию на 2003 г.)

Показатели	Программы исследований			Программы индустриализации		
	ПФИ	"863"	"Ключевые технологии"	"Факел"	"Искра"	"Распространение достижений"
Источники средств, млн. юаней	1071,8	9503,7	14607,1	53 686	21 100,2	5331,3
в т. ч. государственные, %	90,2	47,7	23,8	3,8	7,0	8,9
банковские, %	9,8	52,3	76,2	32,6	33,3	24,1
предприятий, %				63,6	59,7	67,0
Освоение средств, %	100	100	100	100	100	100
Вузы, %	47,3	15,1	6,7%	0,2	0,4	8,0
НИИ, %	51,2	20,4	15,8	1,1	1,4	14,5
Предприятия, %	0	56,8	74,6	98,4	89,5	72,2
Научные статьи, ед.	20 692	26 832	13 861	—	—	—
Патенты полученные, ед.	417	1249	585	1990	428	—
в т. ч. на изобретения	347	745	338	594	223	—
Прибыль после налогов, млн. юаней	—	—	—	23 262,9	70 25,9	1544,8
Налоги, млн. юаней	—	—	—	15 561	3298,6	819,9

Примечание: ПФИ — программы фундаментальных исследований (Национальный фонд естественных наук, «973», Ключевая программа фундаментальных исследований), «863» — основная программа прикладных исследований Китая.

Источник: рассчитано по China Statistical Yearbook on Science and Technology 2006.

Программы исследований имеют ощутимую поддержку из госбюджета, обеспечивают финансирование НИОКР вузов и НИИ и оцениваются, главным образом, по научным знаниям (статьям и патентам), полученным в результате проведенных исследований. Программы индустриализации основаны на налоговом поощрении частных инвестиций в исследования при поддержке банковских займов, распространяются в большей степени на коммерческие предприятия (в том числе созданные на базе вузов и НИИ) и предполагают увеличение экономических результатов: ВДС, прибыли, налогов, экспорта. Помимо косвенных экономических методов значимую роль в Программах индустриализации играют смешанные, в том числе неэкономические методы регулирования.

Таким образом, корректно говорить о существовании в Китае двух различных потоков инвестиций в инновации — централизованном бюджетном и децентрализованном предпринимательском, инструментами управления которыми служат соответственно программы исследований и программы индустриализации, в то время как методы регулирования могут пересекаться. Как видно из табл. 2, наибольшие финансовые ресурсы аккумулируются в рамках программы «Факел», направленной на поддержку научных парков по всей территории страны. Здесь же образуется большая часть прибыли и налоговых поступлений от реализации ИП. Важно, что при этом прямые бюджетные расходы государства на реализацию программы «Факел» относительно невелики.

Основной объем средств на цели капвложений и инвестиций в нематериальные активы аккумулируется из вложений предприятий, поддерживаемых налоговыми льготами и иным непрямым регулированием. Но наибольший вклад в производство нового кодифицированного знания в терминах статей и патентов обеспечивают госпрограммы исследований, изначально ориентированные на получение крупных научных результатов и обеспечение технологических прорывов.

Таблица 3

Структура ассигнований центрального правительства на НТД, %

	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005
<i>Программы фундаментальных исследований</i>									
"Ключевые технологии"	31,0	38,3	26,5	22,6	20,2	19,1	21,1	22,4	20,8
Нац. фонд естеств наук	44,8	32,8	24,6	28,1	30,3	35,3	34,7	34,5	38,3
Гос. прогр. фундам. иссл. ("973")	—	11,1	9,1	10,9	11,4	12,5	13,6	13,8	14,2
"Ключевая" прогр. фундам. иссл.	4,1	2,6	1,7	1,7	1,4	1,4	0,8	0,8	0,7
<i>Программы обеспечения условий для исследований и разработок</i>									
Гос. прогр. стр-ва ключев. лаборат.	3,7	4,6	2,4	2,7	2,5	2,3	2,2	2,0	2,1
Гос. инженерно-иссл. центры	2,3	1,5	0,9	0,9	1,0	0,9	0,8	1,3	0,9
"Науч. и технич. фундам. работы"	—	—	3,0	3,3	3,8	3,6	3,4	3,1	—
Спец. иссл. проек. социал. назнач.	—	—	—	2,8	2,9	2,7	2,6	2,7	2,5
<i>Программы обеспечения условий для научно-технологической индустриализации</i>									
"Искра"	2,2	1,4	0,9	0,9	1,9	1,8	1,7	1,6	1,7
"Факел"	2,9	1,9	1,2	1,1	1,0	0,9	0,8	0,8	0,7
"Распростр. научно-технол. достиж"	1,2	0,8	0,5	0,4	0,4	0,4	0,3	0,4	0,3
"Новые отечественные товары"	7,8	5,0	3,2	3,1	2,7	2,5	2,4	2,1	2,0
Иннов. фонд малых технол. фирм	—	—	22,7	17,5	9,5	9,0	8,5	7,7	8,5
Фонд трансфера сельхозтехнологий	—	—	—	—	7,6	3,6	3,4	3,8	4,3
Торг. рез-татами науч-технол. деят.	—	—	—	0,4	0,4	0,4	0,3	0,3	0,3
Пр-кты технол. развнт для НИИ	—	—	3,3	3,6	3,0	3,6	3,4	2,7	2,7
ВСЕГО	100	100	100	100	100	100	100	100	100

Источник: рассчитано по China Statistical Yearbook on Science and Technology — 2006

В табл. 3 приведена структура госрасходов центрального правительства по финансированию важнейших научно-технологических программ в части НТД в течение

1997–2005 гг. Несмотря на увеличение к концу периода числа финансируемых государством программ, программа «Ключевые технологии» и программы фундаментальных исследований (ПФИ) аккумулировали в 2005 г. 74% государственных средств. По институционально-отраслевой структуре расходов на эти программы можно судить о роли прямых расходов на реализацию ИП в экономике пореформенного Китая. Отметим, что приведенная структура госрасходов отражает лишь небольшую часть реальных затрат по исследовательским и внедренческим проектам в рамках данных программ. Так, например, по программе «Ключевые технологии» ассигнования центрального правительства на НИД составляли в 2005 г. лишь 7,7% от совокупных расходов, всего же государственные расходы покрыли 23,8% расходов в рамках программы (остальное — за счет собственных средств предприятий и иных источников)²⁰.

Таблица 4

Структура совокупных затрат по проектам важнейших программ исследований Китая в 2005 г., %

Направления исследований	Затраты капитала			Затраты труда (в FTE)		
	ПФИ	«863»	«Ключевые технологии»	ПФИ	«863»	«Ключевые технологии»
Развитие сельского, лесного хозяйства и рыбоводства	13,3	8,4	9,9	9,3	14,2	29,7
Стимулирование развития промышленности и технологий	16,3	44,3	67,4	16,2	31,7	21,2
Производство и рациональное использование энергии	11,2	11,4	3,4	11,4	7,3	5,7
Развитие инфраструктуры	2,8	6,8	2,5	3,3	6,9	6,0
Контроль за состоянием окружающей среды	7,2	4,3	2,2	8,5	6,0	3,2
Здравоохранение	20,1	11,1	7,8	16,1	16,0	19,4
Социальное развитие и услуги	3,4	7,3	6,0	3,7	7,6	10,1
Разведка и использование недр и атмосферы	5,3	1,0	0,3	7,6	2,3	2,8
Общие научные изыскания	20,4	1,7	0,2	24,1	2,9	1,3
Гражданское освоение космоса	0,01	0,8	0,2	0,1	0,7	0,3
Оборонные отрасли	-	2,8	0,1	0,02	4,3	0,3
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Примечание: ПФИ — программы фундаментальных исследований (Национальный фонд естественных наук, «973», Ключевая программа фундаментальных исследований); «863» — основная программа прикладных исследований Китая.

FTE — Full time equivalent.

Источник: рассчитано по China Statistical Yearbook on Science and Technology — 2006.

Три четверти средств по проектам осваивается на промышленных предприятиях и только четверть — в вузах и НИИ, что и объясняет покрытие госбюджетом четвертой доли совокупных расходов. Несмотря на включенность в общую программу исследований, в финансовом отношении институциональные сектора продолжают оставаться в значительной степени изолированными друг от друга. Отраслевое распределение государственных ассигнований может существенно меняться каждый год в зависимости от текущих задач социально-экономического развития²¹. Таким образом, как инструмент государственного регулирования, программы научных исследований Китая обладают гибкостью.

В то же время отраслевые приоритеты распределения совокупных затрат по проектам — принципиально иные. Более 67% капитальных затрат программы «Ключевые технологии» в 2005 г. было осуществлено на стимулирование развития промышленности и технологий, в том числе отраслей высоких технологий (Табл. 4).

По затратам труда, как и в случае с государственными ассигнованиями на НТД, наибольший удельный вес (около 30%) занимает сельское хозяйство. Таким образом, можно предположить, что смещение финансовых ресурсов программы в пользу сельского хозяйства обусловлено социальной и технологической задачей поощрения и закрепления специалистов-аграриев в сфере научных исследований и разработок. По Программам фундаментальных исследований (ПФИ) государственные ассигнования покрывают около 100% проектных расходов. Распределение затрат труда и капитала по направлениям исследований ПФИ практически совпадают. Свыше 20% затрат ПФИ направлены на несвязанные с конкретным видом деятельности научные изыскания, еще около 20% — на развитие здравоохранения, 7–8% на природоохранные исследования и чуть более 3% — на социальное развитие. Согласно этим показателям, не менее половины госзатрат по фундаментальным исследованиям в КНР преследуют исключительно социальные цели и не предполагают скорой экономической отдачи. Исследовательские расходы коммерческих предприятий по данным направлениям заведомо меньше общественно приемлемого уровня, что обуславливает актуальность централизованного государственного финансирования социальных исследований.

В феврале 2006 г. китайское правительство издало Национальное руководство средне- и долгосрочного планирования научно-технологического развития, определившее направления государственной поддержки науки и технологий на последующие 15 лет. Согласно этому документу, к 2020 г. минимальный уровень затрат на исследования и разработки в целом по экономике страны должен составить 2,5% ВВП (текущий уровень — 1,5–1,6%), вклад научно-технологической составляющей в увеличение ВВП — 60% (30–35% соответственно), а зависимость от иностранных технологий (максимальный уровень) — не более 30% (40–50%). Кроме того, ожидается, что Китай станет пятой в мире страной по выпуску формализованного научного знания в виде патентов и статей²².

Резюмируя, отметим, что реализация амбициозных стратегических целей требует от китайского руководства преодоления двух важнейших ограничений качественно-количественного характера, преследующих страну на протяжении всей новейшей истории. К таковым, как было показано выше, относятся довольно низкая инновационная восприимчивость национальной экономики, обусловленная сохраняющейся изолированностью институциональных секторов друг от друга, а также общие значительные трудности в осуществлении фундаментальных исследований на передовых рубежах науки и технологий, продуцировании научных результатов мирового уровня. Нет сомнения, что решение этих проблем будет сопряжено с очередным изменением структуры затрат на научно-технологическую и инновационную деятельность, в том числе — государственных.

1. *Deng Xiaoping*. Priority Should Be Given To Scientific Research (26 September 1975). — <http://english.peopledaily.com.cn/dengxp/vol2/text/b1080.html>; *Deng Xiaoping*. Speech at the Opening Ceremony of the National Conference on Science (18 March 1978). — <http://english.peopledaily.com.cn/dengxp/vol2/text/b1170.html>; *Deng Xiaoping*. “The reform of the system for managing science and technology is designed to liberate the productive forces (7 March 1985), <http://english.peopledaily.com.cn/dengxp/vol3/text/c1340.html>; *Chang M.* The Thought of Deng Xiaoping // *Communist and Post-Communist Studies*. 1996. Vol. 29, No. 4. P. 377–394.
2. OECD Reviews of Innovation Policies: China. OECD, 2008. P. 381; *Cao C.* Strengthening China Through Science and Education: China’s Development Strategy toward the twenty-first century // *Issues & Studies*. 2002. Vol. 38, No. 3. P. 122–149; *Huang C.* et al Organization, Programme and Struc-

- ture: An Analysis of the Chinese Innovation Policy Framework // *R&D Management*. 2004. Vol. 34, No. 4. P. 367–387.
3. Названия этапов инновационной политики КНР здесь и далее приведены на основе OECD *Reviews of Innovation Policies: China*. OECD, 2008. P. 72.
 4. Две основные формы трансфера технологий в дореформенный период — инженерный анализ готовых научно-технических результатов и имитация машин и оборудования с небольшими усовершенствованиями за счёт применения технических решений, воплощённых в технологической документации. *Иванчиков А. Г.* Теоретические и практические аспекты привлечения иностранной технологии в КНР. М., 1991. С. 56.
 5. *Иванчиков А. Г.* Теоретические и практические аспекты привлечения иностранной технологии в КНР. М., 1991. С. 94.
 6. OECD *Reviews of Innovation Policies: China*. OECD, 2008. P. 72.
 7. *Conroy R.* China's Local Scientific Research Sector: It's Role, Impact and Future Prospects // *The Australian Journal Of Chinese Affairs*. 1982. No. 7. P. 85–118; *Xue L.* A historical perspective of China's innovation system reform: a case study // *Journal of Engineering Technology Management*. 1997. No. 14. P. 67–81; *Yuan W.* China's Government R&D Institutes: Changes and Associated Issues // *Science Technology Society*. 2005. Vol. 10, No. 11. P. 11–29.
 8. *Yuan W.* China's Government R&D Institutes: Changes and Associated Issues // *Science Technology Society*. 2005. Vol. 10, No. 11. P. 11–29.
 9. *Hong W.* Decline of the center: The decentralizing process of knowledge transfer of Chinese universities from 1985 to 2004 // *Research Policy*. 2008. Vol. 37. P. 580–595.
 10. *Qin S.* High-Tech Industrialization in China: An Analysis of the Current Status // *Asian Survey*. 1992. Vol. 32, No. 12. P. 1124–1136.
 11. *Wu Z.* How Successful Has State-Owned Enterprise Reform Been in China? // *Europe-Asia Studies*. 1997. Vol. 49, No. 7. P. 1239.
 12. *Sheng J., Li B., Miao J.* Investment in China. Opportunities in Private Equity and Venture Capital. Beijing, 2003. P. 286.
 13. *Rongping M., Zhongbao R.* Technology Foresight towards 2020 in China: the Practice and its Impacts // *Technology Analysis & Strategic Management*. 2008. Vol. 20, Issue 3. P. 287–307.
 14. Включены расходы на поддержку науки и технологий, текущие научно-технологические расходы и капитальное строительство научных институтов. Рассчитано по China Statistical UN Statistical Database. July 2009; China Statistical Yearbook on Science and Technology 2007.
 15. Рост удельного веса государственных расходов в ВВП Китая после 1996 г. связывается с налоговыми и бюджетными реформами середины 1990-х гг., обусловившими увеличение финансовых возможностей центрального правительства. См., напр., *Wang S.* China's 1994 Fiscal Reform: An Initial Assessment // *Asian Survey*. 1997. Vol. 37, No. 9. P. 801–817; *Zhang L.-Y.* Chinese Central — Provincial Fiscal Relationships, Budgetary Decline and the Impact of the 1994 Fiscal Reform: An Evaluation // *The China Quarterly*. 1999. No. 157. P. 115–141.
 16. *China's Industrial Subsidies Study: High Technology / Trade Lawyers Advisory Group*. Vol. 1: Report. 2007. P. 37.
 17. *Ibid.* P. 53.
 18. *Jefferson G., Jian S., Yuan J., Xinhua Y.* China's Shareholding Reform: Effects on Enterprise Performance / reality Check: The Distributional Impact of Privatization in Developing Countries. 2005.
 19. Авиакосмическая, производство программного обеспечения, новые материалы, электронно-телекоммуникационная, медико-фармацевтическая, сельскохозяйственные технологии, точное приборостроение и нефтехимическая.
 20. *China Statistical Yearbook on Science and Technology* — 2006.
 21. Если в 1998 г. 67,5% госассигнований на НТД по программе «Ключевые технологии» было направлено в отрасли высоких технологий, то в 2004 г. на них пришлось уже 20,5% ассигнований, а в 2005 г. финансирование этих отраслей в рамках программы прекратилось, в пользу сельского хозяйства и биотехнологий (71,9% ассигнований).
 22. *Хейфец Б., Селихов Д.* Китай: инновационное развитие в условиях кризиса // *Проблемы Дальнего Востока*. 2010. № 1. С. 48–49.

Узбекистан и КНР: сотрудничество в развитии информационно-коммуникационных технологий

© 2010

Э. Махмудов, Чэнь Юнган

В статье рассматриваются современные тенденции развития торгово-экономических и инвестиционных взаимоотношений между Узбекистаном и Китаем. Анализируются роль сектора информационно-коммуникационных технологий в мировой экономике, опыт развития этой высокотехнологичной сферы в Китае, кооперация Узбекистана и КНР в этой области.

Ключевые слова: Узбекистан, Китай, торгово-экономические отношения, прямые китайские инвестиции, информационно-коммуникационные технологии.

Узбекско-китайские отношения уходят своими истоками в далекое прошлое, когда успешно развивались торгово-экономические взаимосвязи через Великий шелковый путь. Китай одним из первых признал суверенитет Республики Узбекистан. Межгосударственные, дипломатические отношения между нашими странами были установлены 2 января 1992 г. С того времени между ними непрерывно расширяется равноправное и взаимовыгодное сотрудничество.

Стратегическое партнерство Узбекистана с Китаем закреплено рядом межгосударственных и иных документов. Так, в 1992 г. было подписано соглашение о создании межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, установлен режим наибольшего благоприятствования: в 1994 г. — декларация об основных принципах развития и углубления двустороннего взаимовыгодного сотрудничества; в 1999 г. — договор о дальнейшем развитии дружбы и сотрудничества и др.

Всего на 2009 г. договорно-правовую базу между нашими странами составляло 168 подписанных соглашений, что, в свою очередь, дает дополнительный импульс углублению интеграционных процессов во всех сферах. Одним из ключевых индикаторов в оценке эффективности кооперации между КНР и Республикой Узбекистан является показатель товарооборота. Китаю принадлежит одно из ведущих мест среди торговых партнеров Узбекистана. За период 1992–2009 гг. ускоренными темпами рос товарооборот (среднегодовые темпы приближались к 24%). Пик наблюдался в новом тысячелетии: так, за 2000–2009 гг. аналогичный показатель составил 50%. В 2009 г. торговый оборот КНР с Республикой Узбекистан достиг рубежа в 1,9 млрд долл. (в 1992 г. — лишь 52,5 млн долл. С 1992 по 2009 гг. объемы китайского экспорта в Узбекистан увеличились в 41 раз, импорт — в 27 раз.

Процесс развития китайско-узбекских торгово-экономических отношений можно, на наш взгляд, разделить на три периода. Первый охватывает 1990–2001 гг. — этап становления. Второй (2002–2005 гг.) характеризуется активизацией торговых отношений в результате вступления обеих стран в 2001 г. в Шанхайскую организацию сотрудничества. В третьем периоде (с 2006 г. по настоящее время) прослеживается динамичный рост торговли, что связано, в частности, с подписанием соглашения между Экспортно-

Махмудов Эльёр Азимович, аспирант и преподаватель кафедры «Китаеведение и корееведение» Ташкентского государственного института востоковедения. E-mail: emakhmudov@gmail.com.

Чэнь Юнган, первый секретарь Торгово-экономического представительства Посольства КНР в Республике Узбекистан. Тел. 998 (71) 267-88-21.

импортным банком Китая и Национальным банком внешнеэкономической деятельности Узбекистана (2005 г.). В соответствии с ним Китай начал осуществлять программу экспортного кредитования, предоставляя целевые кредиты для закупки китайских товаров.

Потребности и потенциальные возможности экономик двух стран обусловили специфику двустороннего сотрудничества. По данным Торгово-экономического представительства Посольства КНР в Республике Узбекистан в 2006–2009 гг. структура взаимного товарооборота выглядела следующим образом: в китайском экспорте машины и оборудование занимают свыше 50%, электроника и продукция высоких технологий около 30%, т.е. среди поставляемых в Узбекистан китайских товаров преобладает продукция высокой и средней наукоемкости. С учетом проводимого в Узбекистане курса на диверсификацию и модернизацию экономики, на техническое и технологическое перевооружение производства — эта тенденция может расцениваться как положительная. Основные статьи узбекского экспорта в Китай: хлопковое волокно, за аналогичный период занимавший 60–80%, нефтепродукты — около 10%, цветные металлы — 6% и др. Т.е., пока преобладают сырье и энергоресурсы. Аналогичный тренд в торговле с Китаем присущ всем государствам Центральной Азии. Данный фактор — ключевой в росте дефицита торгового баланса Узбекистана в торговле с КНР. Но и КНР в отдельные годы имела отрицательный торговый баланс, что объяснялось, прежде всего, ростом мировых цен на основную экспортируемую Узбекистаном продукцию.

С учетом активизации интереса КНР к Узбекистану ожидается дальнейший рост двусторонней торговли. Импорт китайских товаров Узбекистаном будет динамично расти. Одним из возможных путей выравнивания сложившейся диспропорции может, на наш взгляд, стать широкое привлечение китайских инвестиций для создания СП и предприятий со 100-процентным китайским участием. При этом, по опыту КНР целесообразно увеличивать инвестиции на производство высокотехнологичных товаров и услуг. За счет организации выпуска с участием китайских партнеров конкурентоспособных узбекских товаров возможно сократить высокотехнологичный импорт.

Важный критерий оценки двусторонних экономических отношений: показатель кооперации узбекских и китайских предприятий. Это направление активно поддерживается лидерами обеих государств. По словам председателя КНР Ху Цзиньтао, «Китай приветствует активные торговые и инвестиционные контакты и сотрудничество предприятий Китая и Узбекистана»¹. Особое внимание этому уделяет лидер Узбекистана И. Каримов. Так, в ходе своего визита в КНР (2005 г.) он встречался с ее ведущими бизнесменами, которые были ознакомлены с возможностями и условиями, создаваемыми в его стране для иностранных инвесторов. Отметим, что в целях повышения осведомленности об Узбекистане и интереса деловых кругов КНР к растущему узбекскому рынку такие бизнес-семинары проводятся Посольством Узбекистана в КНР регулярно².

На начало 2009 г. в Узбекистане уже числилось 223 предприятия с участием китайских инвестиций, в том числе 180 СП и 43 предприятия со 100-процентным участием китайского капитала. Получили аккредитацию 44 представительства китайских компаний (для сравнения, в 2007 г. были аккредитованы 26 представительств китайских компаний, с участием китайских инвестиций действовало 136 предприятий, из них 105 СП и 31 — со 100-процентным китайским капиталом. Т.е. за небольшой период времени данный показатель почти удвоился. Эти предприятия преимущественно производят продукцию легкой промышленности, перерабатывают сельхозпродукцию, оказывают посреднические услуги. Деятельность представительств, в основном, концентрируется на проведении экспортно-импортных операций в текстильной и информационно-коммуникационной сферах.

В 1990-х гг. присутствие китайских инвесторов на рынке Узбекистана было незначительным, что сохранялось вплоть до 2006 г. Однако в последние годы ситуация кардинально изменилась, Китай становится все более заметным зарубежным инвестором в экономику Узбекистана. Прежде всего, это обусловлено тем, что в последние годы по-

литика КНР ориентирована на широкое освоение мировых рынков, поглощение и приобретение зарубежных предприятий. Можно ожидать, что при сохранении этого тренда КНР станет в ближайшие годы ведущим экспортером капитала в Узбекистан. Только за 2006–2008 гг. объем китайских прямых инвестиций в экономику Узбекистана увеличился в 37 раз и составив около 40 млн долл. Несмотря на мировой финансово-экономический кризис пик китайских инвестиций в экономику Узбекистана пришелся именно на 2008 г. Прирост китайских капиталовложений составил около 200% по сравнению с 2007 г. Динамика роста китайских инвестиций свидетельствует об устойчивости узбекской экономики к внешним угрозам — таким, в частности, как глобальный финансовый кризис, а также о доверии к социально-экономической политике Узбекистана. Подтверждением тому — заявление исполнительных директоров МВФ, посетивших Узбекистан в октябре 2009 г. «Узбекистан, — отметили они, — проявил значительную устойчивость к воздействию мирового экономического кризиса в результате осмотрительной политики, позволившей правительству накопить значительные ресурсы, необходимые для обеспечения роста в этот период, и противостоять кризису»³.

По глубокому убеждению авторов данной статьи, общее для Узбекистана и Китая в условиях финансового кризиса — то, что оба государства пострадали от него в меньшей степени, прежде всего, благодаря осмотрительной докризисной политике и продуманным антикризисным мерам, принятым правительствами обеих стран.

Активизация китайских инвесторов на рынке Узбекистана — безусловно, положительный фактор, и эта тенденция будет нарастать. Данный процесс проходит в русле общего для Китая тренда: в последнее время он стал превращаться из чистого реципиента инвестиционных ресурсов в крупного экспортера капитала. Так, в 2009 г. объем прямых китайских инвестиций за рубеж достиг 43 млрд долл. (прирост составил 6,5%). При этом экспортируемый китайский капитал как по своей концентрации, так и по местам вложения значительно диверсифицирован. До недавних пор отчетливо прослеживалось стремление КНР направлять капитал преимущественно в добывающие отрасли развивающихся стран. Однако в последние годы в ее политике обозначились поощрение и поддержка китайских инвестиций в высокотехнологичную сферу с более высокой добавленной стоимостью. Цель этой политики — приобрести к глобальным знаниям, чтобы обеспечить с опорой на самостоятельную инновационную значительный прорыв в области высоких технологий. В частности, в последние годы отмечается поступательное движение китайских высокотехнологичных компаний по пути создания своих НИОКР — центров как в развитых, так и в развивающихся странах. Казалось бы, «движение на Запад» весьма затратно, поскольку теряются конкурентные преимущества в виде дешевизны китайской рабочей силы. Однако в долгосрочном плане это очень выгодно: китайские компании получают возможность быть ближе к местному рынку и технологиям, научным открытиям. А при направлении инвестиций «от развивающихся к развивающимся» китайские капиталовложения концентрируются в тех регионах, где налицо крепкий научно-технический потенциал, способный генерировать новые знания, улучшать качественные характеристики существующих технологий, адаптировать технологии к местным условиям и т.д. На наш взгляд, одно из ключевых достоинств этого направления (кроме доступа к интеллектуальным ресурсам с низкой оплатой труда) — то, что Китай укрепляет свои позиции на перспективно растущих рынках.

Китайские инвестиции в экономику Узбекистана в меньшей степени направлены на высокотехнологичные производства и услуги, включая НИОКР-центры. На этом заострил свое внимание президент Узбекистана И. Каримов в интервью корреспонденту газеты «Жэньминь Жибао». Он отметил, что в наших двусторонних отношениях необходимо несколько изменить структуру экономического взаимодействия, чтобы преобладала высокотехнологичная индустриальная сфера, создать «высокотехнологичные парки», где осуществлялось бы непосредственное участие китайского капитала⁴.

Кстати, такая кооперация широко практикуется в мире — в том числе, и в КНР. Так, технопарк Даляня развивался при содействии правительства Японии, спонсировавшего строительство основных инфраструктурных объектов; промышленный парк Сучжоу был создан в сотрудничестве с правительством Сингапура; при взаимодействии с правительством Германии создается технопарк в Тяньцзине. Да и в Узбекистане в настоящее время осуществляются при поддержке Республики Корея работы по созданию в Навоийской области свободной индустриально-экономической зоны. С Китаем такое партнерство тоже могло бы установиться, так как он уже накопил большой опыт управления высокотехнологичными зонами⁵.

Одним из таких перспективных направлений сотрудничества в области развития высоких технологий могут стать информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), стоящие в авангарде мировой торговли товарами и услугами, составляя значительную ее часть. Так, доля товаров ИКТ составляет в мировой торговле товарами 13,3% (2007 г.). Для сравнения, на сельхозпродукцию приходится 8,3%, автомобильную — 9%. Доля ИКТ в мировом экспорте услуг — 48%⁶. Мировые расходы на товары и услуги ИКТ составляют 3,4 трлн долл., или 6,5% мирового ВВП⁷. Данный сектор является и одним из наиболее инновационных, поскольку его затраты на НИР превышают все остальные сектора мировой экономики. Так, по данным ОЭСР затраты на ИКТ НИОКР в развитых странах — в 2,5 раза выше, чем в автомобилестроении и втрое превышают фармацевтический сектор. При этом исследования, связанные с ИКТ, становятся решающим фактором в технологических разработках, инновациях и увеличении дохода в прочих секторах экономики. В большинстве развитых государств около 25% от суммарных инвестиций в НИР ИКТ приходится на долю предприятий, не входящих в сектор ИКТ (в частности, транспорт, финансы и страхование, недвижимость, строительство и пр.). Стоит особо отметить, что в таких отраслях, как космонавтика, оборонная и авиационная промышленность, автоматика и робототехника и пр. на ИКТ НИР также инвестируются значительные средства, но их объемы трудно определить ввиду отсутствия открытых статистических данных. Следовательно, инвестиции в научные исследования и разработки в области ИКТ становятся неотъемлемым элементом конкурентоспособности продукции выпускаемой другими, не связанными с ИКТ секторами экономики. Все это свидетельствует о динамизме развития данного сектора, и Китаю в этом процессе принадлежит особая роль. Он является одной из ведущих держав в производстве и экспорте продуктов ИКТ, входит в первую десятку ведущих экспортеров данных услуг, став одним из лидеров среди развивающихся стран. Следовательно, перспективы для сотрудничества в этой сфере очевидны и могут быть разноплановыми, включая в себя организацию совместного производства продуктов инновационной направленности. В том числе, Узбекистан может выступить оффшорной зоной для услуг ИКТ из Китая (включая особые административные районы Сянган и Макао), а также, с учетом научно-технического потенциала нашей республики, она в перспективе может стать новой зоной для китайских НИОКР-центров.

Для изменения структуры инвестиций, в которой преобладали бы капиталовложения, направленные на производство товаров и услуг ИКТ, следует возвести их развитие в ранг государственной политики и приоритета⁸, повысить привлекательность узбекского рынка. Опыт Китая свидетельствует, что для развития этого высокотехнологичного сектора государственная поддержка стала решающей. Американский ученый Д. Льюис⁹ отмечает, что власти КНР предоставляли большой набор стимулов и льгот для иностранных ИКТ компаний, которому могли бы позавидовать любой американский штат или любая европейская нация. С начала 1980-х гг. Китай активно предоставляет для ИКТ предприятий значительную поддержку в рамках инвестиционных зон¹⁰. А с 2000 г. государство реализует программу «Документ 18», направленную на поощрение и развитие индустрий программного обеспечения и ИТ услуг, электронных компонентов. Основным мотивом для принятия этого документа послужило то, что Китай отставал в развитии

этих сфер по сравнению с другими быстро прогрессирующими подсекторами ИКТ. Согласно «Документу 18» предусматривается всемерная поддержка со стороны государства в области инвестиций и аккумуляции средств, налогообложения, а также роста компаний, специализирующихся в этих сегментах. Для этих предприятий предусматриваются следующие льготы: налог на добавленную стоимость (НДС) ограничивается тремя процентами при его полном возврате для НИР; освобождение от подоходного налога сроком на 2 года, причем в последующие 3–4 года уплачивается только его половина (начиная с первого года рентабельности); освобождение от пошлин на импортируемые технологии и оборудование; право на прямой экспорт для предприятий, чей доход превышает 1 млн долл.; право устанавливать уровень заработной платы и предоставления премий работникам. В рамках этой Программы предусматривается и проведение крупномасштабных проектов. В том числе поддержка инновационных предприятий с высоким уровнем продаж посредством особой для них государственной политики. В частности, этим предприятиям оказывается предпочтение при госзакупках, им предоставляется финансовая поддержка и др. Большая роль в данном процессе принадлежит и местным властям, которые конкурируют между собой за привлечение инвестиций. К примеру, правительство Пекина реализует политику «Шанхай+1», в рамках которой добавляет 1 год ко всем льготам, предоставляемым властями Шанхая.

Пока что сотрудничество в области ИКТ между нашими странами развивается нескоро. На это указывал 2005 г. и экс-советник по торгово-экономическим вопросам посольства КНР в Узбекистане Чжан Ди, отметивший: «Успешное развитие экономических отношений между нашими странами не всегда подкрепляется научно-техническим сотрудничеством. Так как Узбекистан имеет большой потенциал в сфере науки и техники, убежден, что в ближайшем будущем наше плодотворное взаимодействие в данной области приведет к прогрессу в информационно-коммуникационных технологиях, а также к интеграции научно-технического потенциала наших государств»¹¹. И действительно, в последние годы наблюдается активизация связей министерств и ведомств обоих государств и кооперация в научно-технической и информационно-коммуникационной сферах. Первым межправительственным документом в сфере ИКТ, (подписанным еще КНР 1999 г.), было Соглашение о сотрудничестве в области почты и телекоммуникаций. В нем были определены следующие ключевые направления сотрудничества:

- создание сети по предоставлению услуг экспресс почты;
- улучшение услуг почты путем осуществления обмена почтовыми отправлениями по самым коротким и удобным маршрутам;
- предоставление друг другу услуг местной и международной экстренной почты и обмена денежными переводами;
- направление друг другу своих специалистов для обмена опытом;
- создание китайской стороной необходимых условий для обучения в своих ВУЗах узбекских специалистов в области телекоммуникаций;
- организация СП по производству телекоммуникационного оборудования.

В 2005 г. на основах этого документа было подписано Соглашение между Узбекским Агентством связи и информатизации и Министерством информационной индустрии Китая в области связи и информационных технологий. В его рамках предусмотрено:

- поддержка сторон в укреплении практических связей между предприятиями ИКТ двух стран, а также разработка и производство ИКТ оборудования;
- поддержка ИКТ предприятий, вплоть до разрешения препятствующих проблем их развития, а также помощь вхождению предприятий данного сектора на национальные рынки;
- реализация совместных проектов для успешного развития ИКТ и тесное научно-техническое сотрудничество.

В соответствии с подписанными Соглашениями на рынок Узбекистана вошли крупнейшие китайские ИКТ компании — Huawei, ZTE, Alcatel Shanghai Bell, подписавшие

Меморандумы о взаимопонимании (МОВ) по сотрудничеству с Узбекским агентством связи и информатизации (УзАСИ). Отметим, что данные компании с момента основания своих представительств в Ташкенте успешно функционируют на рынке Узбекистана, поставляя современные телекоммуникационные решения и оборудование для структурных подразделений УзАСИ и сотовых компаний. Однако на сегодня их деятельность на рынке Узбекистана все еще ограничена рамками торговых поставок и в меньшей степени направлена на расширение производственного потенциала национальной экономики Узбекистана.

Согласно МОВ, подписанным между Huawei и УзАСИ в 2005 г., предполагалось осуществить две главные задачи:

- создать крупнейший в Средней Азии Центр обучения специалистов по современным телекоммуникациям и поддержки строительства сетей связи;
- реализовать проект по созданию совместного предприятия по производству мобильных терминалов.

Первую из этих задач успешно решила компания Huawei: был создан крупнейший в Средней Азии центр, где по несколько раз в год проводится с участием ученых из Китая, России и других стран обучение специалистов структурных подразделений УзАСИ и республиканских сотовых операторов. Но вторая из указанных масштабных задач не смогла воплотиться в реальный большой проект, хотя в 2005 г. с обеих сторон велись в этом направлении конкретные работы. Официальный представитель компании Huawei указывает на две главные причины¹², препятствовавшие становлению этого многообещающего совместного производства. Во-первых, имели место сложности в открытии СП. Процесс его регистрации занимал долгое время — около 2 месяцев; для сравнения, в КНР для этого требуется 1 месяц (в инвестиционных зонах — всего лишь неделя). Для запуска производства мобильных терминалов линия по их производству должна обновляться ежегодно ввиду быстрого устаревания технологий. Следовательно, каждый год при завозе новой линии по производству мобильных терминалов предприятие сталкивалось бы с одной и той же проблемой: растаможкой и регистрацией оборудования, занимающими несколько месяцев. Таким образом, предприятие регулярно сталкивалось бы с потерями времени и денег, что негативно сказывалось бы на рентабельности. Другой причиной стало то, что производство в Узбекистане мобильных телефонов зависит, прежде всего, от импортных запчастей ввиду отсутствия соответствующих поставщиков на внутреннем рынке. В свою очередь, таможенные пошлины и НДС на импортируемые запчасти делают выпуск мобильных терминалов в республике высоко затратным и не способным конкурировать по цене с аналогичными продуктами, завозимыми из за рубежа (которые не всегда поступают легально)¹³.

Согласно МОВ, подписанным между ZTE и УзАСИ (2005 г.) планировалось также создать один из крупнейших в Центральной Азии СП по производству мобильных терминалов. Экс-глава Представительства корпорации ZTE в Узбекистане Ню Хуйчжи отмечает: «Узбекистан имеет огромный потенциал в области ИКТ, но для его раскрытия надо шире привлекать иностранные инвестиции, сделать ИКТ еще более доступным населению, создавать высокотехнологичное производство на территории Республики путем создания СП»¹⁴. Безусловно, локализация высокотехнологичных производств есть главный фактор, способствующий большей доступности технологий населению. Однако данный проект столкнулся с теми же трудностями и не был реализован¹⁵. Тем не менее, компания ZTE продолжает наращивать свое присутствие на местном рынке. Подтверждение тому — образованное ее представительством ZTE Investment, на 100-процентно собственном капитале.

Другое китайское предприятие Alcatel Shanghai Bell планировало создать в соответствии с МОВ, подписанным с УзАСИ (2005 г.), один из крупнейших в Центральной Азии СП по разработке программного обеспечения для предоставления современных услуг в сетях телекоммуникаций Узбекистана. Данный проект пока не реализован. Как отмечает представитель компании¹⁶, налаживание данного совместного производства в на-

стоящее время недостаточно рентабельно по двум основным причинам. Первая — отсутствие достаточных льгот, ввиду чего для компании выгоднее осуществлять свою операционную деятельность на территории КНР. Во-вторых, пока что невысоок спрос бизнес-сообщества на оригинальные программные продукты. В настоящее время компанией рассматриваются перспективы расширения на рынке Узбекистана деятельности по предоставлению инженерных услуг. Хотя штат представительства Alcatel Shanghai Bell в Узбекистане составляет лишь около 20 чел. (для сравнения, в двух других китайских компаниях — Huawei и ZTE — насчитывается по 150–200 чел.), диапазон его деятельности значительно диверсифицирован. Наряду с поставкой телекоммуникационного оборудования и строительства в Узбекистане телекоммуникационных сетей, эта компания активно участвует и в проектах по установке ТВ, радиопередатчиков и приема передающей станции, что позволяет охватить отдаленные, трудно доступные сельские местности: ею также завершено строительство телекоммуникационной сети газового трубопровода (для узбекско-китайского СП Asia Trans Gas) и др.

Еще одним направлением сотрудничества в долгосрочной перспективе может стать учреждение в Узбекистане китайских НИОКР-центров в области ИКТ. Для этого налицо прочный фундамент — в частности, известные узбекские физико-математическая и кибернетическая научные школы. Однако с учетом того, что технологии, особенно ИКТ, развиваются беспрецедентными темпами и такими же темпами («успевают» устаревать), необходима подготовка высококвалифицированных специалистов, которые могли бы генерировать новые знания, а также укреплять авторитет Узбекистана как страны, базирующейся на интеллектуальной экономике. Китайские ИКТ компании, присутствующие на рынке Узбекистана, отмечают необходимость более высокой подготовки высококвалифицированных специалистов — ими пока еще не рассматриваются перспективы создания здесь НИОКР-центров. По нашему мнению, для повышения интереса китайских ИКТ компаний к Узбекистану целесообразно создавать филиалы ведущих китайских ВУЗов¹⁷ (к примеру, Цинхуа и Пекинского университета), где занятия проводились бы на китайском языке, и обучающиеся могли бы получать современные знания и проходить стажировку в университетских технопарках (в КНР) и в технологических инкубаторах. В большинстве крупных китайских ИКТ компаний имеются свои университеты. В частности, сотрудницы компаний Huawei, ZTE и Alcatel Shanghai Bell проходят повышение квалификации в области ИКТ и обучаются в докторантуре при своих университетах. На сегодня филиалы университетов компаний Huawei, ZTE в СНГ существуют лишь в Российской Федерации. Филиалы университетов могут быть образованы и в Узбекистане, что способствовало бы, с одной стороны, их интеграции с Ташкентским университетом информационных технологий, Институтом математики и информационных технологий АНРУз и др. в области образовательных и исследовательских программ, а с другой стороны — росту китайскоязычных специалистов в области ИКТ, что в свою очередь способствовало бы становлению Узбекистана в качестве оффшорной зоны для китайских телекоммуникационных, компьютерных и информационных услуг и ИКТ товаров. Предпосылки для этого есть. Так, организация ЮНКТАД указывает¹⁸, что в ближайшие годы китайские ИКТ компании будут увеличивать размещаемые ими заказы на поставки в других точках в развивающихся странах. В КНР под влиянием мирового финансового кризиса был принят на период 2009–2011 гг. план поддержки сектора ИКТ. Одна из ключевых задач согласно этому плану — поддержка отечественных производителей ИКТ, создание для них условий выхода на новые рынки и возможности поглощать зарубежные предприятия. Следовательно, для расширения своего присутствия на мировых рынках китайские хай-тек компании будут переносить свою деятельность в те районы мира, где им предлагаются лучшие условия.

Сегодня для Узбекистана, активно притворяющего в жизнь политику диверсификации и модернизации национальной экономики, технического и технологического перевооружения производств, развития современных отраслей, особо важным становится создание привлекательного инвестиционного климата. Китайский опыт свидетельствует

вует, что это — весьма действенный механизм роста и диверсификации экономики, а также образования плеяды по-новому мыслящих специалистов и предпринимателей. В современном мире участие развивающихся стран в международной торговле товарами и услугами ИКТ — это один из основополагающих аспектов их вовлеченности в глобальную информационную экономику. Развитие этого направления есть веление времени.

1. <http://www.china.com.cn/russian/175546.htm>.
2. На одном из таких бизнес-семинаров, организованном Генконсульством Узбекистана в Шанхае 31 января 2007 г., довелось лично участвовать одному из авторов Э. Махмудову. Тема того бизнес-семинара: «Инвестиционный и промышленный потенциал Республики Узбекистан, новые возможности и перспективы сотрудничества».
3. *Каримов И.* Наша главная задача — дальнейшее развитие страны и повышение благосостояния народа. Ташкент, 2010. С. 44–45.
4. *Каримов И.* Узбекистан был и будет для Китая дружественным партнером. По материалам «Жэньминь Жибао». 2005.—<http://www.russian.people.com.cn/31521/3414473.html>.
5. Первый технопарк КНР Чжунгуаньцунь был создан в 1988 г., в настоящее время существуют более 50 зон государственного значения по развитию высоких технологий.
6. В данном случае, при трактовке услуг ИКТ мы придерживаемся определения организации ЮНКТАД, которое трактует их как услуги ИТ и услуги, включающие ИКТ.
7. Здесь услуги ИКТ трактуются по определению организации ОЭСР, включая коммуникационные, компьютерные и информационные услуги.
8. Узбекистан входит в число стран, принявших стратегическое решение о приоритетном развитии сферы ИКТ. Реализация этого курса позволила в значительной мере преодолеть его отставание от среднемирового уровня развития компьютеризации, информатизации и телекоммуникаций, занять по темпам их развития одно из ведущих мест на постсоветском пространстве. Наряду с достижениями имеются и определенные проблемы — такие как недостаточно активное участие Узбекистана в международной специализации по производству и экспорту продуктов и услуг ИКТ.
9. *Lewis J.* Building an information technology industry in China: national strategy, global markets. Washington, 2007. P. 4.
10. См.: *Махмудов Э.* Инновационный Китай // Экономическое обозрение. Ташкент, 2008. № 6. С. 42–45; *Махмудов Э.* Информационный Китай. // Экономическое обозрение. Ташкент, 2008. № 10. С. 34–36.
11. Из беседы (Э. Махмудов) с г-дином Чжан Дн в мае 2005 г. (*Махмудов Э.* Рост информационной индустрии Китая // Экономическое обозрение. Ташкент, 2005. № 5. С. 31).
12. Из беседы (Э. Махмудов) с представителем компании Хуавей в Республике Узбекистан г-жой Сун Чэнянь в апреле 2010 г.
13. Данная проблема имеет место в большинстве постсоветских стран.
14. Из беседы (Э. Махмудов) с г-дином Нью Хвайджи в мае 2005 г.
15. Из беседы (Э. Махмудов) с представителем компании ZTE в Республике Узбекистан г-жой Чэнь Инь в апреле 2010 г.
16. Из беседы (Э. Махмудова) с главой представительства компании Alcatel Shanghai Bell в Республике Узбекистан г-дином Фэй Ёнг в мае 2010 г.
17. В Узбекистане имеется определенный опыт в этом направлении. Так, в частности, в республике существуют филиалы таких университетов, как МГУ им. М. Ломоносова, Российская экономическая академия им. Плеханова, Российский государственный университет нефти и газа им. И. Губкина (Россия), Международный Вестминстерский университет (Великобритания), Туринский политехнический университет Сингапурский институт развития менеджмента и др.
18. Доклад об информационной экономике, 2007/2008 г. ЮНКТАД. Нью-Йорк; Женева, 2007. С. 15.

Российский Дальний Восток

Трансграничные обмены и взаимодействие приграничных регионов России и Китая

© 2010

Л. Понкратова

В статье показана роль трансграничных обменов в отношениях между Россией и Китаем на Дальнем Востоке. Эмпирические исследования в этой области позволили проанализировать динамику миграционных процессов, выявить их реакцию на принимаемые межгосударственные соглашения и изменения в законодательствах обеих стран. Выделено шесть этапов трансграничной миграции населения, выявлены их особенности. Определены тенденции миграционных процессов между двумя странами.

Ключевые слова: интеграционные процессы на Дальнем Востоке: «челноки», трансграничная миграция населения; китайская трудовая миграция.

На рубеже XX—XXI вв., как свидетельствует мировой опыт, заметно интенсифицировались и усложнились интеграционные процессы. В АТР они имеют свои особенности, важнейшая из которых, по мнению ряда исследователей, — наличие феномена «фактической интеграции», или микроэкономической интеграции на региональном и субрегиональном уровне. Российско-китайские обмены и взаимодействие в приграничных регионах России и Китая подтверждают наличие и выраженность этих процессов. При этом их институциональное оформление до последнего времени не только запаздывало, но и носило «догоняющий» характер.

В последние годы ситуация стала меняться, чему предшествовали политическая воля руководителей стран, принятие ряда документов как на межгосударственном, так и на государственном и региональном уровнях обеих стран. Одним из таких документов является «Программа сотрудничества между регионами Дальнего Востока и Восточной Сибири Российской Федерации и Северо-Востока Китайской Народной Республики (2009–2018 гг.)». В ней обозначены такие направления, как обустройство пунктов пропуска; строительство и реконструкция приграничной инфраструктуры; развитие зон сотрудничества; сотрудничество в сфере транспорта, туризма, охраны окружающей среды, в гуманитарной сфере; его укрепление в вопросах трудовой деятельности, а также опре-

делены приоритеты и проекты, имеющие долгосрочный характер и ориентированные на со развитие приграничных регионов обеих стран.

Особое место в российско-китайском взаимодействии принадлежит трансграничной миграции населения¹. Изучение ее представляется весьма актуальным, ибо миграция населения не только сыграла существенную роль в «фактической интеграции», но и заложила основу для дальнейшей интенсификации всех трансграничных обменов в сферах торговли товарами и услугами, инвестиций, туризма, трудовой деятельности и др.

С начала либерализации внешнеэкономической деятельности в России миграционный обмен на российско-китайской границе не прекращался, переживая в отдельные годы периоды спадов и подъемов, как и структурные сдвиги, обусловленные изменением институциональной среды. Проведенное исследование позволило выделить 6 этапов в развитии миграционных процессов между РФ и КНР на Дальнем Востоке (основным «полигоном» исследования послужили трансграничные миграционные потоки² через пункты пропуска Амурской области).

I этап (1988–1990 гг.) — «открытие»: миграционный обмен между Россией и Китаем ограниченный.

Начальный этап характеризовался ограниченным миграционным обменом как с российской, так и с китайской стороны. Его основой послужила политика обеих стран по либерализации внешнеэкономической деятельности. В Китае курс на реформы и открытость был взят еще в 1978 г., а в 1988 г. была фактически ликвидирована монополия на приграничную торговлю. Уведомлением Госсовета КНР «По некоторым вопросам расширения приграничной торговли и технико-экономического сотрудничества провинции Хэйлуцзян с СССР» от 19 апреля 1988 г. провинции было предоставлено право выдавать компаниям разрешения на ведение приграничной торговли³. В СССР первые ласточки либерализации появились в 1986 г., когда были расширены права министерств, а небольшой группе предприятий было разрешено право выхода на зарубежные рынки при условии сохранения монополии государства на внешнюю торговлю. При этом особую роль сыграло Постановление Совета Министров СССР от 12 декабря 1986 г. «О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных объединений и организаций», в соответствии с которым названным структурам было предоставлено право выхода на внешний рынок при условии их регистрации. Ведущей формой сотрудничества на данном этапе стала торговля (прежде всего бартерная), а миграционный обмен был направлен на ее обслуживание.

В этот период начинает формироваться и правовая база межрегионального сотрудничества, о чем свидетельствовало подписание в 1988 г. «Советско-китайского соглашения об устройстве и развитии торгово-экономических отношений между провинциями, автономными районами и городами КНР, краями, областями, соответствующими предприятиями и организациями СССР». Законодательной основой для налаживания миграционного обмена послужило Соглашение между Правительством СССР и Правительством КНР о взаимных поездках граждан от 15 июля 1988 г. Это соглашение положило начало развитию туризма в приграничных районах на базе предприятий.

II этап (1991–1993 гг.) — «эйфория»: миграционный обмен динамичный.

Данный этап отличался высокими темпами прироста миграционных потоков населения между обеими странами, которые определялись подписанием в 1991–1992 гг. межгосударственных соглашений и договоренностей, в том числе в сфере туристского обмена, а также принятием законодательных актов в РФ и КНР, направленных на либерализацию в сфере ВЭД.

Началом послужила двусторонняя договоренность о безвизовых групповых туристских поездках между СССР и КНР, зафиксированная в нотках МИД КНР от 4 января 1991 г. и посольства СССР в КНР от 1 марта 1991 г. После распада СССР шаги России и КНР были направлены на развитие дальнейших контактов между странами, что просле-

живалось в подписании таких межправительственных документов, как Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о торгово-экономических отношениях (от 5 марта 1992 г.), Соглашение «О принципах направления и приема китайских граждан на работу на предприятиях, в объединениях и организациях России» (от 19 августа 1992 г.), Соглашение между Министерством труда РФ и Государственным управлением по делам иностранных специалистов КНР «О направлении российских технических специалистов в КНР» (от 18 декабря 1992 г.), а также Соглашение между правительствами двух стран «О безвизовых групповых туристских поездках» (от 18 декабря 1992 г.).

Впоследствии при реализации данных соглашений был выявлен ряд недостатков, обусловивших появление трудно контролируемого потока китайских мигрантов в Россию, породивших в прессе версии о надвигающейся «желтой опасности». Как показали исследования, большинство проблем было связано, прежде всего, с невозвратом в установленные сроки в КНР китайских туристов, а также нелегальной трудовой занятостью (прежде всего, в торговой сфере) китайских граждан, въехавших по каналу безвизового туризма. Пребывание китайских граждан в РФ по безвизовому туризму на начальном этапе составляло 3 месяца, коних вполне хватало для решения различных предпринимательских задач. Таким образом, все эти соглашения способствовали усилению миграционного обмена между странами, при этом доминировала экономическая мотивация.

Важную роль в активизации поездок между приграничными регионами стран сыграли законодательные акты, принятые тогда в КНР и РФ. Особого внимания заслуживают законодательные акты КНР в сфере приграничной торговли, которая рассматривалась в них как часть внешней торговли государства, отданная в ведение местных властей и местного населения. Тем более, что в начале 1991 г. в условиях возрождения и ускоренного развития приграничной торговли между СССР и КНР появились предпосылки для становления торгового обмена между городами.

В январе 1991 г. Правительство провинции Хэйлуцзян опубликовало «Временные методы по управлению приграничной народной торговлей между городами СССР и КНР провинции Хэйлуцзян». Уже 6 марта 1991 г. в КНР был открыт рынок российско-китайской народной торговли между городами Благовещенск и Хэйхэ на острове Большой Хэйхэ. В этом же году был открыт рынок народной торговли и в г. Суйфэньхэ. О значимости народной торговли для развития приграничных районов свидетельствует опубликованный в апреле 1991 г. Документ Госсовета КНР № 25, в котором понятие приграничной народной торговли между городами было выделено как одна из форм приграничной торговли⁴.

Продолжая политику внешней открытости, в 1992 г. решением Госсовета КНР создаются зоны приграничного сотрудничества вдоль границ Китая, а в марте того же года утверждается зона приграничного экономического сотрудничества г. Хэйхэ (в его северо-восточной части) со специальным преференциальным режимом, получившим статус государственного уровня. Все эти документы способствовали усилению маятниковых миграций между Благовещенском и Хэйхэ.

Кроме того, с начала 1990-х гг. Китай увеличил экспорт рабочей силы, хотя данный процесс получил развитие сразу же после 1978 г., когда китайское руководство взяло курс на реформы и открытость. Это подтверждает документ, принятый Министерством труда КНР 14 ноября 1992 г. (Правила по управлению зарубежной занятостью), который свидетельствует о поощрении организованного экспорта рабочей силы за рубеж. Именно на этот период пришлось максимальное количество трудовых контрактов с зарубежными странами.

В России реальным отсчетом начала реформ в сфере ВЭД следует считать Указ Президента России от 15 ноября 1991 г. «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР», обусловивший не только рост количества торговых операций между странами, но и всплеск международной мобильности российских гражд-

дан. Революционность этого указа для участников заключалась в том, что в соответствии с ним осуществление ВЭД разрешалось всем юридическим и физическим лицам независимо от форм собственности; разрешалось осуществление всех видов деятельности, в том числе посреднической (из Уголовного кодекса была изъята статья за спекуляцию); отменялись ограничения на бартерные операции во внешней торговле; разрешалось открытие валютных счетов всем юридическим и физическим лицам.

Увеличению торговых операций и повышению мобильности российских граждан способствовали и внутриэкономические причины — такие как дефицит товаров народного потребления, существующая разница цен на товары на мировом и внутреннем рынках, что в условиях отсутствия валюты способствовало всплеску роста бартерных операций.

Комплексный анализ институциональных условий этого периода показывает, что большая часть принятых документов в этот период была направлена на открытие границ, на снижение барьеров во взаимной торговле, что выразилось в развитии приграничной торговли в целом, прежде всего челночной⁵, шоп-туризма при минимальном контроле со стороны государства. Кроме того, рост торгово-экономических связей на бартерной основе обусловил высокую зависимость внутреннего рынка от поставок из Китая. В 1992 г. в экспорте Амурской области доля бартерных операций составляла 90,6%⁶.

Слабый контроль и хаотичность на начальном этапе формирования торгово-экономических связей привели к значительным государственным потерям. Со второй половины 1992 г. в России возрастает регулирующая роль государства, что проявилось в принятии Закона РФ «О валютном регулировании и валютном контроле», а также Таможенного Кодекса РФ и закона «О таможенном тарифе» в 1993 г. Эти документы оказали влияние на международную торговлю, но не затронули динамику миграционных потоков между странами поскольку их основу составляли поездки, связанные с «челночным бизнесом» как с российской, так и с китайской стороны.

Все принимаемые на этом этапе меры способствовали массовому вовлечению граждан РФ и КНР в торговый обмен (преимущественно бартерный), а также повышению трансграничной мобильности населения по всем каналам (прежде всего, в рамках безвизового туризма). В 1993 г. только через КПП Амурской области в Россию последовало 177 тыс. китайских граждан⁷, из них 45,6% были служебники, 41,2% — туристы, остальные представлены транспортными служащими. В том же году в Китай выехало 185 тыс. российских граждан, при этом в выездном потоке преобладали туристы (включавшие представителей «челночного бизнеса») — 57,6%, затем следовали служебники — 30,9%. В результате в 1993 г. был достигнут пик мобильности китайских и российских граждан на российско-китайской границе за все последнее десятилетие XX в. При этом по численности мигрантов оба потока были почти равнозначными.

III этап (1994–1998 гг.) — «наведение порядка»: стабилизация динамики в миграционном обмене между странами с преобладанием российского вектора.

В отличие от предыдущего этот этап характеризовался стабилизацией динамики в миграционном обмене, обусловленной ужесточением миграционного контроля за пребыванием иностранных граждан в РФ.

Значительный наплыв и практически бесконтрольное пребывание китайцев на российской территории, явственно обозначившееся во второй половине 1993 г., способствовали активным действиям федеральных и местных властей по перенаправлению миграционных потоков населения в законное русло. Следствием стало подписание Межправительственного соглашения между РФ и КНР «О визовых поездках граждан» (от 29 декабря 1993 г.). В соответствии с ним были введены визовые поездки граждан: разрешена выдача виз, в том числе многократных для сотрудников министерств, ведомств, а также торгово-экономических организаций со служебными целями сроком на 1 год (разовое пребывание разрешалось до 90 дней). Наряду с этим было подписано межправительственное соглашение «О безвизовых поездках по дипломатическим и служебным

паспортам» (декабрь 1993 г.). Соглашения вступили в силу в январе 1994 г., с этого времени для посещения страны и решения различного рода коммерческих задач требовалась виза, стоимость которой обходилась весьма недешево. В этой связи в 1994 г. произошло резкое сокращение доли служебных поездок в структуре миграционных потоков россиян в Китай и китайцев в Россию. Однако в этот период продолжало действовать межправительственное Соглашение между РФ и КНР «О безвизовых групповых туристских поездках», которое оставляло широкие возможности для взаимных поездок (особенно это касалось сроков пребывания), тем более, что потребность в дешевых китайских товарах у россиян сохранялась.

Важно отметить, что на данном этапе с российской стороны возросла регулирующая роль государства в сфере внешних миграций в целом (не только китайской), что проявилось в появлении Указа Президента РФ от 6 декабря 1993 г. «О мерах по введению миграционного контроля», а также Постановления Правительства РФ от 8 октября 1994 г. «О мерах по предупреждению и сокращению неконтролируемой внешней миграции». В рамках реализации данных законодательных актов были предприняты шаги по усилению контроля за миграционными потоками (прежде всего, нелегальными), а также за регистрацией мигрантов, их пребыванием и передвижением. Значительную роль в наведении порядка в части привлечения иностранной рабочей силы сыграл Указ Президента РФ «О привлечении и использовании в РФ иностранной рабочей силы» от 16 декабря 1993 г. (предусматривавший выдачу разрешений и обязательное получение виз, что ужесточило возможности трудоустройства). А заключительным аккордом стал принятый 15 августа 1996 г. Федеральный Закон "О порядке выезда из РФ и въезда в РФ". В результате всех этих мер поездки китайских граждан в Амурскую область сократились в 1994 г. по сравнению с 1993 г. в 3,6 раза, составив 48,6 тыс. чел., а российских в Китай — в 1,9 раза, составив 95 тыс. чел.⁸

Усиление регулирующей роли государства повлияло и на динамику официального использования китайской рабочей силы в экономике приграничных регионов Дальнего Востока РФ. В 1997 г. численность китайской рабочей силы составила там 8,8 тыс. чел. (в Приморском крае — 7,0 тыс. чел., в Хабаровском крае — 0,8 тыс. чел., в Амурской области — 0,7 тыс. чел. и в ЕАО — 0,3 тыс. чел.)⁹. Для сравнения, в 1995 г. в этих субъектах присутствовало на законных основаниях 12,3 тыс. китайских рабочих.

Усилия по наведению порядка в сфере миграций совпали с беспрецедентным падением в 1994 г. объемов взаимной торговли субъектов Дальнего Востока РФ с северо-восточными провинциями КНР¹⁰. Наложение падения миграционных потоков населения на снижение объемов внешнеторговых операций свидетельствует в определенной мере о взаимосвязи этих трансграничных обменов.

На фоне усиления государственного регулирования внешней торговли в России и борьбы с «челючной торговлей» Китай после обвала официальной торговли стал особое внимание уделять дальнейшему развитию приграничной народной торговли, о чем свидетельствует опубликованный в 1996 г. Документ № 2 Госсовета КНР, который законодательно закреплял приграничную народную торговлю между городами как одну из форм приграничной торговли. В соответствии с этим документом «приграничная народная торговля между городами определялась как «деятельность по обмену товарами, осуществляемая населением приграничных районов на территории приграничной полосы, равной 20 км, в открытых пунктах или на указанных рынках, утвержденных правительством, в пределах установленных сумм и количеств»¹¹. На начальном этапе разрешался беспощинный импорт товаров в приграничных районах в рамках данной торговли не более 1000 юаней в день. Однако уже в 1998 г. Документом № 844 эта цифра была увеличена до 3000 юаней.

Вслед за Документом № 2 Госсовета КНР в провинции Хэйлуунцзян было утверждено в 1997 г. 9 зон приграничной народной торговли между городами в районах Хэй-

хэ, Суйфэньхэ, Дуннин, Тунцзян, Мишань, Хулинь, Фуюань, Жаохэ, Лобэй¹². Отметим, что из вышеуказанных торговых зон только строительство и становление торговой зоны острова Большой Хэйхэ в полной мере отвечало требованиям Документа № 2 Госсовета КНР. Остальные зоны не имели постоянных рынков для торговли.

Как отмечалось выше, этот период отличался попытками российских властей навести порядок с «челночной торговлей» в связи с тем, что значительная часть товаров поступала через туристские каналы и не облагалась таможенными пошлинами и сборами, что наносило ущерб национальной экономике. По туристским каналам поставлялась большая часть товаров народного потребления, реализуемых на местных рынках как российскими, так и китайскими торговцами. Дефицит отечественных товаров народного потребления, инфляция в России, а также отсутствие затрат, связанных с таможенной очисткой, делали челночную торговлю прибыльным бизнесом. Чтобы привести в порядок перемещение товаров физическими лицами через таможенную границу РФ в соответствии со сложившейся в начале 1996 г. системой государственного регулирования внешнеэкономической деятельности, с учетом положения дел в экономике страны, а также в связи с необходимостью защиты интересов отечественных производителей было издано Постановление правительства РФ № 808 «О порядке перемещения физическими лицами через таможенную границу РФ товаров, не предназначенных для производственной или иной коммерческой деятельности» (от 18 июля 1996 г.).

Следует заметить, что это постановление не привело к снижению объемов «челночной торговли» и количества поездок, а наоборот, даже способствовало в какой-то мере увеличению трансграничных миграций китайских граждан в 1997 г. по сравнению с 1994 г.: в 2,2 раза (до 105,5 тыс. чел.) за счет роста служебных поездок, а российских граждан — в 1,7 раза (до 160,0 тыс. чел.) за счет опережающего роста туристских поездок, доля которых составила 84,7%¹³. В постановлении были четко определены вес и стоимость товара, разрешенного для перевозки в Россию физическим лицом 50 кг и 1000 долл.). Для сравнения, в прежнем постановлении правительства РФ от 23 декабря 1993 г. указывалась только стоимость товара (2000 долл.). Что касается предназначения товара, то оно устанавливалось таможенными органами, исходя из характера, количества и частоты перемещения товара. Ограничения по весу и стоимости способствовали появлению российских посредников-«кирпичей», выполняющих функции транспортировки товара от китайского поставщика, находящегося в г. Хэйхэ, к продавцу товара в г. Благовещенске (китайскому, либо российскому) за определенное денежное вознаграждение. Введенные ограничения предопределили рост числа пересечений границы российскими гражданами-туристами, а также лицами, оформившими многократные визы и выполнявшими функции транспортировщиков товаров.

Таким образом, после начального обвала произошло увеличение трансграничных миграций к концу данного периода (при небольшом сокращении поездок россиян с начала кризиса во второй половине 1998 г.). Такова оказалась реакция на попытки нашего государства ограничить «челночную торговлю».

IV этап (1999–2003 гг.) — «меняющиеся правила игры»: выравнивание российско-китайского обмена и трансформация структуры миграционных потоков.

На рубеже XX — начала XXI вв. основные изменения в миграционных процессах между приграничными районами были во многом обусловлены экономическим кризисом в России и связанной с ним девальвацией рубля, а также подписанием российско-китайского соглашения (в форме обмена нотами) от 17 февраля 1998 г. по организации упрощенного пропуска граждан РФ в ряд торговых комплексов, расположенных с китайской стороны от линии российско-китайской границы.

Вслед за этим соглашением в апреле 1999 г. МИД РФ и КНР обменялись нотами о применении с 18 августа в торговой зоне острова Большой Хэйхэ упрощенной системы въезда российских граждан. Эта система действует и в настоящее время. В сентябре

Суйфэньхэская торговая зона также начала эксперимент по упрощенной процедуре, однако в связи с отсутствием специально выделенных торговых центров он вскоре прекратился. Вслед за этими решениями в 2000 г. канцелярия Госсовета КНР поддержала обсуждение в рамках встречи председателей правительств РФ и КНР упрощенного порядка въезда в торговую зону уезда Дуннин для граждан обоих государств. В июне 2001 в г. Харбине состоялось активное обсуждение создания китайско-российской торговой зоны Дуннин (КНР) — Полтавка (РФ). Главная цель ее создания: «стоя в Дуннине, опираясь на Хэйлунцзян, служа всей стране, обращаясь к миру... прорвать главное звено, поэтапно развивать встречную торговлю, превратить ее в мост на большом переходе в международную экономику»¹⁴. Данное высказывание подтверждает проводимую Китаем стратегию «идти вовне». Однако этот вопрос остался открытым. Остальные 6 торговых зон практически не функционируют на уровне, достигнутом в Хэйхэ¹⁵.

Введение на данном этапе безвизового упрощенного режима въезда граждан РФ в КНР на остров Большой Хэйхэ способствовало росту в 1999 г. маятниковых миграций российских граждан через Благовещенский пункт пропуска в Амурской области. Количество российских граждан, выехавших в Китай, составило в 1999 г. 138,3 тыс. чел., или на 24,7% больше, чем в 1998 г. (в основном, за счет туристских поездок, сочетавших шоп-туры и челночный бизнес). Умножение поездок во многом связано с экономическим кризисом и возросшей инфляцией, что делало выгодным не только шоп-туры, но и транспортировку товара в рамках упрощенного режима — теперь, в основном, для китайских продавцов.

В то же время экономический кризис 1998 г. и последовавшая девальвация рубля сделали Россию привлекательной для китайских туристов за счет снижения стоимости проживания и обслуживания (особенно в 1999–2001 гг.), а также для китайского торгового бизнеса за счет разницы цен, сложившейся на российских и китайских рынках. В 2000 г. был достигнут абсолютный максимум (за 1994–2008 гг.) количества прибывших китайских граждан в Амурскую область, составивший 166,9 тыс. чел.¹⁶ В этом году был отмечен не только максимальный поток в регион, но и максимальная доля китайских граждан, въехавших через пункты пропуска Амурской области (33,8%), в общем въездном потоке китайцев в Россию. Существенным фактором было также осуществленное в Китае снижение ограничений в сфере выездного туризма.

В этот период неоднократно поднимались вопросы о законности трудовой деятельности на рынках граждан КНР, приезжавших в рамках безвизового туризма, либо по служебной визе, как и целесообразности сохранения челночного бизнеса, необходимости введения межгосударственного регулирования, адекватного изменяющимся условиям. В 2000 г. принимаются четыре межправительственных соглашения, которые в той или иной мере должны были навести порядок в миграционных потоках населения между странами, либо направить в законные рамки отдельные виды сотрудничества.

Рассмотрим особенности каждого из них. Так, 9 ноября 2000 г. вступило в силу новое Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках. В нем было оговорено, что туристической группой может быть группа, насчитывающая не менее 5 чел., а осуществлять безвизовый групповой туризм имеют право туристические организации, имеющие лицензию на международную туристическую деятельность и занимающиеся таковой деятельностью не менее трех лет. Данное соглашение способствовало повышению ответственности туристических фирм за пребывание иностранных граждан и в какой-то мере помогло отсеять недобросовестных участников процесса. Кроме того, срок безвизового туризма сократился до 30 дней. В рамках новых правил китайским гражданам становилось все труднее использовать туристский канал для занятий трудовой деятельностью, поэтому поездки с собственно туристскими целями стали набирать обороты. Как отмечалось выше, этому

способствовало и предшествующее обесценивание рубля по отношению к доллару и, соответственно, к юаню.

Второе межправительственное соглашение «О временной трудовой деятельности граждан Российской Федерации в Китайской Народной Республике и граждан Китайской Народной Республики в Российской Федерации» (от 3 ноября 2000 г.) упорядочило трудовой обмен между странами. При этом оно предусматривало оформление подтверждения на право трудовой деятельности для каждого работника, а сроки пребывания ограничивались одним годом (в предыдущем соглашении — 3 года). Однако новое соглашение предоставляло возможности найма работников как юридическим лицам, так и отдельным предпринимателям, что оказало влияние на трудовую миграцию.

Следует отметить, что на данном этапе был подписан еще один документ, повлиявший на трудовую миграцию китайцев на Дальний Восток РФ. Речь идет о Соглашении между Правительством РФ и Правительством КНР о сотрудничестве в совместном освоении лесных ресурсов (от 3 ноября 2000 г.). В его рамках предполагалось развивать сотрудничество по таким направлениям, как совместная заготовка древесины, привлечение инвестиций в лесозаготовительную и лесоперерабатывающую отрасли, переработка древесины, воспроизводство лесов. Кроме того, участникам обоих государств должны были предоставляться на территории РФ участки лесного фонда для заготовки древесины. При этом гражданам КНР, направляемым в РФ в рамках данного соглашения, следовало оказывать содействие при въезде для временного проживания и трудовой деятельности в соответствии с российским законодательством.

В соответствии с этим соглашением в 2002 г. впервые на лесозаготовки в Амурскую область были привлечены китайские рабочие, количество которых ежегодно росло. Отметим, что в Китае была сокращена, а в ряде районов запрещена заготовка леса и страна оказалась заинтересованной в лесозаготовках в России. Однако инвестиционное сотрудничество в области переработки древесины на российской территории так и не получило развития. Во многом это связано с несовпадением экономических интересов обеих сторон. Китай к тому времени уже создал на своей территории производственные мощности по переработке российской древесины, используя собственную дешевую рабочую силу. В таких условиях российское государство должно было разработать четкую политику в сфере лесной и деревообрабатывающей промышленности, направленную на взаимовыгодное сотрудничество и учет экономических интересов обеих сторон. Однако адекватная политика в России на тот период не была сформирована.

Заслуживает внимание «Торговое соглашение между правительством Российской Федерации и Китайской Народной Республики на 2001–2005 гг.», которое было направлено на развитие торговли между странами на сбалансированной основе и на формирование системы прохождения расчетов за поставки в свободно конвертируемой валюте по текущим ценам мировых рынков. Важную роль при этом сыграло «Соглашение между Центральным банком РФ и Народным банком Китая о межбанковских расчетах в торговле в приграничных районах» (от 22 августа 2002 г.). В соответствии с ним, с 1 января 2003 г. расчеты и платежи по торговле в приграничных районах между российскими банками, зарегистрированными в Благовещенске, филиалами российских банков, зарегистрированными на этой территории, и китайскими банками, расположенными в Хэйхэ, могли в порядке эксперимента осуществляться наряду с расчетами в свободно конвертируемых валютах — в рублях и в юанях. А российские и китайские банки, расположенные на этих приграничных территориях могли открывать корреспондентские счета на основании заключаемых договоров. В соглашении указывалось, что оно заключено на 2 года, а далее может быть продлено и распространено на другие приграничные территории. Впоследствии в связи с успешной межбанковской работой данное соглашение было не только продлено на неограниченный срок (межбанковский протокол от 20 августа 2004 г.), но и распространено на другие приграничные районы России и Китая, что

позволило уменьшить время расчетов между участниками, сократить нелегальные и полунелегальные схемы перемещения денег между странами, а также увеличить объемы трансграничных денежных переводов физических лиц.

В тот же период в России принимается ряд законодательных актов, постановлений и распоряжений, оказавших влияние на развитие институциональных основ для межрегионального и приграничного сотрудничества между РФ и КНР. Одним из них явилась «Концепция приграничного сотрудничества в РФ» (принята 9 февраля 2001 г.), в которой определены его принципы и направления, один из которых — сотрудничество в сфере регулирования миграции населения и рынка труда.

Кроме того, принимаются ФЗ РФ «О гражданстве РФ» от 31 апреля 2002 г. и «О правовом положении иностранных граждан в РФ» от 25 июля 2002 г., направленные на выработку механизмов регулирования пребывания иностранных граждан в России. Во исполнение закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ» выходит Постановление правительства РФ от 30 декабря 2002 г. «О порядке выдачи иностранным гражданам и лицам без гражданства разрешения на работу». В нем определены порядок выдачи, субъекты, имеющие право получения разрешения, особенности приема и рассмотрения заявлений; при этом отмечено, что работодателем или заказчиком может выступать также иностранный гражданин, зарегистрированный в России в качестве индивидуального предпринимателя. Разрешение стало оформляться на бланках строгой отчетности в виде пластиковой карты, где указывался период трудовой или предпринимательской деятельности в России. Это постановление способствовало привлечению китайскими предпринимателями своих граждан для трудовой деятельности на российской территории, что способствовало формированию этнических сегментов рынка труда в отдельных видах деятельности (прежде всего, в лесозаготовках, строительстве, торговле).

На данном этапе важную роль сыграли и изменения в политике КНР. Активизация Китая на внешних рынках в начале XXI в. во многом обусловлена реализацией провозглашенной на сессии ВСНП весной 2000 г. внешнеэкономической стратегии «выхода за рубеж» (*цзочучуцзюй*)¹⁷, или «идти вовне»¹⁸. Кроме того, Китай в 2001 г. вступил в ВТО и как член этой организации выдвигал на двусторонних переговорах по вступлению России в ВТО требования по свободному доступу китайской рабочей силы на российский рынок труда. Хотя в последствии это требование было снято, однако уже сам этот факт способствовал появлению у России обеспокоенности.

Следствием всех мер, принятых на межгосударственном и государственном уровнях стало сокращение в 2002 г. временных миграционных потоков через дальневосточные пограничные переходы. Значительную роль при этом сыграло введение в России новой системы учета, при которой к туризму стали относить только поездки, предполагающие не менее одной ночевки. Поскольку «кирпичи», будучи значительным контингентом участников трансграничных миграционных потоков, находились в Китае, как правило, менее суток, то их количество в статистике сократилось. Таким образом, зафиксированный выезд россиян из Амурской области в Китай в 2002 г. оказался минимальным после спада в 1994 г. (105,8 тыс. чел.), а в структуре поездок произошли существенные изменения за счет резкого увеличения служебников. Важным фактором, оказавшим влияние на динамику поездок вообще и туристских, в частности, стала эпидемия «атипичной пневмонии» в 2003 г. Все вышеназванные институциональные изменения способствовали сокращению и трансграничной миграции китайцев в Россию: в 2003 г. количество мигрантов в приграничный регион вернулось к показателю 1996 г., составив 97,2 тыс. чел.¹⁹

Если общее количество поездок китайских граждан в Россию сокращалось в конце данного этапа, в основном, за счет туристов, въехавших на безвизовой основе, то численность китайских трудовых мигрантов стала расти, начиная с 2000 г. — по мере выхода экономики из кризиса. В 1999 г. в приграничных субъектах РФ с КНР количество

работающих на легальной основе китайских граждан составляло 8,4 тыс. чел., при этом большая часть из них была представлена в Приморском крае (75,4%). В 2003 г. численность китайской рабочей силы, сконцентрированной в приграничных субъектах, уже составляла 22,8 тыс. чел. (рост в 2,7 раза по сравнению с 1999 г.), а доля Приморского края сократилась до 49%. Увеличение произошло, в основном, за счет китайцев, работавших в Амурской области (с 0,6 тыс. чел. в 1999 г. до 5,2 тыс. чел. в 2003 г.) и в Хабаровском крае (с 1,0 тыс. чел. до 4,5 тыс. чел. соответственно)²⁰. Количество работавших в этот период китайцев увеличилось преимущественно за счет занятости в торговле и на лесозаготовках.

Важно отметить, что наиболее существенные изменения в динамике привлечения и структуре занятости китайской рабочей силы в Амурской области произошли в 2002 г. Это связано с тем, что раньше часть китайцев, въехав в рамках безвизового туризма до 2000 г. и по коммерческим визам в последующий период времени, занималась нелегальной трудовой деятельностью в торговле. В регионе были предприняты определенные шаги по легализации торговой деятельности. Так, Постановлением главы Администрации № 766 "Об упорядочении торговой деятельности иностранных граждан на рынках Амурской области" было предписано, что с 1 апреля 2002 г. торговая деятельность может осуществляться иностранными гражданами только при наличии подтверждения на право трудовой деятельности. В соответствии с постановлением муниципального предприятия «Благовещенский центральный рынок» заключило договор с работодателем, китайской компанией «Синее небо» (г. Хэйхэ) и заказчиком МУП «Городской центр» о предоставлении торговых мест иностранным гражданам, оформившим подтверждения на право трудовой деятельности с визой (работа по найму в качестве торговых агентов). Однако их деятельность в рамках визы (работа по найму) не соответствовала федеральному законодательству в части отнесения собственности на реализуемые товары. Несмотря на это, основным результатом принятых решений стал вывод из тени части торговцев, что сразу отразилось на официальной статистике (было зафиксировано резкое увеличение занятости китайских граждан вообще и в этой сфере деятельности, в частности).

Следовательно, особенностями данного этапа явились, с одной стороны, первоначальное повышение динамики миграционных потоков, вызванное девальвацией рубля и инфляцией в России, что делало выгодным челночные поездки и шоп-туры, а с другой стороны — усиление регулирующей роли государства в сферах как туризма, так и трудового обмена. Наряду со снижением эффекта девальвации в России это способствовало сокращению миграционного обмена между странами в конце данного периода, хотя трудовая миграция в Россию стала набирать обороты.

У этап (2004–2008 гг.) — «притяжение — выталкивание»: ассиметричная динамика миграционного обмена с преобладанием российского вектора.

Формирование данного этапа связано с тем, что 18 ноября 2003 г. правительство провинции Хэйлуцзян приняло решение о расширении торговой зоны с границ острова Большой Хэйхэ до границ города Хэйхэ²¹. Официально хэйхэская зона российско-китайской приграничной народной торговли была расширена с 16 января 2004 г., что способствовало резкому приросту поездок российских граждан в г. Хэйхэ, сочетавших челночные поездки для перевозки товаров, шоп-поездки, отдых, получение различных медицинских, бытовых услуг, а также развлечения.

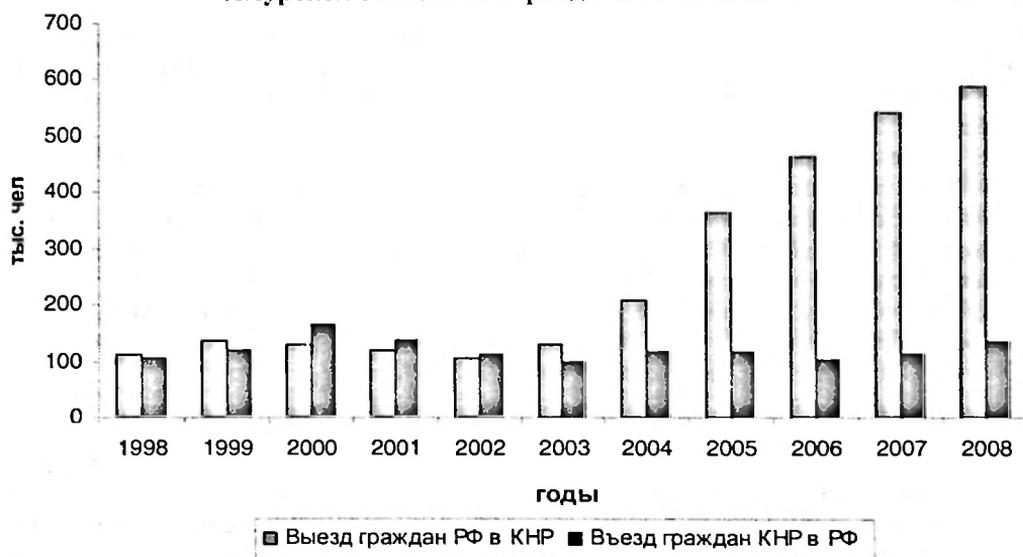
В 2008 г. КПП Благовещенск — Хэйхэ занял 2-ю позицию после перехода Пограничный — Суйфэньхэ по количеству пропущенных российских и китайских граждан среди всех действующих пограничных переходов на дальневосточном участке российско-китайской границы (Благовещенск — 1416,7 тыс. чел., Пограничный — 1672,7 тыс. чел.)²².

Выезд китайских граждан в Россию через КПП Амурской области за период с 2003 по 2008 гг. вырос на 36,4%, достигнув 132,6 тыс. чел., но не превысил максимальных уровней 1993 и 2000 гг. На этом фоне динамика выезда российских граждан в Китай отличалась не только высокими темпами роста показателей (выехало в 2008 г. 583,7 тыс.

чел. по сравнению с 131,5 тыс. чел. в 2003 г. — рост в 4,4 раза)²³, но и ярко выраженным ассиметричным характером (рис.1). Доля пунктов пропуска Амурской области во въезде всех китайских граждан в Россию составила в 2008 г. 16,3%, а в выезде россиян — 18,4%, что свидетельствует о роли региона, прежде всего г. Благовещенска, в трансграничных обменах с Китаем. В структуре поездок китайских и российских граждан стал преобладать туризм. При этом количество китайских граждан, въехавших в Россию через туристские фирмы Амурской области, сократилось с 48,6 тыс. чел. в 2004 г. до 10,5 тыс. чел. в 2008 г.²⁴ Это означает, что большая их часть стала въезжать по туристским визам (в т.ч. по частному приглашению), а не в рамках безвизового туризма, как это отмечалось раньше. В российском выездном потоке преобладали туристские поездки в основном на безвизовой основе. Это связано с тем, что большая часть миграций представлена маятниковыми поездками в г. Хэйхэ в рамках существующего упрощенного режима.

Рисунок 1

Трансграничный обмен мигрантами между РФ и КНР через пункты пропуска Амурской области за период с 1998 по 2008 гг.



Фактором притяжения Хэйхэ для россиян стала возможность удовлетворить потребности в различных товарах и услугах по относительно низким ценам, что делало достаточно эффективными поездки семьями. Кроме того, в 2003 г. были приняты «Временные правила регулирования зоны российско-китайской приграничной народной торговли в г. Хэйхэ», которые действуют поныне. В соответствии с этими правилами российским гражданам разрешалось в упрощенном порядке без виз въезжать на территорию зоны, находиться там не более 30 суток, проживать в гостиницах, покупать и арендовать жилые помещения. Разрешались также расчеты в рублях и юанях. Кроме того, рекламные щиты, плакаты и объявления, дорожные указатели должны были быть выполнены на китайском и русском языках. Сегодня никого не удивит написанными на двух языках названиями кафе, гостиниц, магазинов и других учреждений в Китае, обслуживающих российских граждан.

Все предшествующие попытки ликвидировать на государственном уровне челночный бизнес так и не увенчались успехом. У населения приграничных районов вначале возникало резкое неприятие предпринимаемых мер, затем начиналось их осмысление,

а позднее — приспособление к новым условиям. В связи с этим в 2006 г. Правительством РФ вносятся изменения в «Положение о применении единых ставок таможенных пошлин, налогов в отношении товаров, перемещаемых через таможенную границу Российской Федерации физическими лицами для личного пользования» от 29 ноября 2003 г. № 718. В редакции Постановления от 23 января 2006 г. № 29 в упрощенном режиме без уплаты таможенных пошлин разрешалось ввозить товар для личного пользования на сумму не более 65 тыс. руб., общий вес которого не превышает 35 кг. При этом физическое лицо должно пересекать таможенную границу Российской Федерации с товаром не более одного раза в месяц (до этого была 1 неделя). Эти новые правила из-за сокращения периодичности посещения Хэйхэ способствовали значительному увеличению количества «фонарей» (помощников «кирпичей»), пересекающих границу. В качестве «фонарей» активнее стали привлекаться студенты. «Фонари» за умеренную плату (300–500 руб.) раз в месяц перевозили товары для «кирпичей», которые передавали заказчикам. Это также отразилось на динамике пересечения границы российскими гражданами.

Большое значение для увеличения международных туристских потоков на данном этапе между РФ и КНР имели еще два события. Первое — заключение соглашения КНР и РФ о предоставлении России статуса «официального туристского направления» (ОТН). Второе событие — подписание 28 марта 2007 г. меморандума о сотрудничестве между некоммерческим партнерством «Объединение международной интеграции в туризме «Мир без границ» и Китайской ассоциацией туристских компаний. Эти два документа сыграли существенную роль в развитии туризма между двумя странами.

Однако на региональном уровне столько важные события не оказали влияния на въезд китайских туристов в организованной форме через туристские фирмы. В 2005 г. во время всекитайской кампании по борьбе с азартными играми Управление общественной безопасности провинции Хэйлуньцзян потребовало прекратить выдачу одноразовых туристских паспортов образца 1992 г. При этом основную роль в ужесточении требований сыграло наличие значительного количества казино и залов игорных автоматов в приграничных российских городах, где были замечены некоторые китайские чиновники. Тем более, что Благовещенск славился такого рода заведениями.

Важным фактором, призванным повлиять на миграционные потоки, явился межправительственный протокол от 17 ноября 2006 г. «О внесении изменений в Соглашение между Правительством РФ и Правительством КНР о безвизовых групповых туристических поездках от 29 февраля 2000 г.». В соответствии с этим протоколом срок пребывания по безвизовому туризму сократился до 15 дней. Фактически была сделана еще одна попытка прекратить использование туристского канала для нелегальной трудовой деятельности. Однако в приграничных районах это решение в большей мере затронуло собственно туристские поездки сроком более 15 дней. При этом сроки пребывания в г. Хэйхэ — на территории зоны приграничной народной торговли остались без изменения (30 дней).

Значительное внимание в России и Китае в эти годы уделялось инвестиционно-му сотрудничеству, о чем свидетельствует подписание в ноябре 2006 г. российско-китайского соглашения «О поощрении и взаимной защите капиталовложений» с предоставлением обеими странами РНБ (режима наибольшего благоприятствования). При этом, как показали проведенные расчеты, эффективность иностранного сектора в Китае была выше, чем в России²⁵. В последние годы Китай стал поощрять вывоз капитала из страны в рамках стратегии «идти вовне» и в строгом соответствии с приоритетами экономического развития страны. При этом основные направления экспорта капитала таковы: инвестиции, связанные с добычей и переработкой сырья; инвестиции, открывающие доступ к внешним рынкам для создания там предприятий и продажи своей продукции; инвестиции, ориентированные на приобретение новых технологий²⁶. Россия вполне подходит для Китая по всем этим направлениям, что дает возможность развития взаимодействия между странами не только в сфере инвестиций, но и в области обмена рабочей силой.

Как правило, инвестиционные потоки в ресурсные отрасли сопровождаются параллельными потоками трудовых мигрантов. Подтверждение тому — существенное увеличение количества трудовых мигрантов из Китая на лесозаготовках, в строительстве Амурской области и других приграничных регионов России.

В данный период в России сложились условия, благоприятствующие широкому распространению нелегальной трудовой миграции — и не только из стран бывшего СССР. Новые меры принятые в 2006 г., прежде всего ФЗ РФ от 18.07.06 «О миграционном учете иностранных граждан» и поправки к ФЗ РФ от 18.07.06 «О правовом положении иностранных граждан в РФ» были направлены на облегчение легализации иностранных работников. Это позволило использовать уведомительный порядок постановки на учет иностранных граждан по месту их пребывания, а также учет их по месту работы. В этот же период выходит новое Постановление Правительства РФ от 15 ноября 2006 г. «О порядке выдачи разрешительных документов для осуществления иностранными гражданами временной трудовой деятельности в РФ».

Кроме того, в конце 2006 г. были приняты ФЗ «О розничных рынках» и Постановление Правительства РФ «Об установлении на 2007 г. допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли на территории РФ». Этим документом было запрещено иностранным гражданам осуществлять розничную торговлю; доля их в торговле с 1 января 2007 г. ограничивалась 40%, а с 1 апреля 2007 г. снижалась до 0%. Были введены ограничения по отдельным видам профессиональной деятельности, что прежде всего касалось розничной торговли алкогольными напитками и лекарствами. Реакция на данные решения в Амурской области была неоднозначной. Выход, удовлетворяющий продавцов и покупателей, все-таки был найден: решением местных властей китайские торговцы были переведены в крытые рынки, что, по мнению чиновников, не противоречило российскому законодательству.

Определенное воздействие на миграционные потоки оказал и тот факт, что Китай в XXI в. вступил в период быстрого прироста рабочей силы. В этой связи соединились проблемы новой рабочей силы (молодежи входящей в трудоспособный возраст), избыточной рабочей силы из деревни и сокращенных с госпредприятий в процессе их акционирования. По мнению китайских специалистов, несмотря на начавшийся процесс старения населения в Китае, ежегодно прибавляются десятки миллионов новых рабочих рук²⁷. Официальный уровень безработицы, по данным Китайского бюро статистики составил в 2008 г. 4,2% против 3,1% в 2000 г.²⁸ Наряду с возросшим спросом на рабочую силу в России, все это обусловило динамику прироста трудовых мигрантов из КНР. В России по контрактам в 2008 г. работало 281,7 тыс. китайских граждан — это максимальный показатель, достигнутый за весь период привлечения китайской рабочей силы в РФ²⁹.

Что касается Дальнего Востока, то он по этим показателям занимает в масштабах всей России весьма заметное место. В 2008 г. 60% всех трудовых мигрантов на Дальнем Востоке использовалось в четырех приграничных субъектах — Приморском и Хабаровском краях, Амурской области и Еврейской АО. В них было сконцентрировано 57,2 тыс. чел. китайской рабочей силы³⁰, что составило 93,2% всех китайских граждан, работающих на Дальнем Востоке РФ на легальной основе. За период с 2003 по 2008 гг. количество привлеченной китайской рабочей силы увеличилось в приграничных регионах в 2,5 раза. При этом лидером в 2008 г. стала Амурская область (23,6 тыс. чел. — увеличение по сравнению с 2003 г. в 4,5 раза), за ней следовали Приморский край (16,0 тыс.чел. — увеличение на 42%), Хабаровский край (10,3 тыс.чел.) и ЕАО (6,8 тыс.чел.). Среди стран-поставщиков рабочей силы Китай занимал в 2008 г. ведущие позиции: в Амурской области — 75,2%, в Приморском крае — 49,2%, в Хабаровском крае — 33,6%, в Еврейской АО — 91,4%. Отличительная черта занятости китайских граждан — существенное преобладание и увеличение в последние годы занятых в

строительстве, в лесном хозяйстве (прежде всего на лесозаготовках). Занятость в торговле, напротив, несколько утратила позиции вследствие последних ограничений для иностранцев. Разразившийся в 2008 г. мировой экономической кризис существенно ударил по занятости китайского населения, прежде всего в приморских провинциях, где сосредоточено основное экспортное производство КНР. Его падение в отдельных сферах способствовало сокращению производства, высвобождению работников, которые были вынуждены возвращаться в сельскую местность центральных провинций. Все это явилось факторами выталкивания потенциальных мигрантов из страны. В 2008 г. в приграничных субъектах РФ осуществляли трудовую деятельность на 5,2% больше китайских граждан, чем в 2007 г. Исключение составил Приморский край, где было отмечено сокращение присутствия китайцев на региональном рынке труда.

Противники использования иностранных граждан вообще и китайских, в частности, часто утверждают, что гастарбайтеры занимают рабочие места местного населения, ухудшая тем самым ситуацию на рынке труда. Однако проведенное исследование показало, что они скорее способствуют развитию региональной экономики и даже косвенно увеличивают занятость за счет создания дополнительных рабочих мест для местного населения. В Приморском крае коэффициент корреляции составил (-0,69), в Хабаровском крае — (-0,66), в Амурской области — (-0,84), что свидетельствует об обратной пропорциональной зависимости между числом трудовых мигрантов и уровнем безработицы в регионе³¹. Это позволило сделать вывод о том, что привлечение иностранной рабочей силы до начала мирового финансового кризиса не оказывало негативного воздействия на региональный рынок труда. При этом часть организаций была изначально ориентирована на привлечение иностранной рабочей силы — прежде всего, китайской, что свидетельствует о существовании «двойного» рынка труда в регионе.

Отметим, что в июне 2007 г. в Харбине было подписано Соглашение между Администрацией Амурской области и Правительством провинции Хэйлунцзян об экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве. В нем особое место уделено сотрудничеству в сфере использования китайской рабочей силы в сферах деятельности, где имеется недостаток трудовых ресурсов. Наряду с этим в соглашении прописано, что стороны приложат усилия по реализации проекта строительства мостового перехода через реку Амур (Хэйлунцзян) в районе Благовещенск — Хэйхэ согласно соответствующему межправительственному от 26 июня 1995 г.³². В соглашении за 2007 г. также отмечено, что стороны продолжают работу по созданию международной (трансграничной) особой экономической зоны в районе городов Благовещенск — Хэйхэ, согласно протоколу о намерениях, подписанному 17 июня 2005 г. в Харбине.

Однако в дальнейшем инициативу в строительстве мостового перехода через Амур перехватила с российской стороны Еврейская автономная область, где начались подготовительные работы. Очевидно, что после введения в эксплуатацию моста следует ожидать в этом регионе увеличения не только трансграничных миграционных потоков с обеих сторон, но и усиления всех форм экономического взаимодействия с последующей их переориентацией с пограничных переходов Амурской области, на переходы ЕАО.

Итак, для V этапа характерно ассиметричное преобладание в трансграничных миграционных потоках россиян при стабилизации потока китайцев в целом. Рост присутствия китайских мигрантов был характерен, прежде всего, в трудовой сфере. Это означало, что на данном этапе для россиян барьерные функции границы существенно снизились, возможности для их отдыха и решения деловых проблем в г. Хэйхэ расширились.

VI этап (с 2009 г.) — «балансировка»: наметившаяся тенденция к выравниванию взаимных миграционных потоков.

2009 г. может считаться началом нового этапа в двусторонних трансграничных обменах. Во-первых, с начала 2009 г. в России произошло ужесточение таможенного контроля при пересечении таможенной границы физическими лицами, что повлекло рез-

кое сокращение количества поездок «фонарей» с целью транспортировки товаров для китайских торговцев в рамках упрощенного таможенного режима; во-вторых, в связи с экономическим кризисом были сокращены квоты на привлечение иностранной рабочей силы, в том числе китайской; в-третьих, девальвация рубля на начальном этапе сделала менее выгодными туристские шоп-поездки россиян в КНР, а также поездки молодежи для кратковременного отдыха; в-четвертых, мощным толчком к развитию приграничного туризма обещает стать принятое 23 февраля 2009 г. совместное решение Министерства общественной безопасности, Министерства контроля и Государственного управления по делам туризма КНР, утвердившее 5 городов/уездов страны, включая Хэйхэ, Суйфэньхэ и Дуннин (провинции Хэйлуцзян) в качестве пилотных районов, где граждане КНР независимо от места жительства могут оформлять туристические паспорта³³, которые выдаются в течение трех рабочих дней и действительны в течение трех месяцев. Однако самостоятельно получить паспорта невозможно — их можно оформить только в составе сформированной туристической группы. В рамках этого начавшегося эксперимента туристическое управление провинции Хэйлуцзян потребовало от всех турагентств, организующих групповые поездки за границу, не допускать нарушения запрета на посещение туристами игорных мест, а гидов и туристов обязали давать по этому поводу письменную расписку. Однако китайским турагентствам нечего опасаться, с 1 июля 2009 г. в РФ все игорные заведения закрыты, а их деятельность вынесена в специально обозначенные зоны.

В результате всего этого общий выездной поток российских граждан в Китай сократился в 2009 г. до 301,3 тыс. чел.³⁴ (на 48,4%) — в основном за счет «челноков». Что касается въезда китайских граждан в Россию, то этот поток практически не изменился, несмотря на кризис (даже увеличился на 2% — в основном, за счет туристских поездок на безвизовой основе). На этом фоне количество китайских трудовых мигрантов в Амурской области сократилось на 14,8%, составив 20,1 тыс. чел., однако реализация перспективных проектов в соответствии с Программой сотрудничества России и Китая на период до 2018 г. будет способствовать (по мере выхода из кризиса) дальнейшему их привлечению на Дальний Восток России. Очевидно, что поступательное развитие региона при явно выраженной сырьевой специализации невозможно без дополнительного привлечения трудовых ресурсов, что подтверждают и российские специалисты³⁵.

В связи с образованием в 2010 г. Таможенного союза России, Казахстана и Белоруссии, а также введением в действие с 1 июля нового Таможенного кодекса и Соглашения о порядке перемещения физическими лицами товаров для личного пользования через границу таможенного союза и совершения таможенных операций, связанных с их пропуском, в соответствии с которыми изменены ограничения по частоте пересечения границы с товаром и его вес (50 кг., раньше было 35 кг.) для личного пользования, можно предположить, что количество поездок, прежде всего российских, снова возрастет.

Подводя итоги, следует остановиться на тех тенденциях, которые будут, на наш взгляд, определять трансграничные миграции в регионе в ближайшем будущем:

– преобладание экономических мотивов при опережающем росте туристских обменов;

– устойчивый рост трудовой миграции в условиях усиления демографического, трудового дисбаланса по обе стороны российско-китайской границы, проведения Китаем внешнеэкономической политики, направленной на поощрение экспорта рабочей силы, а также реализации совместных перспективных проектов.

Следовательно, важно определить стратегию регионального развития на перспективу и в соответствии с ней строить государственную миграционную политику с учетом региональной составляющей.

1. *Забяко А.П., Кобызов Р. А., Понкратова Л.А.* Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке. Благовещенск, 2009. С. 53.
2. Понятие трансграничной миграции по признаку пересечения границы совпадает с понятием международной миграции населения, которое дал В. Ионцев (см.: *Ионцев В.А.* Международная миграция населения. М., 1999). При этом к международной миграции были отнесены все виды миграций вне зависимости от сроков, целей при условии пересечения границы. В данном исследовании автор анализировал трансграничную миграцию с различными целями и сроками пребывания, включая туристскую миграцию и миграцию рабочей силы.
3. *Ларин В. Л.* Российско-китайские отношения в региональных измерениях (80-е годы XX — начало XXI в. М., 2005).
4. Хэйлуцзяншэн Э-Чжун бяньцзин миныйцзянь маои цюйюй (Хуши) де цзяньшэ [Строительство российско-китайских зон приграничной народной взаимной торговли провинции Хэйлуцзян (зоны «Хуши»)] // Хэйлуцзян цзинмао. 2004. № 6.
5. Термин «челночная торговля» не имеет, по мнению ряда авторов, четких границ применения. «Челноками» называют людей, которые лично (вне фирм и объединений, занимаются поездками за границу РФ (и стран СНГ) для закупки мелких партий для последующей продажи на рынках в России (см.: *Чудиновских О.С., Жүлин А.Б.* Экономико-демографические аспекты челночного бизнеса в России. М., 2001). Характерная черта челночного бизнеса на Дальнем Востоке РФ: до введения ограничений по весу, в нем участвовали как китайские, так и российские граждане, которые при этом сами реализовали товар на рынках. С началом введения ограничений, а также формированием постадийной межнациональной специализации в приграничной торговле появились «кирпичи» — нелегальные индивидуальные предприниматели (россияне), которые на начальном этапе сами занимались как организацией транспортировки, так и транспортировкой товаров для российских и китайских торговцев в рамках упрощенного режима пересечения таможенной границы для физических лиц. В последствии в связи с установлением ограничений по частоте пересечений таможенной границы физическими лицами функции транспортировки были переданы «фонарям» — помощникам «кирпичей», перевозящим товар за определенное вознаграждение.
6. Российский Дальний Восток и Северо-Восточная Азия. Проблемы экономического сотрудничества. М., 1998. С. 134.
7. Внешнеэкономические связи Амурской области с Китайской народной республикой. Благовещенск, 2000. С. 11.
8. Там же.
9. Труд и занятость в Приморском крае. Владивосток, 1999. С. 29; Труд и занятость в Хабаровском крае. 1992–1999. Хабаровск, 2000. С. 40; Труд и занятость в Амурской области. Благовещенск, 1998. С. 49; Труд и занятость в ЕАО. Биробиджан, 1999. С. 13.
10. Важнейшие из причин снижения официальной взаимной торговли в приграничных регионах: переход во взаимных расчетах на СКВ; снижение цен на мировых рынках на сырьевые товары; политика России на поддержание курса рубля, способствовавшая сдерживанию экспорта страны в целом и ее регионов; повышение внутренних цен в России до мирового уровня (за счет чего сократился экспорт машин и оборудования, завозимых из других регионов страны); ограниченность экспортного потенциала региона. Кроме того, повышение в России в 1997 г. импортных пошлин на ряд товаров также сказалось на объемах взаимной торговли. Оказала влияние на динамику внешнеторговых операций в тот период и политика Китая, направленная на борьбу с перегревом в экономике, низким качеством товаров, дискредитирующим имидж китайского производства в целом.
11. Хэйлуцзяншэн Э-Чжун бяньцзин миныйцзянь маои цюйюй (Хуши) де цзяньшэ [Строительство российско-китайских зон приграничной народной взаимной торговли провинции Хэйлуцзян (зоны «Хуши»)] // Хэйлуцзян цзинмао. 2004. № 6.
12. Там же.
13. Внешнеэкономические связи Амурской области с Китайской народной республикой. Благовещенск, 2000. С. 11.
14. Исследовательский отчет администрации г. Дуннина, КПК Китая «О китайско-российском торговом районе «Дуннин — Полтавка» от 04.05.2000.

15. Хэйлуңцзяншэн Э-Чжун бяньцзин миньцзянь маои цюйюй (Хуши) де цзяньшэ. [Строительство российско-китайских зон приграничной народной взаимной торговли провинции Хэйлуңцзян (зоны «Хуши»)] // Хэйлуңцзян цзинмао. 2004. № 6.
16. О приграничном сотрудничестве Амурской области с Китаем. Записка. Благовещенск, 2008. 73 с.
17. *Островский А. В.* Китай на новом витке экономической реформы // Экономическая реформа в КНР: на рубеже веков. М., 2008. С. 6–13.
18. *Гельбрас В.* Китайская миграция и китайские землячества в России // Мир в зеркале международной миграции: Сб ст. М., 2002. С. 20–37.
19. Данные пограничной статистики.
20. Труд и занятость в Приморском крае. Владивосток, 2005. С. 37; Труд и занятость в Хабаровском крае. Хабаровск, 2004. С. 68; Труд и занятость в Амурской области. Благовещенск, 2009. С. 61; Труд и занятость в ЕАО. Биробиджан, 2004. С. 20.
21. Гуаньюй Э-Чжун бяньцзин миньцзянь маои цюйюй (Хуши) куочжань вэньти де Ху Дуншэн Хэйхэ фушичан де цайфан [Интервью заместителя мэра г. Хэйхэ Ху Дуншэна по вопросу расширения территории зоны российско-китайской приграничной народной торговли «Хуши»] // Хэйхэ жибао. 2004. 15 янв.
22. Данные пограничной статистики. Указано количество пропущенных через КПП российских и китайских граждан в обе стороны (т.е. выезд из страны и возвращение в страну одним гражданином учитывается как два пересечения границы).
23. Там же.
24. Туризм и туристские ресурсы в Амурской области: Записка. Благовещенск, 2009. С. 21.
25. *Понкратова Л.А., Новопашина А.Н.* Оценка эффектов от иностранного сектора в Китае и России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 17 (50). С. 68–79.
26. *Терешьева Т.Г.* Основные направления китайской политики «выхода за рубеж» // Китай новые горизонты реформ: Информ. материалы ИДВ. М., 2005. Ч. 2. Вып. 19. С. 75.
27. *Пэн Хуймин, Цзи Вэйвэй.* Политика трудоустройства в процессе переходного периода // 30 лет реформ в КНР: опыт, проблемы, уроки: Тез. докл. XVII Международ. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы» (Москва, 22–24 окт. 2008 г.). М., 2008. С. 95–97.
28. China Statistical abstract. 2009 / National Bureau of Statistics. Beijing: China Statistics Press, 2009. С. 43.
29. Мониторинг легальной (законной) внешней трудовой миграции за 2008 год / Федеральная миграционная служба. М., 2009.
30. Труд и занятость в Приморском крае. Владивосток, 2009. С. 36; Труд и занятость в Хабаровском крае. Хабаровск, 2009. С. 68; Труд и занятость в Амурской области. Благовещенск, 2009. С. 61; Труд и занятость в ЕАО. Биробиджан, 2009. С. 46.
31. *Понкратова Л.А., Понкратов Р.А.* Международная трудовая миграция на Дальний Восток России: тенденции и воздействие на основные социально-экономические показатели // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 4 (41). С. 115.
32. См. подробнее: *Забияко А.П., Залеская О.В., Капанова Е.А., Тимофеев О.А.* Мост через Амур: история и современное состояние проекта. Благовещенск, 2006.
33. Китайские туристы въезжают в Россию по однократным паспортам. — http://www.ratanews.ru/news/news_20042009_12.stm.
34. Данные пограничной статистики.
35. *Зайончковская Ж.* Перед лицом иммиграции // Pro et Contra. 2005. № 3 (30). С. 72–87; *Портяков В.* О новых моментах в иммиграционной политике России // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 5. С. 105–110; *Мотрич Е.И.* Население Дальнего Востока России. Хабаровск, 2006. С. 170.

Региональный брендинг как инструмент позиционирования имиджа Забайкальского края в системе межрегиональных связей РФ и КНР

© 2010

Т. Кучинская

Автор обосновывает необходимость и направления работы по формированию позитивного представления о Забайкальском крае. Рассматриваются основные теоретические разработки, анализируется содержание понятий и определений, используемых в этой деятельности.

Ключевые слова: бренд региона, имидж региона, международный имидж Забайкальского края.

В условиях интенсификации региональных интеграционных процессов и всепроникающей глобализации положительный имидж региона — это стратегическая необходимость. В результате социально-экономических и политических реформ последних десятилетий в России регионам приходится конкурировать: за инвестиции, информационные, транспортные и туристические потоки, экологические, экономические, социальные и культурные ресурсы, инновационные проекты и человеческий капитал. В условиях жесткой межрегиональной конкуренции возрастает роль позиционирования, позволяющего региону привлекать и наращивать ресурсы для своего развития.

Позиционирование — это воссоздание привлекательного образа региона, повышающего его конкурентоспособность. Цель регионального позиционирования — выделить ключевые характеристики региона, выявить и создать четкие ориентиры, указывающие на территориальную особенность региона, определиться с его перспективными брендами. Позиционировать регион можно только путем продвижения его локальных отличий, отвечающих определенным стратегическим целям.

Общественно-политическая, социокультурная, финансово-экономическая привлекательность регионов — это управляемый процесс, он является следствием сформированного и актуализированного имиджа. Имидж является одним из определяющих факторов восприятия регионов в системе как внутригосударственных связей, так и международных отношений. Имидж региона приобретает статус одного из основных ресурсов, которые предопределяют его экономическую, политическую, социальную перспективы¹.

Существует множество определений имиджа: это — «внешний образ, создаваемый субъектом с целью вызвать определенное впечатление, мнение, отношение у других»; это — и «совокупность свойств, приписываемых объекту рекламой, пропагандой, модой, предрассудками, традицией и т.д. с целью вызвать определенные реакции по отношению к нему». Международное определение имиджа территории (в формулировке Всемирной организации по туризму) включает «совокупность эмоциональных и рациональных»

Кучинская Татьяна Николаевна, кандидат политических наук, доцент кафедры востоковедения Читинского государственного университета. E-mail: kuchinskaya-t@mail.ru

Работа выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям. Государственный контракт № 02.740.11.0363 от 20.07. 2009 г.

нальных представлений, вытекающих из сопоставления всех признаков страны, собственного опыта и слухов, влияющих на создание определенного образа»².

Региональный имидж можно определить как относительно устойчивую и воспроизводимую в массовом и/или индивидуальном сознании совокупность эмоциональных, рациональных представлений, убеждений и ощущений людей, которые возникают по поводу особенностей региона; они складываются на основе всей информации, полученной о регионе из различных источников, а также из собственного опыта и впечатлений. Имидж региона конструируется администрацией, СМИ, выдающимися деятелями различных сфер общества, населением данного региона, как и населенных пунктов, входящих в его состав. Имидж региона — реальный управленческий ресурс, в существенной мере предопределяющий успешность его политических, экономических и социальных позиций. Он как целенаправленно формируемый устойчивый образ связан с таким явлением общественного сознания, как общественное мнение, поэтому определяющим фактором имиджа всегда выступает его социальная составляющая.

Бренд региона — это совокупность непреходящих ценностей, отражающих неповторимые оригинальные потребительские характеристики региона и сообщества, получившие общественное признание и известность, пользующиеся стабильным спросом потребителей. Формируется на основе его ярко выраженного позитивного имиджа, будучи высшим проявлением эмоциональных потребительских предпочтений, важнейшим фактором конкурентных преимуществ региона, активом регионального потенциала.

Анализ научной литературы по имиджологии показал, что функции бренда региона в отличие от имиджа значительно шире и заключаются в следующем:

- бренд имеет ценность для потенциальных потребителей, которая сознательно формируется и управляется в зависимости от стратегических целей развития региона;

- опирается на стратегию создания идентичности, т.е. создание комплекса ассоциаций, которые разработчик стратегии бренда может создать или поддержать. Следовательно, бренд является понятием стратегическим, а не тактическим;

- основан на построении отношений с целевыми сегментами, т.е. разрабатываемая идентичность должна иметь значимость для целевой аудитории, тем самым формируя доверие к бренду;

- бренд создается при помощи программ реализации идентичности, которые основаны на комплексном походе к формированию бренда (региональный брендинг).

Бренд имеет свою структуру, основные элементы которой: индивидуальность; стратегическая миссия; ценности бренда, которые должны быть четко сформулированы; принципы бренда, которыми руководствуется администрация территорий в общении с внешними контрагентами, с местным населением; ассоциации, которые создают вокруг бренда ареол; легенда, логотип и т.п. Построение бренда территории включает в себя глубокое изучение актуальных и потенциальных ресурсов региона и существующих моделей развития. При этом идет трансформация категории «бренд» из сугубо экономической в социально-политическую и социокультурную сферы.

Формулирование миссии и разработка стратегии развития есть необходимые предпосылки регионального брендинга. Одновременно стратегия и миссия являются теми базовыми составляющими, которые позволяют региону предъявлять себя вовне и определять целевые аудитории, в коммуникации с которыми территория заинтересована. Миссия, стратегия, логотип, слоган и ключевые символы составляют минимальный набор необходимых инструментов формирования регионального бренда. «Если страна в целом и регионы в отдельности хотят быть конкурентоспособными, то должны производить идеи. А это — прерогатива брендинга»³.

«Развитие системы долгосрочного планирования на федеральном и региональном уровнях обуславливает необходимость разработки стратегий развития и программ, направленных на достижение стратегических целей. Как показывает международный

опыт, за пониманием территорией (регионом) своей стратегической позиции следует создание и развитие ее бренда; бренд региона позволяет администрации и деловым кругам наиболее эффективно взаимодействовать с различными целевыми группами: инвесторами, межрегиональными и экспортными рынками, населением, туристами. Он переводит стратегические преимущества территории на язык, понятный этим группам, и многократно усиливает значимость этих преимуществ»⁴ [10].

Цель регионального брендинга — обеспечение присутствия бренда региона в информационном пространстве, обеспечение узнаваемости бренда, превращение региона в силу влияния, обеспечение притока ресурсов на территорию, трансляцию региональных инициатив вовне. Бренд естественным путем не создается, он является продуктом сознательного и управляемого осмысления, продуктом искусственно организованной общественной рефлексии и проектирования.

С учетом того, что при построении бренда региона используются принципы построения брендов в бизнесе, проистекает вывод: сущность бренда региона заключается в том, что он должен обеспечивать идентификацию субъекта федерации внутри страны и за ее пределами — в выгодном для субъекта свете. Бренд региона должен быть отражением лучших черт ментальности и традиций населения территории, выполнять идеологическую функцию, объединяя население региона для выполнения общих задач. По своей сути — это квинтэссенция миссии и стратегии развития региона.

В основе формирования бренда региона лежит сложный многоступенчатый процесс, который последовательно охватывает этапы от оценки конкурентоспособности региона, его конкурентной позиции, выработки стратегии регионального развития и основных направлений ее реализации до формирования концепции и архитектуры бренда.

Существует несколько факторов влияния на формирование архитектуры бренда:

- историко-географический (геополитическое влияние, географическое положение, климатические условия);
- экономический (наличие или отсутствие природных ресурсов, близость или удаленность коммуникаций, уровень социально-экономического развития региона, благосостояние населения);
- этнокультурный (национальные традиции, жизненные ценности и установки народов, проживающих на территории региона);
- политический (взаимодействие федеральных и региональных органов власти, налогообложение, бюджетная поддержка проектов на территории региона, международные связи региона и пр.);
- личностный фактор региональных лидеров;
- особенности социально-статусных групп или элит, на которые опираются региональные лидеры;
- контекст (специфика социально-экономических условий, в которых осуществляется работа по продвижению имиджа региона и личных устремлений лидеров и их групп);
- инновационный потенциал региональных политических элит;
- наличие у власти своей региональной идеологии, способной консолидировать общественные силы региона для решения масштабных социально-экономических задач⁵ [6, С. 33].

Региональный брендинг — это процесс формирования бренда-имиджа региона. Он носит сложный, продолжительный характер. Формирование имиджа региона предполагает учет общности его культурно-исторических и пространственно-природных условий, полиэтнической и поликонфессиональной структуры его населения, а также необходимости взаимодействия как с внешней, так и с внутренней средой. Брендинг есть наиболее эффективный инструмент активного позиционирования имиджа региона, процесс построения, развития и управления брендом, цель которого — создание сильного и конкурентоспособного региона.

Тема брендинга территорий, возникшая еще в 1970-е гг. в ряде развитых стран, стала особо популярной в последнее десятилетие. Многие государства, регионы и города уже предприняли масштабные проекты по созданию собственных брендов. Примеры активного развития имиджа страны демонстрируют государства, которые нуждаются в притоке туристов, такие как Египет, Турция, Таиланд⁶ [2]. Концепции построения «гармоничного общества» и «гармоничного мира» Китаем могут быть интерпретированы как брендинговые стратегии формирования национального бренда и позиционирования имиджа страны в мире. Известны и брендинговые проекты российских регионов и городов: Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, Нижегородский регион, Байкальский регион, Алтай, Ростовская область, Воронежская область, Краснодарский край, Москва, Санкт-Петербург, Томск, Барнаул и др.).

Предпринимаемая нами попытка рассмотрения Забайкальского края как объекта регионального брендинга является новаторской. Ранее упоминание региона в данном контексте в научной литературе не встречалось, за исключением социологического исследования имиджа городского округа «город Чита», выполненного на кафедре государственного и муниципального управления и политики Читинского государственного университета⁷ [3], по результатам которого на основе сравнительного анализа социально-экономических показателей развития городов Сибирского федерального округа, контент-анализа местных печатных СМИ и анкетирования автор приходит к выводу, что «у городского округа «город Чита» слабовыраженный имидж»⁸ [3. С. 21].

Существует ряд факторов, требующих учета при разработке и формировании бренда Забайкальского края и позиционирования его имиджа в трансграничном взаимодействии РФ и КНР. При этом данные факторы могут иметь как конструктивное, так и деструктивное воздействие на формирование имиджа:

1. Геополитическое положение. Забайкальский край является одним из приграничных с Китаем регионов России. Общая протяженность государственной границы в Забайкальском крае составляет 1926,8 км (российско-китайский участок – 1095,3 км). Выгодное геополитическое положение края является базовым потенциалом межрегионального взаимодействия, отводя Забайкалью роль «трансграничного коридора российско-китайского сотрудничества».

2. Социально-экономический фактор. Забайкальский край относится к уникальному природному и экономическому региону РФ, функции которого определяются богатым и разнообразным природно-ресурсным потенциалом (месторождения черных, цветных, редких и благородных металлов, урана, флюорита, топливно-энергетического, горно-химического и камне-самоцветного сырья, стройматериалов и декоративно-облицовочных камней, цеолитов и минеральных вод, обширная площадь лесов, сельскохозяйственных угодий и пастбищ).

Социально-экономический уровень развития региона по сравнению с другими субъектами РФ — низкий (ВРП в 2008 г. составил 121 244,5 млн руб.). В общем объеме промышленного производства ведущее место занимает добыча полезных ископаемых (41,8%), производство и распределение электроэнергии, газа и воды (32,7%).

Прослеживается положительная динамика в развитии внешнеэкономического сотрудничества Забайкальского края с многими странами, прежде всего — Азиатско-Тихоокеанского региона (увеличение роста товарооборота и объемов инвестиций). В 2008 г. внешнеторговый оборот Забайкальского края, составил ок. 740 млн долл. Внешнеторговые связи осуществляются с 47 странами дальнего и ближнего зарубежья. До 98% внешнеторгового оборота обеспечивает торговля с Китаем.

Доля экспорта во внешнеторговом обороте по итогам 9 месяцев 2008 г. составляет 32,2%. Основа его товарной структуры – древесина и изделия из нее (90,2%). Экспорт металлов и изделий из них составляет 6,3%. Основу импорта составляют продовольст-

венные товары и сельскохозяйственное сырье (44,5%), машины, оборудование и транспортные средства (25,5%), металлы и изделия из них (11,9%).

Низкий уровень социально-экономического развития Забайкальского края, определяющий его как депрессивный, и ресурсная ориентированность экспорта – это основные источники формирования антинимджа региона в системе межрегиональных экономических связей.

3. Инвестиционная привлекательность региона. Основные факторы, обеспечивающие инвестиционную привлекательность Забайкальского края: выгодное географическое положение (близость рынков сбыта Азиатско-Тихоокеанского региона; благоприятные возможности для развития торгово-экономического сотрудничества с Китаем и Монголией); уникальная минерально-сырьевая база; наличие законодательства, обеспечивающего защиту прав и льготный налоговый режим для инвесторов.

Крупные инвестиционные проекты регионального уровня: освоение Верхне-Чинейского участка Чинейского месторождения комплексных руд. Освоение Голевского месторождения сынныритов, освоение участка «Контактный» Чинейского месторождения комплексных руд, освоение Кручининского месторождения апатит-титаномагнетитовых руд, освоение Зашуланского месторождения каменного угля, освоение Нижне-Сакуканского участка Чарского месторождения железных руд, освоение участка «Сквозной» Чинейского месторождения комплексных руд, освоение Читкандинского месторождения каменного угля, освоение Южно-Сулуматского участка Чарского месторождения железных руд и др.⁹ [5].

4. Социокультурный потенциал региона. Социокультурная среда Забайкальского края представляет собой контактную зону межцивилизационного общения РФ и КНР, являясь потенциалом культурной регионализации. Культурная регионализация китайских и российских регионов осуществляется на основе ассимиляции различных элементов граничащих культур, не разрушая их, и выявляя потенциальные точки роста, предопределяя межкультурное взаимодействие приграничных региональных пар (АРВМ КНР и Забайкальского края РФ) и особенности формирования трансграничного культурного ландшафта и межкультурной идентичности, сущностью которой становится взаимопроникновение разнотипных культур (на территории трансграничья культур китайской, русской, и культур национальных меньшинств монгольской, бурятской, эвенкийской, даурской и др.)

Культурная отрасль в приграничных районах КНР развивается достаточно бурно, что обуславливает необходимость более продуктивного межкультурного диалога, включающего все возможные направления, в т.ч. и работу по формированию более эффективного имиджа соседнего региона среди населения¹⁰.

5. Уровень развития межрегиональных приграничных связей. В целом межрегиональное сотрудничество РФ и КНР на приграничном уровне в начале XXI в. приобрело определенную структуру. Главная форма взаимодействия — экономическое сотрудничество с преимущественными направлениями: торговля; экспорт китайской рабочей силы; инвестиционное, производственное и научно-техническое сотрудничество. При этом промышленное, технологическое, инвестиционные виды сотрудничества до сих пор не смогли занять заметной ниши в российско-китайских экономических связях, что в большей степени связано с отсутствием инвестиционной привлекательности российских территорий.

Экономическое сотрудничество дополняется гуманитарным обменом, который происходит на разных уровнях между представителями региональных пар РФ и КНР. Гуманитарный обмен, формально организованный властными структурами приграничных территорий, продолжает осуществляться в рамках официальных связей в области науки, образования, культуры, медицины, спорта, обмена молодежными, женскими и детскими делегациями. Наиболее регулярно гуманитарные контакты осуществляются в

рамках соглашений о побратимских связях, обязательно предусматривающих культурный и спортивный обмен: гастроли профессиональных и самодеятельных (танцевальных, хоро-вых, театральных) коллективов, фестивали художественных фильмов, художественные и фотовыставки. Контакты в области науки, образования, здравоохранения осуществляются преимущественно на основе двусторонних соглашений между заинтересованными организациями. Наиболее интенсивно развивается сотрудничество в сфере изучения китайского и русского языков. Интерес здесь во многом определяется не гуманитарными потребностями, а рыночной конъюнктурой, спросом на переводчиков и специалистов со знанием языков. Основной формой научного сотрудничества являются двусторонние связи высших учебных заведений и научных учреждений. Соглашения между ними определяют как общие, декларативные формальные принципы научного сотрудничества (обмен учеными, литературой, информацией, проведение совместных конференций), так и конкретные, предусматривавшие совместные разработки, проекты, экспедиции и исследования.

Легальным способом свободного перемещения людей и товаров стал международный туризм, который является одним из источников интенсивного социально-экономического развития приграничных территорий Китая и формой прибыльного бизнеса на российском приграничье, каналом пополнения числа нелегальных мигрантов на территории России. При этом необходимо отметить неравномерность туристических потоков с китайской и российской сторон.

Международный туризм способствует инвестированию денежных средств из-за рубежа в региональную экономику, созданию рабочих мест в различных сферах регионального производства. В Забайкальском крае к причинам, сдерживающим развитие туризма относятся: слабая имиджевая политика, низкий уровень качества предоставляемых услуг на фоне высокого уровня цен, неразвитая инфраструктура¹¹.

5. Политико-управленческий фактор. Управление системой формирования бренда/имиджа региона тесно связано со стратегическим управлением развитием самого региона. Выделяются этапы, аналогичные разработке стратегии брендинга: анализ внешней и внутренней среды функционирования имиджа; позиционирование, анализ и определение целей формирования имиджа; контроль результатов и достижения целей. Т.е., стратегическое управление региональным развитием и управление системой формирования имиджа региона осуществляются в рамках одной функции управления.

К основным документам, призванным определить долгосрочную стратегию регионального развития Забайкальского края относятся:

1) «Стратегия развития Дальнего Востока, Иркутской области, Забайкалья и республики Бурятия», разработанная специалистами Минрегиона и представленная 10 сентября 2009 г. на IV Дальневосточном международном экономическом форуме в Хабаровске. Проект стратегии предусматривает выделение на территории Забайкальского края Забайкальской индустриальной зоны, где планируется развивать горно-металлургические комплексы, деревообрабатывающую промышленность, строительную индустрию, мясное скотоводство. На территории региона определены зоны опережающего развития, призванные стать центрами привлечения инвестиций. Всего их десять, в том числе шесть зон федерального и четыре – регионального уровня. Кроме того проект стратегии Минрегиона включает дополнительный раздел, который относится к приграничному сотрудничеству российских регионов с сопредельными странами Азиатско-Тихоокеанского региона¹².

2) Законопроект «О стратегических направлениях развития Забайкальского края на период до 2025 года и программе социально-экономического развития края на 2010–2014 годы», внесенный 9 сентября 2009 г. на рассмотрение регионального парламента Забайкальского края. Выработка основных стратегических направлений развития Забайкальского края, как и долгосрочная программа его развития, преследуют несколько целей. Один из приоритетов – сокращение разрыва в социально-экономическом развитии

между Забайкальским краем и другими регионами СФО и России. Достичь экономического роста предполагается, прежде всего, за счет развития горно-рудной отрасли. К перспективным инвестиционным проектам ученые относят освоение месторождений Севера Забайкальского края: Удоканского, Чинейского, Катугинского, Апсатского. Предлагается продолжить инвестирование промышленного производства, строительство цементного завода на границе Оловянинского и Могойтуйского районов, реализацию проектов по созданию промышленных зон в п.г.т. Могойтуй и п.г.т. Забайкальск, развитие производств по глубокой переработке древесины. Усилен акцент на приграничное сотрудничество. Предполагается создание до 30–40 зон промышленного, сельскохозяйственного, строительного и торгового типа с размещением на них предприятий и организаций с иностранным, смешанным и российским капиталом¹³.

Подводя итог, стоит отметить, что все вышеперечисленные факторы являются основополагающим потенциалом брендинговой стратегии формирования и позиционирования международного имиджа Забайкальского края в трансграничном взаимодействии РФ и КНР. В результате факторного анализа были выявлены ключевые ценности бренда Забайкальского края: геополитическое положение, обеспеченность природными ресурсами, инвестиционная привлекательность, экономический, культурный и политико-управленческий потенциал. Конструирование бренда – процесс многоплановый и продолжительный, и с учетом того, что Забайкальский край ранее не выступал в качестве объекта регионального брендинга, – требует дальнейшей научной разработки.

1. *Короткин К.Р.* Необходимость и особенности формирования имиджа региона [Текст] / К.Р. Короткин // *Дневник Алтайской школы политических исследований.* № 24. Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны): материалы международной научно-практической конференции/ Барнаул, 2008. — С. 32—35.
2. Что подразумевается под термином «брендинг территорий»? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://baikalproject.ru/bp07_about_brending.php?s=04e49baedde88a27100838f1d7ef2619.
3. Экономика символов и бренды регионов: материалы для государственно-патриотического клуба ВПП «Единая Россия» // Национальный Институт развития современной идеологии. М.: НИРСИ, 2008. – www.nirsi.ru/analitic/materials/lmidj_territor.pdf.
4. *Шестопалов А.* Брендинг регионов // Семинар Совета по национальной конкурентоспособности. – <http://naso.ru/>
5. *Короткин К.Р.* Необходимость и особенности формирования имиджа региона // *Дневник Алтайской школы политических исследований.* № 24. *Соврем. Россия и мир: альтернативы развития (роль рос. регионов в формировании имиджа страны): материалы междунар. научно-практ. конф.* Барнаул, 2008. С. 33.
6. *Атаев Д.М.* Формирование целостного восприятия значения «имидж региона». — http://isei.communityhost.ru/thread/?thread__mid=94846956.
7. *Гордеева Т.Н.* Управление системой формирования имиджа города (на примере городского округа «Город Чита»): автореф. дис.... канд. социолог. Наук. Чита, 2008. 24 с.
8. Там же. С. 21.
9. Забайкальский край: Инвестиционный справочник. — <http://invest.bujet.ru/article/52810.php>.
10. *Ли Пин.* Культурная регионализация в условиях межкультурного взаимодействия (на примере автономного района Внутренняя Монголия КНР). Чита, 2008. С. 184.
11. *Абрамова Н.А., Кучинская Т.Н.* «Китайский регион» в политическом измерении Чита, 2008. С. 137–140.
12. На Дальнем Востоке и в Забайкалье создадут зоны опережающего экономического роста // ZABINFO. RU. Новый взгляд на Забайкалье. – <http://zabinfo.ru/modules.php?op=modload&name=News&file=article&sid=59211&mode=thread&order=0&thold=0>.
13. Там же.

Государство и общество

Социальный аспект нетрадиционных вызовов Китаю

© 2010

В. Ганишин

Статья посвящена проблеме нетрадиционной безопасности в современном Китае. Автор рассматривает существующие концепции и определения, относящиеся к нетрадиционным угрозам безопасности, дает обзор исследований китайских специалистов по данной тематике. Рассматривается также деятельность государства, неправительственных и общественных организаций в борьбе с этой угрозой.

Ключевые слова: нетрадиционные угрозы, социальная стабильность, протестное движение, гражданские объединения.

Пожалуй, два события последнего времени заставили весь мир больше говорить о Китае. Это, конечно же, пекинская Олимпиада и мировой финансовый кризис. Сегодня уже можно уверенно констатировать: и то, и другое доказали возросшую комплексную мощь КНР, подтвердили обоснованность претензий Пекина на ведущие роли в международной политике. Не должно удивлять в этой связи и то обстоятельство, что практическое возвышение Китая сопровождается его попытками утвердиться в новом для него качестве локомотива теоретических инноваций. Так, в разное время стали пользоваться популярностью заимствованные или вполне аутентичные термины «Пекинский консенсус», «ответственное государство», «гармоничный мир».

«Пекинский консенсус» — в отличие от «Вашингтонского» — символизирует привлекательность китайского опыта модернизации, осуществляемой не монетаристскими методами, а при помощи инвестиционной модели развития с очень высокими темпами роста. Эту модель отличает ведущая роль государства в экономике, опережающий рост промышленности, резкое сокращение бедности, повышенное внимание к развитию науки и образования. Распространение этого опыта самим Китаем и его партнерами, в том числе в странах Азии, Африки и Латинской Америки, по мнению некоторых западных политологов, угрожает тем, что «вместе с экономическим опытом расширяет сферу политического авторитаризма».

Если реализуемость «Пекинского консенсуса» в силу целого ряда причин оспаривается многими политологами и экономистами, тема «ответственности Китая» стала весьма популярной в последнее время. Китай, по заявлениям его руководителей, вопреки

обвинениям со стороны некоторых его недоброжелателей, готов нести свою долю ответственности вместе с международным сообществом. Более того, средства массовой информации Поднебесной напоминают: еще в 1956 г. Мао Цзэдун говорил, что «Китай должен внести значительный вклад в развитие человечества». История Нового Китая, продолжает, например, «Жэньминь жибао»¹, свидетельствует о том, что страна всегда брала на себя значительную долю международной ответственности. На протяжении десятилетий, будучи небогатым государством, Китай бескорыстно предоставлял миру огромную помощь. КНР направила десятки тысяч военнослужащих для участия в операциях ООН по поддержанию мира — больше, чем все остальные пять государств — постоянных членов Совета Безопасности ООН. Китай — единственная страна, которая взяла на себя обязательство не применять ядерное оружие первой. В 1997 г. в разгар азиатского финансового кризиса Китай поддерживал национальную валюту, не допуская ее девальвации, тем самым внес значительный вклад в преодоление кризиса азиатскими странами. Китай также сыграл важную роль в содействии выходу мира из нынешнего глобального кризиса. Китай незамедлительно направил спасательные и медицинские отряды на Гаити, в страну, с которой даже не установлены дипломатические отношения.

Появление концепции «гармоничного мира», похоже, явилось логическим продолжением развития этой теории внутри самого Китая.* Тем самым китайские идеологи как бы дали ответ западным теориям о «столкновении цивилизаций» и «конца истории».

Что же мешает будущему гармоничному миру? По мнению ряда китайских политологов и аналитиков, это все более тесное переплетение традиционных и нетрадиционных угроз, вызовов, перед которыми стоит человечество. К первым обычно относят вопросы, связанные с военной безопасностью, представляющие угрозу для безопасности того или иного государства. Нетрадиционные угрозы, ставшие наиболее очевидными после событий 11 сентября 2001 г., охватывают самый широкий спектр существования наций и государств, затрагивают области финансов, культуры, экологии, информации или здравоохранения. Как писал, например, журнал «Цюшн», такой аспект нетрадиционной безопасности как экономическая безопасность, особенно очевиден сегодня с развитием глобализации².

Окончание «холодной войны» привело к уменьшению традиционных военных и политических угроз в условиях разрядки в отношениях между государствами. Вместе с тем возросло влияние на мировое сообщество конфликтов нетрадиционного формата — между человеком и обществом, человеком и природой. А в контексте глобализации они стали возрастающей транснациональной угрозой.

В Пекине полагают, что если традиционные угрозы связаны с миром и войной, то противостояние нетрадиционным вызовам, напротив, содействует поиску гармонии между государствами, народами и регионами. Именно в этом заключается позитивный момент изменений в концепции безопасности. Необходимость совместного противостояния нетрадиционным угрозам как бы перенацеливает нации с борьбы и конкуренции в сторону поиска взаимопонимания, сотрудничества при сохранении различий между ними. Становится все более востребованной коллективная безопасность. Тогда как в прошлом важнейшим было внимание к сохранению суверенитета в понимании территориальной целостности и национального единства, теперь возрастает значение нормального общественного (социального) развития и повышения уровня жизни человека.

* Задача построения общества, «стимулирующего максимальное раскрытие способностей каждого гражданина, гарантирующего достойную отдачу и обеспечивающего гармоничное сосуществование членов общества» была провозглашена на 4-м пленуме ЦК КПК 16-го созыва (октябрь 2006 г.)¹. Позднее этот тезис получил развернутое звучание в ходе работы XVII съезда КПК (октябрь 2007 г.) в виде концепции построения «гармоничного социалистического общества».

В современном Китае теме нетрадиционной безопасности уделяется довольно большое внимание. Первая серьезная работа, посвященная этой проблеме, появилась в 2003 г. в виде сборника статей, обобщивших многолетний труд более чем 20 ученых³. В книге проанализированы различные виды таких угроз, предлагаются пути борьбы с ними.

В 2006 г. в Чжэцзянском университете в Китае был создан Центр по изучению нетрадиционной безопасности и мирного развития, в котором сегодня работают крупнейшие специалисты в этой области (более 80 чел.). Почетный директор Центра — профессор Ван Ичжоу — заместитель директора Института мировой экономики и политики Академии общественных наук Китая, автор многих работ по различным аспектам безопасности. В сентябре 2009 г. на базе университета прошла международная конференция «Традиционная и нетрадиционная безопасность: опыт Китая перед лицом глобального вызова». С докладами на ней выступили многие известные ученые из разных стран, в том числе и один из главных специалистов в этой области профессор из Великобритании Б. Бузан. Именно его и коллегу из США Р. Ульмана называют основоположниками концепции нетрадиционных угроз безопасности⁴. Благодаря их исследованиям появились определения данного понятия, которые являются базовыми и по сей день, хотя постоянно подвергаются корректировке и уточнениям.

О чем идет речь?

Есть несколько ключевых моментов, которые следует прояснить, прежде чем более подробно рассматривать этот вопрос применительно к Китаю. Например, что на самом деле можно и следует отнести к понятию «нетрадиционные угрозы безопасности»? При ближайшем рассмотрении нетрудно заметить очевидную тенденцию максимально расширить список нетрадиционных угроз и все «валить в одну корзину». Причин тому несколько — от национальных, политических, социально-экономических особенностей различных стран (например, правительство США озабочено в первую очередь угрозами со стороны международного терроризма и проблемой распространения оружия массового уничтожения, тогда как палестинцев, например, больше волнует нехватка водных ресурсов или невозможность вернуться на свои земли) до вульгарного стремления заполучить бюджетные или спонсорские финансовые средства. На международных конференциях, на страницах журналов и книг называют по два-три десятка тем, которые могли бы стать предметом серьезного исследования и обсуждения: здесь и так называемые «рыбные» конфликты, «городские пробки», вымирание отдельных видов представителей фауны, борьба с нищетой, аварии коммуникационных линий, отсутствие языковых стандартов и т.д.

В принципе, к нетрадиционным угрозам безопасности можно причислить любую серьезную проблему современного общества. Китай в этом отношении не исключение. В число нетрадиционных угроз некоторые местные политологи зачисляют проблемы развития западных областей страны и восстановление Северо-Восточного региона, безработицу и положение мигрантов, условия жизни бездомных, стариков, нищих и т.д. Или другой пример: является ли для государства угрозой безопасности нетрадиционного характера распространение вируса атипичной пневмонии? Как полагает один из видных авторитетов в этой области генерал НОАК Сюн Гуанкай, если заболевание не распространилось чрезмерно широко или за пределы государства, вряд ли имеет смысл связывать эту проблему с вопросами нетрадиционной безопасности. К сожалению, считает генерал, большинство исследователей вместо того, чтобы дать четкие и ясные определения термину «нетрадиционная угроза» предпочитают множить число примеров на эту тему.

Признавая сложность вопроса, Сюн Гуанкай предлагает условно разделить нетрадиционные угрозы на 4 вида: 1) угрозы, выходящие за государственные границы и потому считающиеся транснациональными по определению; 2) угрозы, выходящие за рамки военной сферы; 3) угрозы, возникающие неожиданно и внезапно; 4) угрозы, часто переплетающиеся с традиционными вызовами⁵. По его мнению, все эти угрозы характерны тем, что они затрагивают не одно государство или нацию, а потому не могут быть

решены в рамках одной страны или обычными мерами. Кроме того, говоря о переплетении традиционных и нетрадиционных угроз, следует иметь в виду, что они, находясь в тесном взаимодействии, оказывают влияние друг на друга и при определенных условиях способны меняться местами. Схожей точки зрения придерживаются и специалисты из Шанхая Го Сюетан и Юй Синьтянь, ряд других исследователей⁶.

В принципе, в среде китайской научной и политической элиты существует определенный консенсус в понимании реальности угроз со стороны нетрадиционных источников. Более того, многие полагают, что нетрадиционные угрозы сегодня выглядят более реально, чем традиционные, так как с ростом комплексной мощи КНР ее безопасность надежно защищена вооруженными силами страны, дипломатическими успехами на международной арене. Тем не менее, определения понятия «нетрадиционная угроза», как уже отмечалось, не отличаются единообразием и четкостью. Похоже, этому термину придают различное значение и толкование, исходя из разных подходов к обсуждаемому вопросу.

Почему представляется важной попытка понять различные точки зрения? На наш взгляд, это позволит правильнее оценивать мотивы и действия руководства КНР по отражению внешних вызовов, возможный диапазон сопротивления традиционным и нетрадиционным угрозам безопасности страны.

Как пишет Сюзанна Л. Крэйг в своей работе «Китайское восприятие традиционной и нетрадиционной угрозы безопасности», ссылаясь на мнение Ли Дуняня, старшего научного сотрудника Института мировой экономики и политики АОН Китая⁷, в целом подходы к проблеме могут быть разделены на три основные точки зрения: реализма, двойной безопасности и безопасности по отношению к личности.

Реалисты, считает Ли Дунянь, очевидно доминируют. Они рассматривают угрозы национальной безопасности с точки зрения реальной перспективы, отдавая приоритет силе, суверенитету и национально-государственной безопасности. Чтобы их обеспечить, они признают необходимость международного сотрудничества и использования невоенных средств для решения проблемы нетрадиционной безопасности. Новые угрозы, по мнению сторонников этого подхода, исходят в первую очередь от нетрадиционных акторов — транснациональных преступных группировок, бандформирований, террористов, экстремистов и сепаратистов. В данном случае речь идет о невоенных угрозах — экономической, финансовой безопасности, обеспеченности ресурсами, информационной, культурной, коммуникационной безопасности. Такой подход в принципе исключает угрозу нетрадиционной безопасности для отдельного человека. Угрозам подвергается национальный суверенитет, а не частные лица.

Концепция двойной безопасности рассматривает проблему комплексно: угрозы традиционные и нетрадиционные тесно переплетаются, а потому опасность грозит не только государству, но и индивидууму, они существуют на международном и глобальном уровнях. Набор угроз предлагается тот же — экономические, социальные, экологические.

Идея безопасности по отношению к личности исходит из посыла — не государственная безопасность обеспечивает безопасность личности, а безопасность личности является основой общей национальной безопасности. Кроме того, в данном контексте присутствует и такое понятие, как политическая безопасность и социальная стабильность в качестве компонентов нетрадиционной безопасности. Такой подход наиболее близок к международным оценкам, учитывая, что многие документы специализированных организаций ООН содержат призывы к политической и социальной безопасности, социальной справедливости и сбалансированного развития.

Еще одна особенность этой идеи — принятие концепции глобального общества, расширение идеи безопасности в глобальном измерении.

По мнению большей части политической и научной элиты Китая, концепция безопасности по отношению к личности выглядит чересчур расплывчатой. Мысли и положения, заложенные в ней, не являются приоритетно важными, чтобы помещать их в

разряд национальных программ безопасности. Без национальной безопасности, считают в Пекине, нет безопасности личности. Все остальное — утопический идеал. В политическом смысле — это западные ухищрения, единственная цель которых — попытка вмешательства во внутренние дела КНР и угроза национальной безопасности страны.

Перечисленные выше три взгляда на проблему породили в КНР, как считает уже упоминавшийся Ван Ичжоу, две школы понимания и изучения проблем нетрадиционных видов безопасности — так называемую «техническую» и «системную»⁸. К первой относятся «реалисты» и сторонники двойной безопасности, а выступающие за безопасность личности — к системной школе. Ее последователи считают, что исследования проблем нетрадиционной безопасности должны осуществляться в плоскости пересмотра отношений между государством и обществом, стране необходимы системные реформы в политической и социальной сферах.

В отличие от них «техники» мыслят в категориях времени, пространства и формы, а не идеологии или политических ценностей. Они подчеркивают: технические и физические угрозы более серьезны, чем политические или социальные как для отдельных людей, так и для государства-нации. По их мнению, вопросы обеспечения нетрадиционной безопасности не имеют отношения к политической системе, состоянию общества или статусу отдельных личностей.

Ван Ичжоу уверен, что подход Китая к проблеме нетрадиционной безопасности сегодня ограничен традиционной китайской политической культурой, а также теми условиями, которые сложились в современном китайском обществе. Это заметно отличается от европейского или американского взгляда на проблему. Так, по сравнению с европейскими странами, для Азии характерно отсутствие наднациональной культуры. После Второй мировой войны страны Западной Европы вынуждены были развиваться в сторону политической и национальной толерантности. Практика Евросоюза требует от европейцев принять наднациональное вмешательство на национальном и индивидуальном уровнях. Поэтому европейцам гораздо проще понять принципы глобального управления и безопасности человечества в целом, принять доминирующее значение международного права и международных организаций.

В Азии, похоже, по-прежнему доминируют «реалисты» и сторонники суверенитета культур, особенно в крупных азиатских странах. Азиатская политическая культура никогда не выходила за рамки национальных границ и для большинства стран Азии укрепление национального суверенитета и национального единства по-прежнему являются главными приоритетами национальной безопасности.

В Китае считается предпочтительным, чтобы личные интересы подчинялись коллективным или национальным интересам. Большинство китайцев уверены, что если существует национально-государственная безопасность, то нет угрозы человеческой безопасности.

В Китае долгое время национальная безопасность понималась исключительно как военная безопасность и как угроза территориальной безопасности. В процессе реформ возникли другие угрозы, на которые сегодня нельзя не обратить внимания: экономике, финансам, экологии. Главной ареной возможного кризиса в КНР в ближайшие годы может стать именно социальная сфера, затем уже экономика и только потом — политика. Именно здесь многие специалисты по Китаю видят «мину замедленного действия», заложенную под тщательно выстраиваемый властями фундамент гармоничного общества с китайской спецификой.

Начало процесса реформ в КНР обеспечило не только развитие страны с точки зрения макроэкономических показателей и повышения жизненного уровня населения, но и оказало прямое или косвенное влияние на разные стороны внутренней жизни страны, в том числе и на взаимоотношения между государством и обществом. Развитие этих взаимоотношений представляет собой интерес и в свете того, что они охватывают не только

сферу экономического реформирования, но и оказывают влияние на социальное состояние общества.

Практика показала, что успехи в экономическом развитии во многом зависят от политической стабильности и обстановки в обществе. Более того, можно утверждать, что только внутренняя стабильность способна гарантировать длительное и устойчивое хозяйственное развитие.

Между тем переход страны на рыночные рельсы, естественная неравномерность в развитии отдельных отраслей, регионов, породили материальное и социальное неравенство в обществе, которое с каждым годом все увеличивается, грозя приблизиться к критической черте.

Видимо, этот процесс неизбежен, и единственное средство устранить особо вызывающее неравенство (во многих случаях — несправедливое) — это общий экономический рост, повышение его эффективности, правильная система налогов, борьба с незаконно нажитым богатством. Пока же, считает научный сотрудник Института управления Пекинского университета Гуань Хайтин, неравенство в доходах «зачастую трансформируется в общественное недовольство и уродливую форму обогащения». Согласно обследованиям, проведенным Академией общественных наук Китая, «80,8% людей испытывают недовольство в связи с разрывом в доходах»⁹. Особенно нетерпимым является существование значительных групп населения, живущих на грани бедности или фактически в состоянии бедности.

Еще в 1990-х гг. была принята государственная программа по борьбе с бедностью. Речь шла о 250 млн чел., в основном крестьян, проживающих в отдаленных районах, национальных окраинах (Тибет, Синьцзян, Гуйчжоу и ряд других). Этим категориям жителей оказывалась планомерная финансовая поддержка, для них создавались новые рабочие места и т.д. В результате число «бедных семей» (людей, живущих подчас в условиях средневековой отсталости) сократилось до 45 млн¹⁰.

Если «зоной бедности» раньше обычно считалась деревня, то в последние годы эта категория населения выросла за счет городских жителей, потерявших работу, в том числе вследствие проведения реформы предприятий. Эта группа городских жителей, численностью порядка 22 млн чел., не может найти себе новую работу и живет почти исключительно на мизерные страховые выплаты.

Следует сказать, что безработица стала сегодня одним из негативных и весьма опасных социальных последствий реформы. По данным Министерства труда Китая, превышение численности работников над спросом на нее равняется 183,5 млн чел. Иначе говоря, скрытая безработица достигает в стране 26,65%¹¹. Нет нужды пояснять, какую социальную угрозу представляют эти цифры.

Из факторов, дестабилизирующих социально-экономическую обстановку, выделяется неудовлетворительное состояние общественного правопорядка. Рыночная трансформация сопровождалась в Китае ростом преступности: с 5,5 уголовных преступлений на 10 тыс. населения в 1978 г. до примерно 20 в 1990-х гг. Рост уголовной преступности вышел на первое место среди беспокоящих горожан проблем. Особенно тревожит общество рост экономических преступлений. Раздражающий характер усиливается нередкой вовлеченностью в круг коррумпированных лиц высокопоставленных чиновников, их детей и близких родственников, а также отсутствием явных успехов в борьбе с этими пороками.

Чтобы снять или, по крайней мере, ослабить эти негативные проявления переходного периода, необходимы соответствующие механизмы регулирования интересов различных слоев общества. С теоретической точки зрения, одним из важнейших условий социальной гармонии должны служить социальная беспристрастность и справедливость. Беспристрастность и справедливость в обществе, по мнению руководства страны, являются основными требованиями социальной гармонии. В построении такой системы особая роль отводится государству, его институтам. Именно они призваны осуществлять регулирую-

щую функцию в улучшении работы финансовой системы, в том числе, в структуре доходов и расходов. Предполагается, что центр в ближайшие годы увеличит инвестиции в сферу общественного сервиса, в дело образования, здравоохранения, культуры, трудоустройства и повторного трудоустройства, социального обеспечения, улучшения экологической обстановки, социальной инфраструктуры, общественной безопасности. По уже сложившейся практике власть при осуществлении социальных проектов намерена и впредь опираться на общественные организации, добровольные союзы и объединения граждан.

В Китае существует поговорка: «проточная вода не гниет». В данном случае имеется в виду, что социально мобильный член общества, любой человек, имеющий перспективу, веру в будущее способен повысить свой социальный статус, может сделать выбор в соответствии с уровнем образования, наличием способностей и степенью усердия, в состоянии изменить свою жизненную траекторию. Пример — жизнь крестьян в городе, которая несколько не лучше жизни тех горожан, которые лишились работы. Но между этими группами, считают китайские социологи, есть и принципиальное отличие: вчерашние деревенские жители находятся в т.н. «восходящем потоке», у них есть перспектива вырваться из своего круга. У городских безработных, напротив, такая надежда утрачена. Социальный «лифт» привез их на низшие этажи. Отчаяние и отсутствие перспективы — серьезный повод для недовольства, как своим положением, так и всей окружающей системой в целом. А отсюда всего шаг до открытого выражения протеста, социального конфликта, нарушения стабильности в обществе. Именно того, чего опасаются власти сегодня.

Если верить некоторым западным средствам массовой информации, в Китае царит сплошное беззаконие, повсеместно и ежечасно нарушаются права человека, вся страна живет в колоссальном по своим размерам концентрационном лагере. Конечно, признать идиллическим китайский социальный пейзаж, вряд ли будет справедливо. Но нужно сказать: те выступления протеста, о которых пишет западная печать, все-таки имеют свою «китайскую специфику». Нам представляется, наиболее полная картина существующего положения содержится в анализе, предложенном профессором Научно-исследовательского института деревни АОН Китая Юй Цзяньжуном¹⁴. Приводимые им цифры свидетельствуют о росте количества массовых выступлений в стране: в 1993 г. в Китае было 8709 таких случаев, в 1999 г. их количество превысило 32 тыс., в 2003 г. — 60 тыс., в 2004 г. — 74 тыс., в 2005 г. — 87 тыс. Таким образом, за десять с небольшим лет количество протестных выступлений выросло в 10 раз. Среди них крестьянские волнения против властей составили 35%, выступления рабочих — 30%, без видимых причин — 5%, проявления организованной преступности — 5%. По мнению автора доклада, основанного на практических исследованиях, и крестьянская борьба, и выступления рабочих, и волнения городского населения имеют свои характерные особенности.

Во-первых, это борьба мирными, а не силовыми средствами, здесь экономические интересы преобладают над политикой. Во-вторых, преобладает борьба в рамках правил, правда, по мере перехода к совместным действиям иногда берут верх силовые методы. В-третьих, эмоции часто преобладают над рациональными действиями. Это происходит, в основном, из-за того, что люди испытывают шок от действий властей по ущемлению их гражданских прав. В-четвертых, многие действующие законы противоречат реальности, существуют многочисленные их нарушения.

В Китае этой теме уделяется немало внимания. Власти справедливо полагают, что без понимания политических механизмов конфликта, причин его возникновения, невозможно понять суть позитивного эффекта политической стабильности. «Среди проблем Китая важнейшей является стабильность. Без стабильности ничего не получится, даже можно утратить уже достигнутое» — этот вывод Дэи Сяопина китайские политологи понимают как чрезвычайно важный постулат дальнейших исследований в данном направлении¹³.

По мнению Юй Цзяньжуна, Китай находится сегодня перед вызовом, с которым западные государства столкнулись еще 200 лет назад. Он считает: чтобы успешно решать эту проблему надо, с одной стороны, учитывать быстрое экономическое развитие Китая в последние годы, а с другой, что это развитие происходит в условиях индустриализации, урбанизации и перехода от плановой экономики к рыночной. В процессе бурного развития экономики возникают разного рода проблемы. Рыночная экономика порождает неодинаковые общественные интересы, и в этом, вероятно, самая глубокая причина конфликтов.

Неправительственные организации, различного рода общественные союзы, ассоциации, объединения призваны помочь государству справиться с возникающими нетрадиционными вызовами и угрозами в социальной сфере. С одной стороны, гражданские инициативы должны решать проблему «обратной связи», внятно и последовательно убеждать власть в необходимости тех или иных перемен в интересах общества. С другой стороны, формирующиеся НГО, призваны «гасить» спонтанные протестные выступления, организуя и направляя их в русло более цивилизованного разрешения социальных конфликтов. Именно в этом — сохранении и укреплении социальной стабильности — руководство страны видит главную задачу современного китайского гражданского общества, действующего в условиях нарастающих нетрадиционных угроз.

1. Жэньминь жибао. 2010. 15 янв.
2. Цюши. 2009. Vol. 1. No 1.
3. Жэньминь жибао. 2003. 7 нояб.
4. См., например: *Ulman R. Redefining Security // International Security*. 1983. Vol. 8, No 1.; *Buzan B. States and Fear: The National Security Problem in International Relations*. Chapel Hill, NC, 1983.
5. *Xiong Guangkai. Joint Efforts to Deal with the New Challenge of Nontraditional Security Threats // Shijie Zhishi*. 2005. 1 авг.
6. *Guo Xuetong. "Nontraditional Security and China's Rise". Mao Zedong. Deng Xiaoping Lilun Yanjiu*. 2005. 30 dec. P. 24–28; *Yu Xintian. Understanding and Preventing New Conflicts and Wars: China's Peaceful Rise as a Strategic Choice // International Review*. 2004. Vol. 35. — www.sis.org/cn/english/journal/2004/2/Yu%20Xintian.htm.
7. См.: *Craig L. Chinese Perceptions of Traditional and Nontraditional Security Threats*, March 2007. — www.strategicstudiesinstitute.army.mil.
8. *Defining Non-Traditional Security and Its Implications for China*, Yizhou Wang. — www.iwep.org.cn.
9. Пути реформ и их перспективы в Китае и России // Экспресс-информация ИДВ РАН, М., 2003. С. 44.
10. Агентство Синьхуа. 23.08.2007.
11. Китайская Народная Республика. М., 2000. С. 168.
12. Подробнее см.: Экспресс-информация. М., 2009. № 1. Китай. Проблемы гармоничного и устойчивого развития. С. 19–31.
13. См., например: *Сун Яньтао. Теория политической стабильности в реформируемом обществе // Чжэнчжисюэ*. 2005. № 3.

История

Сотрудничество общественных организаций Китая и России и его роль во взаимоотношениях двух стран в XX веке

© 2010

Хуан Лифу

В статье прослеживается взаимодействие китайских и российских общественных организаций на протяжении XX столетия. Автор выделяет три этапа сотрудничества: с начала века до образования КНР; 1950–1970-е гг.; период политики реформ и открытости в Китае. Анализируется роль обществ дружбы, ассоциаций бизнесменов, землячеств и эмигрантских организаций во взаимокультурном познании России и Китая, развитии их двусторонних отношений.

Ключевые слова: Китай, Россия, народные организации, общество дружбы, эмигрантские организации, землячества, модели сотрудничества.

Общественные организации, рассматриваемые в данной статье, в академических кругах принято также называть «неправительственными» или «некоммерческими организациями», «организациями гражданского общества» и т.д.¹ В Китае такого рода объединения именуются *миньцзянь цзучжи*, т.е. «народные (негосударственные) организации».

Поскольку Северо-Восток Китая имеет общую границу с Россией в несколько тысяч километров, а Сибирь тесно связана с приграничными регионами Китая, жители двух стран издавна активно общались друг с другом. С начала XX в. деятельность китайских и российских народных организаций стала важной составной частью обмена и сотрудничества между двумя государствами и двумя народами. Народные организации, участвовавшие в китайско-российском и китайско-советском сотрудничестве на протяжении XX столетия, можно подразделить на четыре типа: это китайские общественные организации, объектом деятельности которых были Россия и СССР; организации китайцев, находящихся в России; организации российских эмигрантов в Китае; российские и советские общественные организации, объектом деятельности которых был Китай. В данной статье основное внимание уделено исследованию деятельности первых трех типов народных организаций.

Хуан Лифу, профессор, заведующая Отделом России и Восточной Европы Института всемирной истории АОН Китая, заместитель председателя Китайского общества изучения истории Советского Союза и Восточной Европы (Пекин). E-mail: huang552001@yahoo.com.cn.

I. Китайские и российские/советские народные организации в период с начала XX в. до провозглашения в КНР политики реформ и открытости

1) Начало XX в.: организации китайских эмигрантов в России и их деятельность по защите прав и интересов китайских граждан

С начала XX в. в связи с серьезными изменениями в экономике и политике в Китае и России общение между народами двух стран получило новое развитие. Возникли отвечающие этой тенденции народные организации. В начале XX в. китайцы стали ездить в Россию для ведения торговли и на учебу. А в северо-восточном приграничном регионе Китая возникло такое явление, как миграция в Хайшэньвэй (Владивосток). Крепкие китайские работники занимались тяжелым физическим трудом на строительстве дорог, в шахтах и на рудниках, подвергаясь эксплуатации со стороны российских капиталистов. Во время Первой мировой войны около 200 тыс. китайских рабочих были наняты для тыловых работ и строительства укреплений на Европейском театре военных действий. Десятки тысяч из них осели в России, став основой китайской эмиграции здесь. Часть из них участвовала в Октябрьской революции, некоторые даже служили в охране В.И. Ленина². После Февральской революции 1917 г. в России китайский эмигрант Лю Цзэжун, который окончил Петербургский политехнический институт, совместно с китайскими учащимися и китайскими эмигрантами создал Союз китайских эмигрантов в России и был избран его председателем. После Октябрьской революции Союз сподобствовал возвращению на родину нескольких тысяч китайцев. В конце 1918 г. Союз китайских эмигрантов в России был переименован в Союз китайских рабочих в России. Лю Цзэжун сохранил пост председателя и создал газету китайских рабочих в России «Дагун» («Великое Единение»), бесплатно распространявшуюся среди китайских рабочих и солдат, служившим в Красной Армии³. В 1919–1920 гг. Лю Цзэжун трижды встречался с В.И. Лениным, имел возможность услышать его наставления и рассказать ему о ситуации в Китае. Это помогло Коммунистическому интернационалу и В.И. Ленину, никогда не бывавшему в Китае, лучше уяснить сложившуюся там обстановку в тот период, когда Коминтерн организовывал работу по содействию китайским марксистам в создании Коммунистической партии Китая⁴. Помимо Союза китайских рабочих в период НЭПа в СССР была создана Ассоциация китайских граждан, нацеленная на защиту прав и интересов китайцев в России⁵.

2) 1920–1940 гг.: деятельность организаций эмигрантов из России по расширению культурных контактов Харбина и преобладание русских эмигрантских организаций на шанхайском рынке сценического искусства.

В 20–40-е гг. XX в. взаимодействие организаций русских эмигрантов в Китае с китайским населением заняло заметное место в общественной жизни Китая.

С конца XIX в. под влиянием драматических событий в России большое количество русских эмигрантов прибыло в Китай.

Общение русских эмигрантов с китайским народом было наиболее интенсивным в Харбине. После подписания в 1898 г. «Секретного договора» между Китаем и Россией последняя получила право на постройку Китайско-восточной железной дороги. По направлению российского правительства большой контингент русского технического персонала вместе с семьями прибыл в Китай. С началом Русско-японской войны в Китай хлынул поток спекулянтов из России. После Октябрьской революции, во время Гражданской войны бывшие дворяне, торговцы, промышленники, чиновники, интеллигенты, белогвардейцы бежали в Китай. На пике в 1920-е гг. численность русской эмиграции в Харбине достигала 200 тыс. чел. Русское население было представлено там тремя основными категориями: командированные российским правительством, добровольные эмигранты, а также те, кто бежал от преследований. Профессиональный состав эмигран-

тов был очень широк: чиновники, управляющие, медики, частные предприниматели, торговцы, рабочие, прочий наемный персонал, духовенство и т.п. С целью обустройства и взаимного общения русские эмигранты создали ряд общественных организаций. В числе основных неполитических общественных организаций можно назвать Общество историков и археологов, Общество советских эмигрантов, Северо-восточную ассоциацию Красного креста и полумесяца, Ассоциацию любителей естественных и гуманитарных наук, Союз советской молодежи, Объединенную Северо-Восточную ассоциацию рыбоводства, охоты и рыболовства⁶.

После приезда в Харбин русские эмигранты начали активную деятельность в области культуры и просвещения. Было учреждено 224 журнала на русском языке, издано 512 книг по вопросам политики, экономики, общества, культуры, науки и техники, истории, археологии и т.д. Эмигранты организовывали учебные заведения для россиян. Некоторые школы «принимали и китайских детей на равных правах с русскими школьниками»⁷. Например, в то время принимали китайских школьников мужская и женская средние школы для русских эмигрантов, мужская и женская деловая школа, китайско-русская промышленная школа. В школах для русских китайские учащиеся получали прикладное западное образование, воплощавшее в себе дух современной для того периода науки и культуры, и уже вскоре они стали выделяться из массы китайских интеллигентов⁸. Как отмечают китайские ученые, культурные мероприятия русских эмигрантов стимулировали культурный обмен Харбина с миром. Культурно-просветительская деятельность русских эмигрантов создала возможность распространения западных учений на Востоке, общественных и естественных наук, музыки, театра, живописи. Все они получили широкое распространение в Харбине. Одновременно, применяя западные эпистемологию и методологию, некоторые русские эмигранты проводили исследования в области китайской политики, экономики, истории, географии, философии, литературы, религии, искусства и т.д. Некоторые из них стали известными китаеведами и публиковали по всему миру научные статьи, помогавшие западным странам лучше узнать Китай.⁹

С 1860-х гг. русские торговцы чаем начали останавливаться в Шанхае. Однако до конца XIX в. количество русских в Шанхае было невелико: в 1895 г. их насчитывалось лишь 28 чел. В 1922 г. Белая гвардия потерпела окончательное поражение в борьбе против Советского правительства на Дальнем Востоке. Часть противников советской власти бежала на юг вплоть до Шанхая, где и осела в качестве эмигрантов. Количество русских эмигрантов в Шанхае росло и по другим причинам, однако оставаясь сравнительно небольшим — в 1947 г. их насчитывалось всего около 16 тыс. чел.

Обустроившись в Шанхае, русские эмигранты развернули многостороннюю деятельность в области культуры, просвещения, образования. По неполной статистике, приведенной в исследовании Ван Чжичэна — специалиста по истории русской эмиграции в Шанхае, эмигранты создали здесь 24 газеты, 27 журналов, открыли 18 книжных магазинов и библиотек, основали 12 художественных трупп. Российские эмигранты были весьма активны в области живописи, музыки, театра, балета, изобразительного искусства. Например, русская опера в течение 1934–1940 гг. дала 235 представлений в Шанхае. К середине 1930-х гг. русская культура вышла на пик своего процветания в различных сферах художественной жизни Шанхая, заняв около половины международного сегмента артистической деятельности в городе¹⁰. Русские эмигранты Шанхая создали двадцать пять благотворительных организаций, пять молодежных, студенческих, женских, десять земляческих обществ, пять научных ассоциаций, восемь клубов¹¹. Хотя в основном деятельность шанхайских русских эмигрантских организаций была обращена к соотечественникам, однако она была открыта для всех слоев шанхайского общества, а билеты на выступления русских художественных трупп часто бывали дефицитом. Так что эта деятельность сыграла большую роль в распространении русской культуры в Шанхае. В 1930-е гг. общение шанхайских русских эмигрантов с китайским населением способствовало

взаимодействию и сотрудничеству китайской и русской культур и научных школ. Например, с приездом из Харбина большой группы русских ученых в Шанхай среди русских эмигрантов усилился интерес к серьезному изучению Востока. В декабре 1935 г. группа выпускников Харбинского института востоковедения создала Шанхайскую ассоциацию русских востоковедов, целью которой были востоковедные исследования и распространение востоковедных знаний среди русских эмигрантов на Дальнем Востоке¹².

В июне 1947 г. правительство Советского Союза разрешило эмигрантам вернуться на родину. Многочисленные русские эмигранты начали возвращаться в СССР или эмигрировать в США, Бразилию и другие страны. Количество русских эмигрантов в Китае стало быстро сокращаться. Например, в Харбине к 80-м годам XX в. советских иммигрантов и лиц без гражданства (русских иммигрантов, которые не приняли советское гражданство) осталось лишь 57. На этом закончилась своеобразная история русской иммиграции в современном Китае¹³.

3) Период Китайской Республики: исследование и распространение знаний об СССР и русской культуре народными организациями

В период Китайской Республики в Китае возникло немало народных организаций, ориентированных на изучение СССР и укрепление связей с ним. Часть из них имела полуофициальный характер. В 1932 г. правительство Гоминьдана восстановило дипломатические отношения с СССР. Для того, чтобы получить помощь Советского Союза в отражении японской агрессии, а также с тем, чтобы при содействии СССР и Коминтерна оказать давление на КПК с целью заставить ее отказаться от планов свержения гоминьдановского правительства¹⁴, были активизированы исследования проблем Советского Союза. В то время по инициативе правительства Гоминьдана и ряда его видных членов, с привлечением известных ученых были созданы общества по изучению проблем СССР, учреждены специальные журналы, началась публикация книжных серий. Основные исследовательские общества и журналы того времени можно подразделить на два типа. Общества первого типа специально освещали положение в СССР и китайско-советские отношения, всесторонне разъясняли политику правительства Гоминьдана в отношении Советского Союза. Например, созданное в 1930 г. в Нанкине Общество исследования российских дел учредило ежемесячный журнал «Российские исследования», первый номер которого увидел свет 25 февраля того же года. Этот был единственный журнал в Китае, специально освещавший положение в СССР и китайско-советские отношения. Некоторые статьи содержали критику в адрес Советского Союза¹⁵. Объектом второго типа обществ и периодики были российские регионы и пограничные регионы Китая. Фактически они ориентировались на нужды военных ведомств. Это, например, учрежденный в 1930 г. «Ежемесячник новой Азии» («Синь Ясия юэкань»), созданное в 1932 г. Дай Цзитао — председателем Экзаменационного юаня гоминьдановского правительства — Общество изучения новой Азии, одной из целей которого являлось усиление азиатских исследований. Многие статьи и материалы, опубликованные в ежемесячнике, касаются Советского Союза, китайско-советских отношений и восточных регионов СССР. В феврале 1941 г. было создано Китайское общество изучения приграничных регионов, цель которого состояла в исследовании эволюции северных регионов Китая и их сложных отношений с порубежной стороной. Общество публиковало «Еженедельник приграничья» («Бяньцзян чжоукань»), выпускало серийную «библиотечку», значительная часть материалов которой была посвящена Сибири.

В период Китайской Республики выдающимся примером деятельности китайских и советских народных организаций стала Китайско-советская культурная ассоциация, созданная в Нанкине в 1935 г. Чжан Симанем — пионером культурного обмена между Китаем и Советским Союзом и рядом студентов, обучавшихся в Советском Союзе. Данная ассоциация имела официальный характер. Ее председателем был Сунь Кэ — председатель Законодательного юаня, почетным председателем был Д.В. Богомоллов — в

то время посол Советского Союза в Китае, постоянным секретарем — Чжан Симань, член Законодательного юаня. В декабре 1937 г. Китайско-советская культурная ассоциация переехала в Чунцин. В декабре 1938 г. на втором годичном собрании Ассоциации ее почетным председателем была избрана Сун Цинлин, вдова первого временного президента Китайской Республики и основателя Гоминьдана Сунь Ятсена; У Юйчжан и еще 25 чел. стали постоянными членами правления. В столицах провинций в регионах, контролировавшихся Гоминьдана, и в Яньани, резиденции ЦК КПК, были созданы филиалы Ассоциации¹⁶. В 1946 г. Китайско-советская культурная ассоциация вернулась в Нанкин. Ее численность достигла 50 тыс. чел.

Целью Ассоциации являлись «исследование и пропаганда китайской и советской культур и стимулирование дружбы народов двух стран»¹⁷.

В начале 1936 г. Китайско-советская культурная ассоциация основала Издательство китайской и советской культуры, издававшее ежемесячный журнал «Китайская и советская культура» («Чжун Су вэньхуа»). Ван Куньлунь и Хоу Вэйлу отвечали за редактирование журнала. Статьи для журнала писали известные представители культуры и официальные лица, такие как Чжан Ююй, Ян Ханьшэн, Цао Цзинхуа, Гэ Баоцюань и др. Ежемесячник имел серийное приложение в виде «библиотечки». Например, в 1935 г. в «библиотечке» была издана работа Гу Гуи «Основные вехи российской истории». Китайско-советская культурная ассоциация также выпускала серии «Китай и Советский Союз», «Путешествие в Советский Союз», «Советский Союз в Азии», «Настоящее и будущее китайско-советских отношений» и другие научные издания¹⁸. Одновременно Ассоциация через посредством собраний, семинаров по вопросам китайско-советских отношений, выставок, курсов русского языка, докладов, концертов, переписки с советскими друзьями информировала китайскую общественность о ходе войны СССР против фашистской Германии, тем самым поощряя китайский народ к борьбе против японских захватчиков. Во время переговоров в Чунцине Мао Цзэдун в сопровождении Чжоу Эньляя и Ван Жофэя присутствовал на торжественном собрании по случаю подписания Договора о дружбе и сотрудничестве между Китаем и Советским Союзом, организованном Ассоциацией, и был горячо встречен участниками собрания¹⁹. В деятельности Китайско-советской культурной ассоциации особой активностью выделялся председатель этой организации Сунь Кэ. В качестве председателя Ассоциации и главного редактора журнала «Китайская и советская культура» он всесторонне и своевременно освещал ситуацию в различных сферах жизни Советского Союза и в китайско-советских отношениях. Он прилагал активные усилия к тому, чтобы Ассоциация посредством своей деятельности развивала отношения дружбы и добрососедства между двумя странами²⁰. Основатель Ассоциации Чжан Симань проделал огромную работу по пропаганде достижений Советского Союза и развитию китайско-советской дружбы. В 1936 г. Чжан Симань перевел и издал «Проект новой Конституции Советского Союза», в 1937 г. перевел уже саму «Конституцию», а также намеревался обеспечить доставку в Китай переводов конституций всех союзных республик СССР. В 1939 г. Чжан Симань совместно с Ван Куньлуном организовал в СССР выставку китайского искусства²¹.

Российские официальные органы и народ высоко оценили вклад Китайско-советской культурной ассоциации в налаживание дружественного сотрудничества и связей между двумя народами. В июне 1995 г. посол Российской Федерации в КНР И.А. Рогачев на собрании в честь столетней годовщины со дня рождения Чжан Симаня — основателя данной Ассоциации — сказал: «В течение многих лет Чжан Симань пользовался огромной известностью в России в связи с его работой по укреплению китайско-российской дружбы»²².

4) *Новый Китай: взлет и упадок сотрудничества китайских и советских народных организаций.*

После образования нового Китая самая крупная объединенная массовая организация — «Общество китайско-советской дружбы» — подняла сотрудничество между китайскими и советскими народными организациями на новую высоту.

В 1950-е годы главным участником сотрудничества китайских и советских народных организаций стало Общество китайско-советской дружбы. В тот период всекитайских обществ насчитывалось лишь 44. Наиболее массовые из них, например, Федерация профсоюзов, Союз женщин и другие вступили в Общество китайско-советской дружбы. Таким образом Общество стало крупной объединенной организацией, нацеленной на дружбу и сотрудничество с СССР. Общество китайско-советской дружбы являлось массовой организацией, созданной по народной инициативе. Его предшественницей была Китайско-советская культурная ассоциация, созданная в 1935 г. Накануне провозглашения нового Китая группа прогрессивных демократических деятелей, включая Го Можо, прибыла в Бэйпин (Пекин), где, дав высокую оценку роли Китайско-советской культурной ассоциации, выдвинула инициативу создания Общества китайско-советской дружбы. 5 октября 1949 г. Общество было учреждено официально. Общество дружбы было организацией высокого административного уровня. Первым председателем Общества стал партийный и государственный руководитель Лю Шаоци, заместителями председателя — лидеры демократических партий Сун Цинлин, У Юйчжан, Ли Цишэнь, Шэнь Цзюньжу, Чжан Лань и Хуан Яньпэй. Уставом была установлена пятиступенчатая структура организации: Всекитайское правление Общества — генеральные отделения в крупных регионах — отделения в провинциях, городах центрального подчинения, автономных районах — отделения в городах и уездах — отделения в селах и деревнях. Председателями отделений в регионах, провинциях и городах обычно становились два первых руководителя местного парткома. 3 марта 1953 г. Центральный комитет обнародовал «Требования к совершенствованию работы Общества китайско-советской дружбы», где было четко установлено: «В дальнейшем работой филиалов Общества дружбы на местах будет непосредственно управлять отдел пропаганды местного парткома. Работой Всекитайского правления Общества китайско-советской дружбы, кроме внешних связей, будет непосредственно управлять Отдел пропаганды Центрального комитета КПК». Таким образом, Всекитайское правление Общества китайско-советской дружбы непосредственно подчинялось Отделу пропаганды Центрального комитета.

До 1955 г. было создано 65 отделений Общества китайско-советской дружбы, 119 900 первичных организаций, 78 вечерних школ русского языка. Для комплексного развития движения учебы у СССР с 1953 г. был дан старт работе по приему в Общество организаций — коллективных членов. Среди них НОАК, Всекитайская федерация профсоюзов, Всекитайский союз женщин и др. Таким образом, Общество китайско-советской дружбы стало крупнейшей массовой организацией во всей стране²³.

В 1950-е гг. сотрудничество китайских и советских народных организаций обрело невиданные в истории масштабы. Это было непосредственно связано с провозглашенной в Китае политикой ориентации на СССР, с курсом «держаться одной стороны», выдвинутым 30 июня 1949 г. в статье Мао Цзэдуна «О демократической диктатуре народа»²⁴. А в 1953 г. Мао Цзэдун призвал «поднять масштабное движение учебы у Советского Союза, чтобы строить нашу страну»²⁵. Как самая крупная массовая организация страны Общество китайско-советской дружбы всесторонне освещало и пропагандировало деятельность Советского Союза по всему Китаю. Можно выделить шесть направлений работы ОКСД.

Во-первых, издание большого числа газет и журналов, публиковавших материалы о СССР и пропагандировавших успехи Советского Союза. В общей сложности издавалось свыше 70 периодических изданий, в том числе «Китайско-советская дружба» («Чжун Су юхао»), «Представляем Советский Союз» («Сулянь цзешао»), «Знания о Советском Союзе» («Сулянь чжиши»). Вышло в свет более 1820 выпусков, в деревни и на

заводы было отправлено свыше 46 млн экз. газет и журналов. В 1952 г. издание «Китайско-советская дружба» было переименовано в «Газету китайско-советской дружбы» («Чжун Су ю бао»), которая по разрешению Центрального комитета стала распространяться за рубежом.

Во-вторых, ОКСД проводило различные выставки, рассказывавшие о Советском Союзе. В октябре 1954 г. в выставочном центре «Москва» (ныне — Пекинский выставочный центр) открылась Выставка достижений экономики и культуры СССР. Ее масштаб был огромен, количество экспонатов — чрезвычайно велико, а воздействие на посетителей — весьма глубоким. Затем выставка перемещалась в другие большие города — Шанхай, Гуанчжоу, Ухань и прочие. В общей сложности она действовала до июля 1956 г. Количество посетителей достигло 11 млн чел.

В-третьих, Общество организовало демонстрацию советских фильмов. До начала «культурной революции» были осуществлены показы более 400 фильмов. В 67 больших и средних городах проведены 46 тысяч сеансов, количество зрителей превысило 40 млн чел. Большинство показанных в то время фильмов являлось шедеврами советского кинематографа, освещавшими события периода революции. Отечественная войны и социалистического строительства, например, «Ленин в Октябре», «Молодая гвардия», «Сельская учительница» и т.д. Эти фильмы в свое время произвели глубокое впечатление на китайское молодое поколение.

В-четвертых, были созданы вечерние школы русского языка.

В-пятых, в широких масштабах проводились доклады и беседы о Советском Союзе. Одним из примеров служит организация докладов членов делегаций, побывавших в СССР, которые обычно встречали теплый отклик аудитории. До «культурной революции» в стране состоялось свыше 200 тыс. различных докладов такого рода, количество слушателей достигло 150 млн чел.

В-шестых, Общество готовило пропагандистские материалы, продвигая дело учебы у Советского Союза на местах.

Кроме того, ОКСД организовало ряд крупных торжественных мероприятий, которые обычно были приурочены к годовщинам Октябрьской революции и подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между КНР и СССР (14 февраля).

Большая работа велась и в области популяризации в СССР знаний о Китае. В статье «Китайско-советский культурный обмен», написанной еще до освобождения. Го Можо охарактеризовал дисбаланс в этой сфере обмена между двумя странами метафорой «наводнение и ручей». В целях расширения влияния Китая в Советском Союзе Общество китайско-советской дружбы постоянно направляло в дар Советскому комитету обществ дружбы и в другие организации материалы, книги, журналы, фотографии, пластинки, фильмы и т.п. В 1955 г. была основана газета «Дружба» на русском языке. Она распространялась в Москве тиражом 70 тыс. экз. В СССР неоднократно проводились китайские промышленные и сельскохозяйственные выставки. Общество регулярно направляло в СССР различные делегации. С 1957 г. ОКСД ежегодно подписывало план сотрудничества с Советской ассоциацией культурных связей с зарубежными странами.

С 60-х годов XX в. китайско-советские отношения вступили в период охлаждения. Положение ОКСД стало весьма шатким. После того как разногласия между двумя странами вышли наружу, Общество дружбы даже использовалось как инструмент ведения полемики с Советским Союзом. В Китае и СССР был прекращен выпуск газет и журналов, освещавших события в жизни другой стороны.

В условиях серьезного ухудшения отношений между двумя странами прежние цели и курс работы Общества китайско-советской дружбы больше не отвечали требованиям момента. Вице-премьер Чэнь И заявил, что ОКСД не является органом партийной пропаганды, но представляет собой организацию, осуществляющую культурные обмены с заграницей. ОКСД было передано под руководство Комитета по культурным связям с

зарубежными странами. В то же время контакты между двумя странами были в определенной мере урегулированы: беседы велись только о дружбе, а не о разногласиях. В 1966 г. Общество китайско-советской дружбы было переименовано в Общество дружбы китайского и советского народов.

Во время «культурной революции» китайско-советские отношения серьезно ухудшились. Деятельность Общества дружбы оказалась наполовину парализована. На последнем этапе «культурной революции» весь персонал Центрального правления Общества трудился в школах по перевоспитанию кадровых работников, вывески с названием организации были сняты. Общество существовало только на бумаге. В конце 1980-х гг., вслед за нормализацией китайско-советских отношений, была восстановлена деятельность Общества. Но в то время Общество дружбы существовало лишь номинально. В 1992 г. оно вновь сменило свое название на Общество китайско-российской дружбы и стало отделением КНОДЗ — Китайского народного общества дружбы с зарубежными странами.

II. Сотрудничество между китайско-российскими народными организациями с начала проведения политики реформ и открытости

1) Политический фон сотрудничества между китайскими и российскими народными организациями

Нормализация китайско-советских отношений и завершение «холодной войны» устранили институциональные препятствия на пути развития сотрудничества между китайскими и российскими народными организациями.

В дореформенный период КПК и правительство в основном негативно относились к народным организациям. Поэтому в начале 1950-х гг., как отмечалось выше, насчитывалось всего 44 всекитайских общественных организаций. В 1965 г. их насчитывалось менее 100, а местных общественных организаций — примерно 6 тыс.²⁶ Под стимулирующим воздействием процесса реформ все сферы жизни Китая начали быстро развиваться, что требовало создания массовых организаций в различных сегментах общества. На рубеже столетий все более серьезный вызов экономической глобализации сделал особенно необходимым развитие международных связей в экономике, культуре, науке и технике. Кроме того, партия и правительство изменили прежнее негативное отношение к общественным организациям. Все это привело к всплеску роста такого рода объединений: в 2005 г. в Китае насчитывалось 279 973 различных обществ, фондов, некоммерческих негосударственных организаций.

Под воздействием названных выше факторов сотрудничество между китайскими и российскими народными организациями вступило в новый этап. Ситуация, когда сотрудничество осуществляла только одна организация — Общество дружбы, когда у сотрудничества был только один уровень — «народно-официальный», коренным образом изменилась. Теперь в сотрудничестве двух государств стали участвовать народные организации различных типов, возросло и число уровней сотрудничества.

Эти организации по степени самоуправления в основном подразделяются на пять категорий. Первая категория — это организации с высоким уровнем администрирования, такие как Китайское Общество дружбы с зарубежными странами, Общество китайско-российской дружбы, Всекитайская федерация молодежи, Всекитайская федерация женщин и т.д. Вторая категория — отраслевые ассоциации с относительно высоким уровнем администрирования, такие как Китайская ассоциация науки и техники, Китайская ассоциация по мирному использованию военных технологий, Китайская ассоциация писателей, Китайская дипломатическая ассоциация. Третья категория — это носящие в основном народный характер научные общества, такие как Общество бывших студентов, обучавшихся в Европе и Америке, Китайская общество изучения России, Восточной Ев-

ропы и Средней Азии, Китайское общество изучения советской и восточноевропейской истории, Китайское общество изучения экономики России, Восточной Европы и Средней Азии, Китайское общество изучения истории китайско-российских отношений и т.д. Четвертая категория — новые народные организации китайских граждан, проживающих в России. В период реформ и открытости в России сформировались новые группы иммигрантов, отличные от тех, что проживали здесь ранее. До 2007 г. в России было создано несколько десятков ассоциаций и других обществ китайских иммигрантов, китайских бизнесменов, предпринимателей, а также землячеств, такие как Московский китайско-российский культурный центр (создан в 1992 г.), Московская федерация китайских граждан и иммигрантов (создана в 1993 г.) Московская китайская генеральная торговая палата (учреждена в 1993 г.), Московская генеральная федерация китайцев т.д. Эти организации ведут пропаганду культуры Китая, занимаются благотворительной деятельностью и активно участвуют в сотрудничестве народных организаций двух стран. Пятая категория — современные организации россиян, проживающих в Китае. По мере углубления курса реформ и открытости, с развитием политических и экономических отношений между Китаем и Россией, с увеличением числа россиян, которые учатся, занимаются бизнесом, работают и живут в Китае, русская диаспора в Китае получила новое развитие. Появились и новые организации российских граждан в КНР. В декабре 1998 г. образован «Русский клуб в Шанхае», затем подобные клубы были созданы в Пекине, Харбине, Урумчи, Гуанчжоу, Чанчуне, Шэньяне, Сыпине, Ханчжоу, Сучжоу, Нинбо, Шэньчжэне, Хуайане, Санья, Сямэни и Гонгonge. В мае 2007 г. россияне, проживающие в Китае, провели в Пекине первую конференцию и создали Координационный совет соотечественников в Китае. Данный Совет является координационным органом для русских клубов в Китае. Под его эгидой в 2008 и 2009 гг. в Шанхае и Гуанчжоу были проведены вторая и третья конференции россиян, проживающих в Китае.

2) Новые модели, масштабы и особенности сотрудничества

В дореформенный период количество народных организаций в Китае вообще было незначительным, а обществ и ассоциаций, которые участвовали в китайско-советском неправительственном сотрудничестве, было еще меньше. Абсолютно доминировало здесь Общество китайско-советской дружбы. Поэтому модель сотрудничества общественных организаций двух стран была единообразной. В реформенный период в связи с подключением к этому процессу организаций различных типов возросло число уровней сотрудничества народных организаций двух стран, более разнообразными стали и модели такого сотрудничества. На наш взгляд, можно выделить четыре такие модели.

1. Модель прямого сотрудничества народных организаций двух стран, когда организации взаимодействуют непосредственно. Но таких примеров немного. Подготовленный на основе данных МИД КНР материал «Связи и сотрудничество в областях культуры, образования, науки и техники между Китаем и Россией в 1991–2007 гг.», размещенный на сайте Института России, Центральной Азии и Восточной Европы АОН Китая, отразил лишь единичные случаи непосредственного сотрудничества между народными организациями двух стран. Например, это визит в Россию 1–5 июля 1996 г. Лю Шуцин — председателя Ассоциации китайской народной дипломатии по приглашению А. Бесмертных — председателя Российской ассоциации внешней политики. Кроме того, в 2008 г. после сильного землетрясения в г. Вэньчуань пров. Сычуань Российское общество Красного Креста оказало денежную помощь Китайскому обществу Красного Креста. Все это примеры прямого сотрудничества между народными организациями двух стран.

2. Модель сотрудничества «народные организации плюс официальные органы», в рамках которой народные организации и государственные учреждения проводят мероприятия совместно. Такая модель преобладает в сотрудничестве китайских и российских народных организаций. В основном организации, участвующие в таком сотрудничестве, представляют государственный уровень. Это ОКРД, ОРКД, Китайское общество дружбы

с зарубежными странами. Российско-китайский комитет XXI в. и т.д. Общества дружбы двух стран ежегодно участвуют в проведении крупных мероприятий, посвященных сотрудничеству между двумя странами, самостоятельно или совместно с другими народными организациями и соответствующими учреждениями организуют многостороннюю деятельность, в том числе обмен дружественными визитами, прием делегаций, проведение выставок, художественных выступлений, кинонедель, недель науки и техники, торгово-экономических ярмарок, научных форумов и т. д.

В период реформ появилась новая форма народных организаций: союзы и общества, сформированные из представителей предприятий с китайским капиталом, одобренных китайскими официальными органами и зарегистрированных в России. Такие организации играют активную роль в развитии двустороннего экономического и торгового сотрудничества. Союз китайских предпринимателей в России является типичным примером данной модели. 15 апреля 2006 г. Министерство торговли КНР одобрило создание Союза китайских предпринимателей в России (СКП)²⁷, являющегося народной организацией, сформированной на основе зарубежных филиалов китайских предприятий. СКП действует под руководством Министерства торговли и посольства КНР в России. На конец 2007 г. СКП насчитывал 89 членов, большинство которых является зарубежными филиалами крупных предприятий с государственным капиталом, как правило, имеющих в своем названии слово «китайский». СКП установил контакт с российскими народными организациями, является членом Московской международной ассоциации торговли; имеет контакты со Столичной (Москва) ассоциацией инвесторов, Российской Северной торговой палатой и Российской Южной торговой палатой. СКП также контактирует с другими группами китайских предприятий в России, например, с Обществом бизнесменов Миньнани (южной Фуцзяни), Чжэцзянской федерацией китайцев и китайских иммигрантов и др.

Используя в полной мере механизмы двусторонних встреч высокого уровня, семинары и научные исследования, благотворительную и иные виды деятельности, СКП ведет работу по поручениям Министерства торговли КНР и Посольства КНР в Российской Федерации. Он решает проблемы китайских бизнесменов в России, защищает законные права и интересы предприятий с китайским капиталом, старается служить «мостом и узлом связи» в развитии межгосударственных экономических и торговых отношений, в общении между китайскими и российскими предприятиями²⁸.

Своей работой СКП завоевал доверие российских торговых кругов, правительственных ведомств Москвы, а также китайских бизнесменов в России.

Кроме того, китайско-российское сотрудничество по модели «народная организация плюс официальный орган» постепенно расширяется в области образования. Китайское официальное научное учреждение — «Научно-исследовательский центр российского образования» (создан в апреле 2007 г. Центральным научно-исследовательским институтом при Министерстве образования совместно с Шэньянским педагогическим университетом), проводят совместное исследование с российской организацией «Фонд Новая Евразия» по теме «Сопоставление китайского и российского профессионального образования». Работу финансируют обе стороны. В июле 2007 г. Китайский научно-исследовательский центр образования совместно с Иркутским педагогическим институтом провел Международный научный симпозиум. В 2007 г. в ходе мероприятий «Года Китая в России» состоялся семинар на тему «Сопоставление реформы китайского и российского образования в XX—XXI веках».

3. Модель дружественной деятельности и обменов, в одностороннем порядке финансируемых китайскими народными организациями. Некоторые китайские научные общества в большинстве случаев используют данную модель сотрудничества. Например, с 2000 г. Китайское общество по исследованию истории СССР и Восточной Европы почти каждый год приглашает российских ученых на организуемые им научные симпозиу-

мы. Кроме того, 11–12 июля 2001 г. Китайское народное общество дружбы с зарубежными странами организовало в Москве два больших концерта «Вечер китайско-российской дружбы» в целях поддержки заявки Пекина на право организации Олимпийских игр.

4. Модель народных организаций китайских иммигрантов в России. Народные организации китайских иммигрантов в России в основном проводят деятельность в области защиты законных прав и интересов китайцев, китайско-российских культурных обменов и социально-благотворительных мероприятий. Например, от имени китайских иммигрантов в России они участвовали в крупномасштабных мероприятиях в ходе празднования 850-летия Москвы. В 2000 г. они организовали Неделю китайской культуры в Москве, в августе 2000 г. после взрыва в московском метро провели среди китайцев акцию по добровольному донорству для раненых россиян.

5. Модель народных организаций россиян, проживающих в Китае. Главная сфера деятельности современных организаций россиян, проживающих в Китае, это пропаганда культуры. Посредством перевода и издания произведений русских авторов они распространяют русскую культуру, способствуют дружественным отношениям между китайским и русским народами. Руководствуясь данной целью, в марте 2009 г. русские клубы начали издавать специализированный журнал на русском языке «Партнеры. Берега дружбы». 6 февраля 2009 г. в рамках Года русского языка в Китае и в связи с 210-летием со дня рождения Пушкина Координационный совет соотечественников в Китае дал старт проекту «Сказки А.С. Пушкина глазами детей». В проекте приняли участие 67 детей в возрасте от 2 до 15 лет, в виртуальной галерее на сайте Координационного совета выложены 78 выполненных детьми иллюстраций к произведениям великого русского поэта.

Наиболее активно работает «Русский клуб в Шанхае». Потратив более года на работу с китайским издательством и переводчиками, клуб добился публикации на китайском языке шести книг двух замечательных российских детских писателей — Эдуарда Успенского и Андрея Усачева, в том числе таких известных произведений, как «Крокодил Гена и его друзья», «Школа снеговиков». Они были изданы в Чжэцзянском издательстве культуры и искусства.

Современные организации россиян в Китае обратили внимание на исследование истории русской эмиграции. В 2009 г. монография известного китайского ученого, профессора Ван Чжичэна «История русской эмиграции в Шанхае» была переведена на русский язык и вышла в Москве в издательстве «Русский путь» при содействии «Русского клуба в Шанхае». Кроме того, «Русский клуб в Шанхае» получил грант на издание книги «Русские в Китае». Большую часть этой книги планируется посвятить истории восточной ветви русской эмиграции.

Вместе с тем, четверть книги будет посвящена сегодняшнему дню «русского Китая». Будет дан краткий обзор деятельности всех общественных объединений соотечественников, действующих сейчас в Китае, планируется рассказать и о повседневной жизни русских в Китае. Проект данной книги привлек большое внимание российского государства. Ее предполагается открыть предисловием министра иностранных дел России С.В. Лаврова.

Русские клубы также занимаются благотворительностью, помогают соотечественникам, попавшим в трудное положение. Например, в 2009 г. гражданка России Алёна Кораблёва с тяжелыми травмами попала в больницу в Пекине. Всего за три дня силами самих соотечественников для нее было собрано около 20 тыс. долл.

И все же свою главную задачу современная русская диаспора в Китае видит в распространении русского языка и культуры в КНР, в содействии развитию китайско-российской дружбы. В июне 2009 г. на третьей конференции русских соотечественников председатель Координационного совета соотечественников в Китае М.В. Дроздов сказал: «Вспомним, как поразил в свое время китайскую молодежь образ Павки Корчагина, как целое поколение во многом благодаря этой книге, как бы мы сегодня к ней ни относи-

лись, стало друзьями нашей страны. Грамотная пропаганда русской культуры и языка — это то, что может помочь установлению действительно добрых, глубоких отношений между русским и китайским народами. А ведь это так важно для нас, российских соотечественников, проживающих в этой стране».

Масштаб сотрудничества. Нормализация китайско-российских отношений, установление между двумя странами отношений стратегического взаимодействия и партнерства заложили хорошую институциональную основу для преодоления народными организациями трудной ситуации и способствовали тому, что в настоящее время многоуровневое, многопрофильное, мультимодельное сотрудничество между народными организациями Китая и России стабильно развивается. В 2006–2007 гг. в ходе проведения циклов мероприятий в рамках Года Китая в России и Года России в Китае, а также в процессе подачи Россией заявки на право организации зимних Олимпийских игр и подготовки Китая к проведению летней Олимпиады-2008, в периоды государственных празднований, во время преодоления последствий землетрясения в г. Вэньчуань сотрудничество китайских и российских народных организаций благодаря использованию административного ресурса достигло довольно широких масштабов. Однако, в связи с тем, что после 1978 г. так и не была сформирована объединенная организация китайско-российской дружбы, которая могла бы использовать административный ресурс в максимальной степени, масштабы сотрудничества народных организаций не достигли пика 1950-х гг.

III. Народные организации Китая и СССР/России: опыт деятельности в течение столетия

На протяжении XX в. китайские и российские народные организации выполняли важные задачи представительства своей нации и популяризации собственной национальной истории и культуры. Успешно развивая сотрудничество, народные организации двух стран стали выразителями взаимопонимания, взаимосвязей, дружбы и взаимодействия между Россией и Китаем, важным дополнением к системе институтов, служащих развитию межгосударственных отношений.

1) В политической области: важное дополнение государства. В течение XX в. главной моделью сотрудничества китайских и российских организаций в сфере политики была модель «народная организация плюс официальный орган». Данная модель, использовавшая авторитет руководителей китайского государства для создания народных организаций, направляла энтузиазм народных масс на содействие проведению в жизнь важнейших установок национальной политики. Например, деятельность Общества изучения Советского Союза, созданного во время Войны сопротивления китайского народа японской агрессии, сыграла особую роль и помогла правительству Гоминьдана получить помощь от Советского Союза. В новом Китае широкая пропаганда достижений советской экономики, политики и культуры, которую вело Общество китайско-советской дружбы, содействовала осуществлению национального политического курса «держаться одной стороны» — Советского Союза, изучению советского опыта политического и экономического строительства.

2) В торгово-экономической области: помощник государства. Благодаря усилиям самих народных организаций подчас удавалось устранить некоторые препятствия в китайско-российских отношениях, для решения которых у госструктур не хватало времени или не доходили руки. В пореформенный период организации китайских бизнесменов в России смогли в полной мере выявить свою роль помощника государства в содействии развитию китайско-российских торгово-экономических отношений. После распада Советского Союза в 1991 г. китайско-российская негосударственная торговля заняла значительную долю в общем обороте торговли двух стран друг с другом. По данным Мини-

стерства экономического развития и торговли Российской Федерации, обнародованным в 2004 г., объем «народной» торговли в 2003 г. составил свыше 10 млрд долл. США, т.е. почти столько же, что и объем официальной торговли. Вместе с тем, поскольку до 2000 г. Россия еще находилась в начальной стадии перехода к рыночной экономике, китайско-российская «народная» торговля была далека от приемлемых норм и правил. В ней процветала «серая растаможка», китайские бизнесмены подчас сталкивались с незаконной конфискацией и задержанием их грузов российской милицией. В связи с тем, что ущерб наносился интересам только части китайских бизнесменов, нередко находившихся к тому же в особом положении — китайское гражданство уже аннулировано, а российское еще не получено, а также вследствие сложной общей ситуации в трансформирующейся России, китайские официальные органы не имели необходимых условий и четкой политики для разрешения конфликтов между китайскими бизнесменами и соответствующими российскими органами. Это создавало немало препятствий на пути осуществления «народной» торговли между двумя странами. В то время землячества и союзы китайских бизнесменов, действовавшие в России, жертвовали средства для помощи соотечественникам в преодолении трудностей, что дало возможность продолжать этот вид торговли между двумя странами. Кроме того, землячества выступали посредниками в контактах с российскими органами, требовали вернуть задержанные грузы, информировали о возникших проблемах Посольство Китая в России. Это помогало официальным органам двух стран овладеть информацией и в какой-то степени способствовало принятию адекватных решений, содействовало направлению «народной» торговли между двумя странами в русло нормативно-правового развития.

3) В областях культуры, науки и техники, образования: связующее звено. Народные организации, используя свой интеллектуальный потенциал, общественные средства, организационную гибкость, играли связующую роль во взаимоотношениях между народными организациями и обществом, между народными организациями двух стран, между народными организациями и официальными органами, способствуя популяризации культур, научному обмену и сотрудничеству Китая и России.

В 1920–1940-х гг. организации русских иммигрантов в Харбине и Шанхае вели культурно-просветительскую работу в китайском обществе, положив начало взаимному познанию и обмену двух культур. В период проведения политики реформ и открытости появилось немало успешных примеров культурного и научного обмена китайских научных народных организаций с российскими коллегами. Например, в 2002 г. Китайское общество изучения истории Советского Союза и Восточной Европы изыскало средства для приглашения заместителя директора института социологии Российской академии наук З.Т. Голенковой для участия в международной научной конференции. Связующая роль Общества в деле расширения связей между академическими кругами двух стран проявилась в том, что З.Т. Голенкова от имени Института социологии Российской академии наук инициировала несколько проектов научного сотрудничества с китайскими научными организациями. Например, в 2002 г. Общество содействовало налаживанию контактов З.Т. Голенковой и профессора Института социологии Академии общественных наук Китая Лу Сюэи и других специалистов, заключивших с нею договор об авторском праве на перевод ее работы. В 2004 г. в КНР была издана монография З.Т. Голенковой «Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества» (М., 1998). З.Т. Голенкова помогла установить связь между факультетом социологии Российского университета дружбы народов, Китайским обществом изучения истории Советского Союза и Восточной Европы и Центром изучения молодежи и подростков Китая Китайского молодежного фонда. В 2004–2006 гг. коллеги из России и Китая провели сравнительное изучение ценностных ориентаций китайских и российских студентов. Результаты исследования были опубликованы в 2007 г. и привлекли внимание ученых и государственных структур. Эти обмены и народное сотрудничество заложили основу для развития офици-

ального сотрудничества. При участии З.Т. Голенковой и членов Общества в июне 2009 г. Институт социологии Академии общественных наук Китая и Институт социологии Российской академии наук подписали соглашение о сотрудничестве в сравнительном исследовании социальной структуры Китая и России.

В целом данные примеры свидетельствуют о том, что между китайскими и российскими народными организациями существует стремление к дружбе и сотрудничеству, огромный потенциал и обширное пространство дальнейшего развития сотрудничества. Достоинствами народных организаций являются возможность использования высокой массовой активности и гибкость в выборе форм деятельности. Недостатки же вызваны прежде всего нехваткой материальных ресурсов. Отсюда необходимость поощрения активности народных организаций, более полного выявления их творческого и интеллектуального потенциала, подключения официальных органов, повышения уровня сотрудничества с тем, чтобы содержание китайско-российского народного сотрудничества и дружественные отношения двух стран становились еще богаче и ярче.

В XX в. сотрудничество китайских и российских народных организаций стало важной составной частью развития отношений между двумя странами. Эти организации могут сделать еще многое для успешного развития китайско-российских отношений.

1. *Лай Саламэн*. Цюаньцю гунминь шэхуэй: Фэйинли бумэнь гоцзи чжишу [Глобальное гражданское общество: международные индексы некоммерческих сфер; пер. с англ.]. Пекин, 2007. С. 3.
2. *Ни Сюнь, Чжэй Вэй*. Тацзи гунчань гоцзи юй Чжунгун цзянь дан цюлян [Мост между Коминтерном и созданием КПК] // *Гуанмин жибао*. Пекин, 2001. 8 июля.
3. Хэйлунциян лиши мин жэнь: Мин Цин чжи цзяньго цянь [Известные люди в истории Хэйлунцияна: от эпох Мин и Цин до образования КНР]. — www.univs.cn/newweb/univs/hljiu/test/SYYJ/2006-04-20/597348.html — 24к.
4. *Ни Сюнь, Чжэй Вэй*. Указ. соч.
5. *Ильина И.Н.* Общественные организации России в 1920-е годы. М., 2000. С. 114.
6. *Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин*. Хазэрбин эцяо ши [История русских иммигрантов в Харбине]. Харбин, 2003. С. 586.
7. *Ли Сингэн*. Фэньюй фупин: Эго цяоминь цзай Чжунго (1917–1945). Намыкались по свету: русские иммигранты в Китае (1917–1945). Пекин, 1997. С. 344.
8. *Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин*. Указ. соч. С. 585–586.
9. Там же. С. 605.
10. *Ван Чжичэн*. Шанхай эцяо ши [История русской эмиграции в Шанхае]. Шанхай, 1993. С. 603–604.
11. Там же. С. 487.
12. Там же. С. 527–528.
13. См.: *Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин*. Указ. соч. С. 95–98.
14. В сентябре 1931 г. японские войска вторглись в три северо-восточные провинции Китая. В октябре того же года было образовано советское правительство под руководством КПК, которое в апреле 1932 г. обнародовало декларацию о сопротивлении японским захватчикам и свержении гоминьдановского правительства.
15. *Сюй Цзинсюэ, Ван Сяоцзюй*. Сиболия сюэ юй Чжунго [Изучение Сибири и Китай]. Харбин, 1998. С. 272–273.
16. www.xzqjw.gov.cn/xzqjw/News_View.asp?NewsID=2569.
17. www.xzqjw.gov.cn/xzqjw/News_View.asp?NewsID=2569.
18. *Сюй Цзинсюэ, Ван Сяоцзюй*. Указ. соч. С. 272–273.
19. www.xzqjw.gov.cn/xzqjw/News_View.asp?NewsID=2569.
20. *Ли Юйчжэнь*. Кан чжань шици Чжун Су гуаньси дэ игэ цэмянь — СуньКэ юй Чжун Су вэньхуа сехуэй [Один из аспектов отношений между КНР и СССР в период сопротивления японским захватчикам — Сунь Кэ и Китайско-советская культурная ассоциация] // *Гуанчжоу дасюэ сюэбао*. Гуанчжоу, 2005, № 11.

21. *Чжан Сяомань*. Чжан Симань юй Чжун Су вэньхуа сехуэй [Чжан Симань и Китайско-советская культурная ассоциация] // Цзунхэн. Пекин, 1999, № 7.
22. *Чжан Сяомань*. Указ. соч.
23. Дандай Чжунго ши яньцзю. Пекин, 2007, № 3.
24. Мао Цзэдун. Избранные произведения. Т. 4. Пекин, 1969. С. 506.
25. Выступление Мао Цзэдун на 4-й сессии НПКСК в феврале 1953 г.
26. *Юй Кэтин* (гл. ред.). Шичан цзинцзи юй гунминь шэхуэй: Чжунго юй Элосы [Рыночная экономика и гражданское общество: Китай и Россия]. Пекин, 2005. С. 3.
27. Во втором пункте Устава СКП написано: «Данный союз является объединенной Всероссийской организацией предприятий с китайским капиталом, торговых палат и ассоциаций, предприятий с китайским капиталом. Он является некоммерческой общественной организацией». — www.cgscgu.org.
28. Там же.

«... Вести дела в согласии с законом»: к истории рыболовства в системе русско-японских отношений (1907–1914 гг.)

© 2010

Ю. Пестушко

В статье рассматривается комплекс вопросов, затрагивающих организацию и ведение рыболовного промысла российскими и японскими рыбопромышленниками в дальневосточных акваториях Российской империи после русско-японской войны 1905 г. На основе анализа российских и японских документов и других источников автор показывает роль японских рыбопромышленных объединений в гармонизации российских и японских интересов в указанной отрасли, рассматривает попытки налаживания русско-японского сотрудничества в сфере рыбного промысла, вскрывает причины его неудач, демонстрирует роль российских органов рыбопромышленного надзора в охране экономических интересов государства.

Ключевые слова: конвенционные воды, рыболовная конвенция, рыбная промышленность, навигационное свидетельство, надзор, Сибирская флотилия, морепродукты.

До настоящего времени некоторые вопросы вышеозначенной тематики затрагивались российскими и японскими исследователями лишь в контексте анализа двусторонних экономических отношений или рассмотрения региональной политики. Кроме того, российские и японские ученые нередко выявляли несколько ограниченный круг затрагиваемых проблем, а также диаметрально противоположные подходы в оценке рыболовства в истории отношений двух стран.

Например, японские историки Судзуки Акира, Каминага Эйсукэ, Камимура Синъити, Койва Нобутака¹ в своей оценке русско-японских связей в сфере рыболовства старались подчеркивать не только негативные, но и положительные стороны этих отношений, способствовавших развитию промысла в русских дальневосточных водах с учетом интересов обеих стран. Японскими исследователями также указывалось, что заключение Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. («Нитиро гёгё кёяку») явилось первым звеном в деле послевоенной нормализации отношений между двумя странами. Каминага Эйсукэ в своих работах, в частности, подвергает критике традиционную точку зрения о существовании противостояния японцев и русских в сфере рыболовства.

В то же время российские исследователи до недавнего времени отмечали лишь те моменты, которые говорили о сохранении противостояния двух стран в сфере рыболовства, демонстрировали слабость России, которая была вынуждена идти на уступки Японии как страна, потерпевшая поражение в войне. Акцент делался на то, что Россия после окончания русско-японской войны была вынуждена строить свои отношения с Японией с позиций побежденной стороны. Деятельность Японской империи в области

Пестушко Юрий Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент Дальневосточного государственного гуманитарного университета. E-mail: yuripestushko@yandex.ru.

тихоокеанского рыболовства расценивалась, за исключением работ последних лет², как экспансия, стремление к постепенному изгнанию России не только с дальневосточных промыслов, но и вообще с тихоокеанского побережья. В качестве одного из наиболее веских аргументов в данном случае нередко указывалось на деятельность японских рыбопромышленных объединений, созданных в период 1908–1914 гг., а также на якобы попустительское отношение российского правительства к дальневосточному рыболовству в исследуемый период. С таких позиций указанную проблематику рассматривали В.А. Маринов, Л.Н. Кутаков, А.Т. Мандрик³.

Указанная точка зрения представляется достаточно односторонней и не до конца объективной. В настоящей работе автор ставит своей задачей на основе анализа российских и японских документов и других источников, а также материалов российской прессы и трудов российских и зарубежных авторов комплексно проанализировать роль японских рыбопромышленных объединений в дальневосточном рыболовстве в послевоенный период. В статье рассматриваются причины создания объединений рыбопромышленников и цели их деятельности, анализируются попытки японских предпринимателей наладить совместную с подданными России добычу рыбы и морепродуктов. Кроме того, в представленной работе показаны мероприятия российских властей по организации дальневосточного промыслового надзора и некоторые итоги его последующей деятельности.

Рыболовство на русском Дальнем Востоке в последней трети XIX — начале XX вв.

В 70-е годы XIX столетия немногочисленные группы японских рыбаков, которые вели лов рыбы на Сахалине еще с конца XVIII в., начали расширять свою деятельность в устье Амура и на юге Сахалина, строя солеварни, склады, жилые дома. За период с 1870 по 1875 гг. японские рыбаки расширили границы промыслов от Южного Сахалина до берегов Татарского пролива и побережья Камчатки. Ряд льгот японским рыбопромышленникам предоставил русско-японский договор 1875 г., в соответствии с которым подданные Японии получили право в течение 10 лет заходить беспошлинно в сахалинский порт Корсаков, где учреждалось консульство Японии⁴. Кроме того, по «договору, заключенному на равноправных началах»⁵, Россия предоставила японским купцам и рыболовным судам права и преимущества в торговле и судоходстве в Охотском море и на Камчатке, аналогичные тем, которыми пользовались подданные других государств. После подписания соглашения японцы, занимавшиеся добычей рыбы, появились и на Нижнем Амуре, где они обустроили рыбные склады и места для обработки морепродуктов⁶.

Последняя треть XIX столетия явилась временем становления и российской дальневосточной рыбопромышленности. Основными районами рыболовства на Дальнем Востоке были низовья Амура, от Хабаровска до Николаевска, Камчатка и Сахалин. В 1891 г. на Камчатке появилось «Русское товарищество котиковых промыслов», которое занималось эксплуатацией пушных ресурсов Командорских островов, а также добычей камчатского лосося. В 1901 г. было налажено производство лососевых консервов на заводе «Камчатского торгово-промышленного общества». К началу русско-японской войны добыча рыбы в промышленных масштабах производилась крупными предприятиями Г.Ф. Демби, Г.Г. Кейзерлинга, Я.Л. Семенова. Кроме того, российские рыбопромышленники активно осваивали ресурсы Сахалина и побережья Охотского моря.

До подписания русско-японской рыболовной конвенции у правительства России отсутствовала четкая и последовательная политика в отношении добычи дальневосточных морских ресурсов подданными других государств и, в первую очередь, Японией. Например, с 1880 по 1898 гг. правила морского рыболовства на Дальнем Востоке выдержали пять редакций. Правила 1880 г. предоставили японским подданным право ведения промысла при условии уплаты последними пошлины в размере 50 коп. золотом с пуда

рыбы. Правила 1885 г. запретили японским рыбопромышленникам лов в заливах Ныйском и Терпения на Сахалине, однако Правила 1890 г. разрешили вести добычу рыбы на восточном побережье острова. В 1899–1901 гг. российским правительством были выработаны новые правила промысла, в соответствии с которыми лов рыбы в территориальных водах России был разрешен только русским подданным⁷.

Ситуация в дальневосточной рыбодобыче изменилась в пользу Японии после завершения русско-японской войны. В результате подписания Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. подданные Японии получили возможность заниматься добычей и обработкой рыбы и других морепродуктов по всему побережью русского Дальнего Востока, за исключением ряда бухт и рек.

Создание объединений японских рыбопромышленников и цели их деятельности

Еще в 1902 г. правительством Японии был принят Закон о промысловых объединениях в территориальных водах иностранных государств» («Гайкоку рёкай суйсан кумнай хо»)⁸. Согласно этому закону, все японцы, занимавшиеся добычей рыбы и морепродуктов в иностранных территориальных водах, объединялись в рыбопромышленные союзы. Несмотря на появление указанного закона, в предвоенный период промысловых союзов создано не было. Можно утверждать, что причиной тому явилась начавшаяся вскоре русско-японская война, а также отсутствие между Японией и Россией соглашения по вопросам рыболовства, которое бы четко регламентировало вопросы добычи рыбы и морепродуктов подданными Японии. Начавшийся еще до русско-японской войны процесс объединения существовавших ранее малых и крупных рыбообывающих предприятий в промысловые союзы и рыбообрабатывающие объединения продолжился после подписания Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г.

Японские исследователи долгое время утверждали, что создание объединений было обусловлено стремлением избежать трений с российскими административными органами, но недавние работы Каминага Эйсуку ставят под вопрос данную точку зрения. Следует предположить следующие несколько причин создания объединений японских рыбопромышленников: защита трудовых интересов подданных Японии, занятых в рыболовной сфере, установление единых цен на рыбу-сырец, орудия промысла, установление стоимости рыболовной продукции на рынке с учетом собственных интересов. Сюда же следует отнести и заинтересованность японских промышленников в расширении сфер приложения капиталов посредством учреждения предприятий по обработке рыбы и морепродуктов, выпуску консервированной продукции. Со временем все японцы, занимавшиеся рыболовным промыслом в дальневосточных конвенционных водах⁹, оказались вовлечены в рыбопромышленные объединения.

Первым в 1908 г. в Хакодате — центре японской рыбной промышленности, ориентированной на рыбодобычу в русских водах, было создано общество «Рорё суйсан кумнай» («Союз рыбодобычи в русских владениях»)¹⁰. В 1909 г. объединение «Рорё суйсан кумнай» насчитывало 3714 рыбаков, а в 1915 г. их число выросло в четыре раза, составив уже 15 717 чел. К началу 1916 г. компания ежегодно добывала рыбы на 7–8 млн иен и владела имуществом на сумму в 8 млн иен¹¹.

Тремя годами позднее, в конце 1911 г. в Японии было учреждено общество «Юсюцу сёкухин кабусики кайся» («Акционерное общество экспорта пищевых продуктов»), выступившее с инициативой открытия японских консервных заводов на камчатском полуострове. Сторонниками проекта по организации консервного производства в этих отдаленных районах русского Дальнего Востока выступили член верхней палаты парламента Японии Мурата Тамоцу, являвшийся директором компании «Тэйкоку суйсан

кайся» («Императорское общество морских продуктов») и бывший директор Бюро морских продуктов и Института рыболовства и рыбоводства Мацувара Синносукэ.

Помимо желания расширить сферы применения японского рыбопромышленного капитала, создание рыбообрабатывающих предприятий на Камчатке преследовало целью оказание помощи японским рыбакам, пострадавшим от понижения цен на рыбу на японских рынках в 1910–1911 гг., когда интенсивная добыча рыбы и морепродуктов, а также скупка японцами рыбы на нижнем Амуре за послевоенный период привели к тому, что морепродукты в Японии значительно упали в цене. Появление заводов по производству консервов должно было в первую очередь разрешить вопрос с использованием рыбных излишков. За несколько послевоенных лет японскими компаниями «Цуцуми сёкай»¹², «Юсюцу сёкухин кабусики кайся», «Итии гуми», «Сухара»¹³ на Дальнем Востоке было налажено производство консервированных морепродуктов.

Процесс укрупнения японских рыбопромышленных предприятий ускорился накануне Первой мировой войны, и в Японии возникли и другие крупные организации, объединявшие японских рыбаков. В 1913 г. появилось объединение японских рыбаков «Рорё гёгёкэн ходзэн домэйкай» («Союз охраны прав рыбородобычи в русских владениях»). В 1914 г. в Осака японским предпринимателем Тамура было организовано рыбопромышленное общество «Нитиро гёгё кабусики кайся» («Японо-российская рыбопромышленная акционерная компания»).

Вышеназванные рыбопромышленные объединения формально заявляли о готовности вести промысел «в интересах русского и японского народов», в рамках Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. и способствовать развитию экономического сотрудничества между двумя странами. Например, о содействии развитию дружеских отношений между Японией и Россией, ведении промысла в соответствии с государственными интересами обеих стран, а также необходимости грамотной организации добычи рыбы и морепродуктов в российских конвенционных водах говорилось в уставе «Рорё суйсан кумнай»¹⁴. Там указывалось, что целью союза является охрана рыболовных прав подданных Японии в русских владениях и развитие рыбопромышленности¹⁵. Компания «Нитиро гёгё кабусики кайся» также заявляла о необходимости развития совместного с русскими рыбаками промысла с перспективой налаживания экспорта морепродуктов за границу¹⁶.

С формальной точки зрения, вышеназванные цели японских рыбопромышленных объединений, декларировавшиеся в их уставах, указывали на неплохие перспективы в деле развития иностранного промысла в дальневосточных конвенционных водах, а также на возможности по созданию совместных российско-японских промысловых предприятий. Однако, как будет показано ниже, в действительности настоящие задачи объединений далеко не всегда соответствовали положениям, заявленным в уставе.

Политика русского правительства по отношению к деятельности японских рыбопромышленных объединений

В течение рассматриваемого периода русские административные органы были поставлены перед необходимостью вырабатывать курс в отношении действий японских рыбопромышленных объединений, направленных на расширение своей деятельности.

Например, судя по опубликованной в русских дальневосточных газетах докладной записке организации «Рорё суйсан кумнай» японскому правительству, она была намерена не просто отстаивать интересы своих соотечественников, но и содействовать получению ими дополнительных привилегий. Предполагалось добиваться от русских центральных властей и дальневосточной администрации отмены практики закрытия рыболовных участков, снятых с торгов, запрета на передачу рыболовного участка от одного арендатора к другому, а также предоставления разрешения на сообщение между рыболовными участками¹⁷.

«Рорё гёгёкэн ходзэн домэйкай» также выступал за увеличение числа арендуемых японцами промысловых участков, получение разрешения устанавливать дополнительные неводы, предоставление права передавать рыболовные участки от одного арендатора другому¹⁸. Подобной тактики придерживалась и «Нитиро гёгё кабусики кайся». Так, в феврале 1914 г. указанное общество направило докладную записку японским властям, в которой были изложены пожелания японских рыбопромышленников, арендовавших рыболовные участки. Основное содержание данного документа сводилось к следующему: ограничение права России закрывать рыболовные участки, сданные с торгов, уничтожение существовавших ограничений права передачи рыболовных участков от одного арендатора к другому, разрешение сообщения на шлюпках за пределами рыболовных участков¹⁹.

Отношение русских дипломатических представителей и органов власти к действиям японских рыбопромышленников выражает донесение российского консульства в г. Хакодате послу России в Токно Н.А. Малевскому-Малевичу и Приамурскому генерал-губернатору Н.Л. Гондатти. Отмечалось, что «Нитиро гёгё кабусики кайся» представляет потенциальную угрозу российским рыбопромышленникам, так как при проведении торгов данное рыбопромышленное объединение сможет заполучить наиболее рентабельные участки. В донесении также указывалось, что общество ставит своей целью прекращение взаимной конкуренции между японцами и русскими при покупке рыбы в Николаевском районе²⁰.

Неудивительно, что российское правительство неоднозначно восприняло идею о создании на Камчатке японских заводов по производству консервированной рыбопродукции. В исследуемое время Камчатка являлась наименее контролируемым российскими властями районом русского Дальнего Востока, куда совершало нерегулярные рейсы всего четыре парохода Добровольного флота²¹. С одной стороны, появление японских консервных заводов должно было оказать положительное влияние на экономическое развитие Камчатки. Вместе с тем, существовала опасность вытеснения с камчатских промыслов российских рыбаков. Все это вынуждало дальневосточные власти и российские дипломатические представительства в Японии взвешивать все возможные плюсы и минусы планировавшихся нововведений.

Подобная оценка перспектив развития японского консервного производства на Камчатке была представлена российским вице-консулом в Хакодате В.В. Траутшольдом. С одной стороны, В.В. Траутшольд отметил стремление японских подданных к развитию здоровой конкуренции на рынке морепродуктов: «...до сих пор японские рыболовы в погоне лишь за количеством вылавливаемых ими рыб, не заботились о качестве своих продуктов, доставляя на рынок всю ту же малоценную рыбу в примитивном японском засоле»²². То есть, по его мнению, учреждение на Камчатке японских заводов по производству консервированной рыбопродукции свидетельствовало о стремлении японских рыбаков добиться качественных изменений в деле добычи рыбы посредством перехода к более интенсивной и усовершенствованной эксплуатации рыболовных концессий. К тому же, продукция японского производства не могла составить серьезной конкуренции продукции «Камчатского консервного товарищества», к тому времени уже наладившего поставки консервированных морепродуктов на рынки Великобритании.

Вместе с тем, российский дипломатический представитель постарался проанализировать и возможные нежелательные последствия развития японцами консервного производства, а также предложить конкретные меры на случай нанесения ущерба экономическим интересам России в Охотско-Камчатском районе со стороны Японии. В случае возникновения угрозы экономической экспансии японского капитала на Камчатке российский дипломатический представитель предлагал повысить оценки участков, на которых предполагалось устройство консервных заводов, «причем настолько значительное, чтобы можно было ожидать, что они окажутся не сданными с торгов». Следующим шагом после создания для японцев неприемлемых условий для производства морепродук-

тов, должно было стать привлечение на эти участки дальневосточных предпринимателей и предоставление последним государственных субсидий, чтобы «отбить пригодные для консервного дела участки у японцев»²³.

Мнение В.В. Траутшольда о потенциальной угрозе со стороны японских предприятий отчасти можно объяснить незаконной деятельностью японских рыбопромышленников, с которой ему приходилось нередко сталкиваться — изготовление фальшивых навигационных свидетельств, завоз под видом промыслового снаряжения промышленных и продовольственных товаров на территорию русского Дальнего Востока, лов рыбы в устьях рек и заливах. Вышеназванные случаи вынуждали относиться к проектам японской стороны по развитию консервного производства очень осторожно, так как они могли привести к росту разного рода нарушений. Вместе с тем, позицию В.В. Траутшольда следует рассматривать не как призыв к борьбе с японским экономическим присутствием на Камчатском полуострове, а скорее как общие рекомендации по проведению аналогичных мероприятий, в случае действительного возникновения угрозы экономическим интересам России в этом районе.

Таким образом, в исследуемый период отношение российского правительства к деятельности японских рыбопромышленных объединений на разных уровнях было двойственным. Ходатайства названных компаний о расширении прав, предоставленных подданным Японии по условиям Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., указывали на стремление к занятию лидирующего положения в дальневосточной рыболовной отрасли и требовали от российских властей проведения ответных мер по укреплению дальневосточного рыболовства. Вместе с тем, дальневосточная администрация признавала и то немаловажное обстоятельство, что организованный и подконтрольный японским властям рыболовный промысел в российских конвенционных водах позволит противодействовать хищнической и никем не контролируемой добыче морепродуктов отдельными японскими рыбаками. Так, в отношении «Рорё суйсан кумнай» местными властями высказывалось мнение, что, благодаря этому объединению до японских рыбаков быстро доводятся все требования и распоряжения Приамурского Управления государственных имуществ, а деятельность японцев находится под контролем не только российских властей, но и японской администрации²⁴. Схожей точки зрения придерживалось и центральное российское правительство. Например, во время посещения российской столицы представителями «Рорё Суйсан Кумнай» в начале 1912 г. МИД России высоко оценил деятельность хакодатского отделения этого объединения в отношении ведения промысла в конвенционных водах и пресечения незаконной деятельности японских рыбаков²⁵.

В послевоенные годы японцы стремились не только к упрочению своего положения на рыболовных промыслах на Дальнем Востоке, но и прилагали усилия к развитию здоровой конкуренции с подданными России, а также организации добычи морепродуктов в дальневосточных морях в соответствии с российскими законами. Немаловажно, что последнее обстоятельство расценивалось правительством России как твердое намерение Японии к развитию законного и честного промысла в российских дальневосточных владениях.

Попытки развития русско-японского сотрудничества в рыболовной отрасли и причины их неудач

Намерения подданных Японии налаживать отношения с российскими рыбаками и способствовать организации совместных предприятий, провозглашавшиеся в уставах рыбопромышленных объединений, не носили чисто декларативный характер. Например, накануне своего открытия руководство компании «Нитиро гёгё кабусики кайся» обратилось к российским промышленникам с призывом вступать в данную организацию на правах акционеров. По мнению японской стороны, совместное ведение промысла под-

данными России и Японии было бы чрезвычайно полезным обмен странам с точки зрения взаимного обогащения опытом, а также совместного использования капиталов в форме создания акционерного общества: «...и у русских, и японцев замечается одинаковое неумение ведения этого выгодного для обоих народов предприятия. В некоторых отношениях русские превосходят японцев, в других — японцы русских, и, в конце концов, у обоих получается потеря труда и капитала. Во избежание этого и во имя экономических интересов России и Японии мы предлагаем учредить акционерное общество»²⁶.

Однако никто из дальневосточных рыбопромышленников так и не выказал желания стать акционером названной компании либо приложить усилия к организации совместного с подданными Японии промысла. Как отмечал упоминавшийся выше российский вице-консул в Хакодате В.В. Траутшольд. «хотя акционерное общество («Нитиро гёгё кабусики кайся». — Ю.П.) называется японо-русским, никто из российских предпринимателей в нем не зарегистрирован, а все акции находятся в руках японских учредителей».²⁷ Довольно сложно назвать причины нежелания русских предпринимателей участвовать в совместных с японцами предприятиях. Можно предположить, что подданные России просто не хотели рисковать своими капиталами, опасаясь, что заниматься промыслом рыбы наравне с японцами все равно не получится, либо русские рыбаки будут лишь подставными лицами, арендующим морские промыслы, а затем передающими их японцам. С другой стороны, подобное равнодушие к предложениям японских рыбопромышленников способствовало дальнейшему разделению дальневосточного рыболовства на «японское» и «российское», когда подданные Японии отстаивали свои интересы, а подданные России — свои. К сожалению, «совместная» деятельность российских и японских промышленников в итоге свелась к не вполне законному получению в аренду морских промысловых участков.

Например, оговаривая накануне рыболовных торгов цену на участок, японские рыбаки на проводившемся аукционе устанавливали для себя наиболее приемлемую стоимость. Делалось это следующим образом: для соблюдения видимости торгов, на каждый участок подавало заявку несколько японцев, которые прекращали участвовать в аукционе сразу после того, как только ранее намеченный арендатор давал заблаговременно установленную цену. Чтобы немногочисленные русские арендаторы не поднимали цену на участки, японские рыболовы заранее узнавали у русских, какие именно участки им нужны. Если русские давали согласие не торговаться на участки, необходимые подданным Японии, последние не участвовали в аукционе, где «заторговывались» участки для русских. Такая комбинация удовлетворяла и русских, и японских арендаторов²⁸.

Существовала процедура искусственного занижения стоимости рыболовного участка. Например, японский рыбопромышленник, желавший получить в аренду хороший участок, который до этого находился в пользовании у русского арендатора, подкупал промыслового инспектора. Последний показывал, что данный промысел беден рыбой, и его арендная стоимость ниже заявленной²⁹. В итоге, арендная плата, для японцев, в большинстве случаев оказывалась значительной ниже арендной платы, которую приходилось платить русским арендаторам. Например, японский рыбодобытчик платил за аренду одного трехсезонного участка в среднем 2872 руб., в то время как русский — 3095 руб. Пятисезонный участок обходился японскому рыбодобытчику в 4317 руб., а русскому — в 5189 руб.³⁰ Кроме того, японцы опережали русских по числу арендованных промыслов (См. табл. 1).

Нежелание подданных России приложить усилия к организации совместных предприятий по добыче рыбы и морепродуктов явилось одной из главных причин упрощения японского рыбопромышленного капитала в российских конвенционных водах. Благодаря совместным действиям, а также поддержке японского правительства японские рыбаки получили ряд льгот, смогли брать в аренду наиболее рентабельные рыболовные

участки, число которых ежегодно возрастало, и значительно снизили конкуренцию с русскими добытчиками.

Таблица 1.

Данные по рыболовным участкам России и Японии³¹

Год	Япония	Россия
1908	87	?
1909	183	?
1910	157	34
1911	221	41
1912	213	29
1913	216	50
1914	226	37

Создание промыслового надзора на Дальнем Востоке

В 1908 г., через год после предоставления подданным Японии права заниматься добычей рыбы в российских территориальных водах дальневосточная администрация и центральные власти приступили к выработке мер по организации эффективной охраны морских промыслов. Несмотря на усилия руководства японских рыбопромышленных объединений, далеко не все японские рыбопромысловики соблюдали положения конвенции и Правила рыболовства на Дальнем Востоке и были настроены на честный промысел. Случалось так, что японцы в конце сезона просто отбирали у жителей отдаленных районов заготовленную ими на зиму рыбу³², а вместо промысла занимались неэквивалентной торговлей с аборигенами. Наиболее часто такие эпизоды имели место на Камчатке. Отсутствие надзора за действиями в российских водах японских рыбопромысловиков вело к усилению двух негативных тенденций: хищническому лову рыбы и морепродуктов и расширению экономической деятельности японских предпринимателей, не оговоренной в двусторонних соглашениях. Поэтому, как отмечал в одном из своих донесений посол России в Японии Н.А. Малевский-Малевич, «успешно противодействовать укреплению экономического преобладания японцев мы могли бы не запретительными мерами, а лишь усилением нашего берегового надзора»³³.

До русско-японской войны инспектированием юго-западных рыболовных промыслов Дальнего Востока, побережья Охотского моря и Татарского пролива занимались лесничие, подчинявшиеся Приамурскому Управлению государственных имуществ. На Камчатке задача охраны конвенционных вод была возложена на местную администрацию. В то время деятельность надзора не носила постоянного характера, что позволяло японским рыболовам продолжать заниматься хищническим промыслом морепродуктов.

В 1907 г. с целью организации эффективной охраны дальневосточных конвенционных вод Управление землеустройства и земледелия выступило перед Государственной Думой с инициативой разработки закона об охране промысловых богатств на Дальнем Востоке. Поскольку данное представление не было подкреплено серьезными данными по состоянию русской дальневосточной рыбопромышленности, Комиссия Государственной Думы по рыболовству отнеслась довольно скептически к инициативе Управления, заметив, что эта организация не имеет никакого опыта в совершенно новом для нее деле по созданию промысловой охраны на Дальнем Востоке. В заявлении Комиссии говорилось, что одно лишь письменное ходатайство относительно организации промыслового надзора не позволяет судить о действительной потребности в количестве и распределении «промысловых стражников», а также о числе и границах рыболовных участков, которые предстояло инспектировать надзору. Исходя из этих соображений, Комиссия признала возможным ус-

тановить проектируемый Государственным Управлением землеустройства и земледелия закон лишь на два года. За это время Управление должно было разработать организацию промыслового надзора так, чтобы это «поставило бы служащих в надлежащие условия существования и плодотворной деятельности при возможно меньших затратах государственных средств». Предполагалось, что за два года, Управление землеустройства и земледелия соберет опытные данные по рыболовному промыслу на Дальнем Востоке, на основе которых затем будет разработан и принят соответствующий законопроект³⁴.

Таким образом, уже вскоре после заключения Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. российское правительство приступило к проведению мероприятий по созданию дальневосточного промыслового надзора, руководствуясь необходимостью охраны дальневосточных конвенционных вод и оказанием противодействия укреплению иностранного капитала в экономике русского Дальнего Востока.

Деятельность промыслового надзора в 1908–1911 гг.

Промысловый надзор начал функционировать в дальневосточных конвенционных водах в 1908 г. Тогда же Приамурское Управление государственными имуществами завершило японскую сторону, что рыбопромышленникам Японии не стоит опасаться предвзятого отношения к себе со стороны инспекции: «Управление руководствуется в своих действиях по отношению к японцам духом беспристрастия и широкой терпимости, и в том же духе даются наставления промысловому надзору»³⁵.

В своей работе, посвященной исследованию российско-японских отношений в 1905–1914 гг., В.А. Маринов утверждает, что «весь русский рыболовный надзор на Дальнем Востоке состоял из двух старых крейсеров — «Командор Беринг» и «Лейтенант Дымов», а также шхуны «Сторож»³⁶. Хотя автор указывает, что с 1910 г. для инспектирования районов Камчатки стали привлекаться транспорт «Колыма» и канонерская лодка «Манджур», складывается впечатление, что организация промыслового надзора на русском Дальнем Востоке была изначально обречена на неудачу, поскольку держать под контролем все тихоокеанское побережье русского Дальнего Востока силами всего трех кораблей не представлялось возможным.

В действительности, для охраны дальневосточных рыболовных промыслов было задействовано большее число судов: два крейсера — «Командор Беринг» и «Лейтенант Дымов», шхуна «Сторож», два паровых катера — «Дельфин» и «Нерпа», яхта «Фридольф Гек», оснащенная керосиновым двигателем, два легких катера, четыре моторных лодки и парусная яхта «Касатка». Кроме того, в инспекцию входило пять смотрителей за рыболовными участками и 76 «промысловых стражников». «Командору Берингу» предстояло инспектировать рыболовные промыслы в Западно-камчатском и Охотском районах. На «Лейтенанта Дымова» и шхуну «Сторож» возлагался контроль над Восточно-камчатским, Сахалинским и Юго-западным рыбопромышленными районами. Акваторию Николаевского района обслуживали паровые катера «Дельфин» и «Нерпа», а также парусная яхта «Касатка»³⁷.

Усилиями промыслового надзора за 1908 г. было выявлено 58 случаев нарушений подданными Японии правил рыболовной конвенции и взыскано 6,9 тыс. руб. штрафов³⁸. Наиболее часто японские суда арестовывались за отсутствие консульского разрешения на промысел. Например, за июнь — июль 1908 г. промысловым надзором за данное нарушение было задержано 12 японских шхун³⁹. Л. Н. Кугаков указывает, что царское правительство, не желая обострять отношений с Японией, дало указание командирам охранных судов «быть снисходительными и избегать резких столкновений с японцами», (поэтому. — Ю.П.) «установилось бесконтрольное хищничество японцев в русских водах и на побережье»⁴⁰. В действительности, дальневосточный промысловый надзор в своей деятельности руководствовался в первую очередь соблюдением интересов

России на русском Дальнем Востоке и особенно не церемонился и с нарушителями. Сохранилось немало примеров, когда промысловый надзор применял против нарушителей-японцев силу, или дело о нарушении доводилось до суда⁴¹. Таким образом, промысловый надзор довольно успешно справлялся с поставленными задачами, хотя и не мог полностью устранить нарушения.

Посильную помощь в охране дальневосточных вод оказывали корабли Сибирской флотилии, которые наведывались в отдаленные и наименее контролируемые северо-восточные промысловые районы. Необходимость инспектирования промысловых вод к востоку от Камчатки была очевидна: японские браконьеры, занимавшиеся промыслом каланов, тюленей и морских котиков, часто заходили для незаконного лова в тридцатимильную береговую зону Командорских островов, где добыча морских животных была запрещена. Например, 29 мая 1908 г. одно из браконьерских судов — японская шхуна «Миэ-мару» была задержана военным транспортом «Шилка» в 7,5 милях от о. Беринга⁴².

Управление государственными имуществами находило действия надзора вполне обоснованными и отмечало, что наложение на японских рыбаков штрафов и конфискации судов вызвано нарушениями ими рыболовной конвенции. Важно отметить, что той же точки зрения придерживалась и японская сторона. Например, консульство Японии во Владивостоке официально заявило Управляющему государственными имуществами В.К. Бражникову о полной правомерности действий промыслового надзора и одобрило деятельность вверенного ему Управления⁴³.

Несмотря на определенные успехи рыболовной инспекции возможности промыслового надзора оставались скромными. К тому же, надзор не контролировал полностью северо-восточные районы русского Дальнего Востока, куда также наведывались иностранные браконьеры. Мнения относительно того, кому может быть поручена охрана промыслов северо-восточных районов, расходились. Например, П.Ф. Унтербергер полагал, что морское министерство вполне может выделить несколько своих судов для промыслового надзора. Случай с задержанием в 1908 г. возле Командорских островов шхуны «Миэ-Мару» указывал на то, что корабли Сибирской флотилии могут оказывать весьма действенную помощь в деле охраны морских богатств русского Дальнего Востока.

Иной точки зрения придерживался морской министр С.А. Воеводский. По его мнению, охрана промыслов не могла быть возложена на военные суда. «Имеющие иные и вполне определенные цели», а использование в этом качестве судов военного флота противоречило выполнению плана по развешиванию на Дальнем Востоке морских сил. Поэтому наиболее подходящим вариантом решения вопроса с охраной явилось бы поручение наблюдения за северо-восточными районами российских территориальных вод судам пограничной стражи, таможенной флотилии и судам Главного управления землеустройства и земледелия, как это заведено в Балтийском и Черном морях⁴⁴.

Хотя морское ведомство не выказало желания оказать помощь в деле охраны конвенционных вод, Приамурское генерал-губернаторство все же попыталось добиться от него выделения из состава Сибирской флотилии военного судна для несения охранной службы в прибрежных районах Чукотского полуострова. В ответ на этот запрос Управление морскими силами Тихого океана заявило, что «морское ведомство будет не в состоянии привести в исполнение эту меру, в виду ограниченности состава Сибирской флотилии». Не добившись положительного ответа, П.Ф. Унтербергер обратился за содействием к П.А. Столыпину. После этого председатель совета министров направил морскому министру С. А. Воеводскому запрос, «не окажется ли возможным отрядить в этом году в Берингово море военное судно»⁴⁵.

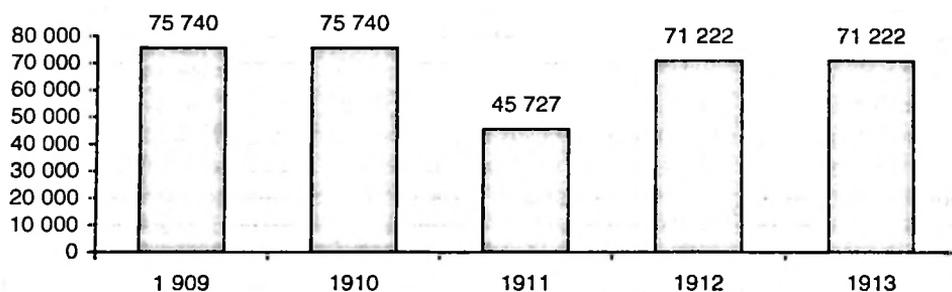
На этот раз был получен положительный ответ, и морское министерство выделило на 1909 г. для охраны рыболовных промыслов транспорт «Шилка» и канонерскую лодку «Манджур», неплохо зарекомендовавшую себя в деле охраны рыболовных промыслов в предвоенные годы⁴⁶. В то же время морским ведомством было поставлено обяза-

тельное условие, что «оба вышеназванных судна по окончании охранного плавания будут возвращены осенью во Владивосток»⁴⁷.

В течение 1909 и 1910 гг. на усиление дальневосточного промыслового надзора из средств российского казначейства было выделено по 75 740 руб.⁴⁸ С 1911 г. Санкт-Петербург начал предоставлять дополнительные средства на усиление российских дальневосточных рыбинспекций и таможен: в 1911 г. с этой целью дальневосточным властям было отпущено 45 727 руб., а в 1912–1913 гг. — 71 222 руб.⁴⁹ Выделяемые средства были весьма скромными. Подобный вывод напрашивается из сравнения вышеприведенных цифр с данными, представленными в 1908 г. Приамурским управлением государственных имуществ Главному управлению землеустройства и земледелия. Так, по мнению Приамурского Управления Государственных имуществ, для доведения промыслового надзора «до отвечающего требованиям жизни» уровня, ежегодно требовалось 298 240 руб. Эта сумма включала в себя увеличение штата личного состава рыболовного надзора, обеспечение его условиями проживания, а также приобретение и содержание необходимых для надзора судов⁵⁰. Таким образом, на усиление промыслового надзора ежегодно отпускалась примерно четверть необходимой суммы (См. диаграмму 1).

Диаграмма 1.

**Объемы финансирования дальневосточного надзора
российским правительством в 1909–1913 гг.**



Тем не менее, несмотря на имевшиеся трудности, российскому правительству в целом удалось наладить охрану морских ресурсов Дальнего Востока. Основной проблемой, затруднявшей деятельность промыслового надзора в исследуемый период, являлся недостаток судов. Вместе с тем, благодаря военным кораблям Сибирской флотилии дальневосточной администрации удавалось держать под контролем, как основные районы конвенционного рыболовства, так и отдаленные морские промыслы. Центральные власти не только оказывали посильную помощь, выделяя военные суда в охранных целях, но и отпускали средства на поддержание и развитие дальневосточного рыболовного надзора.

Мероприятия руководства объединений японских рыбопромышленников и российского правительства по упорядочению добычи морских ресурсов русского Дальнего Востока

Со временем к охране морских ресурсов подключились и японские рыбопромышленные объединения. Первое время, несмотря на принимавшиеся российской и японской администрациями меры, на рыболовных промыслах закон все равно нарушался и японцами, и подданными России. Например, через подставных русских лиц, арендовавших рыболовные участки, японцы осуществляли рыболовный промысел в реках и бухтах, что по условиям Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. было запрещено, а также скупали рыбу на морских промыслах. Такого рода незаконная деятельность частных лиц пресекалась не только дальневосточной администрацией, но и руково-

дством «Рорё суйсан кумиай». Эта компания смогла поставить под контроль деятельность своих соотечественников и даже ввела обязательную практику «дополнительных взысканий», когда нарушители рыболовной конвенции выплачивали фактически двойной штраф — дальневосточным властям и японскому промышленному объединению⁵¹.

Например, японский арендатор Хори Кэйтаро за один лишь рыболовный сезон 1910 г. был оштрафован русскими властями на рекордную сумму в 4800 руб., а за весь рыболовный сезон 1907 г. общая сумма штрафов, взысканных с иностранцев за различные нарушения — продажа спирта населению, самовольный промысел, стоянка в неуказанном месте — составила «всего» 3250 руб. Вдобавок к штрафам, который японский рыбак заплатил русским властям, руководство «Рорё суйсан кумиай» приказало ему выплатить 2500 иен, причем до внесения этой суммы Хори Кэйтаро было запрещено заниматься рыболовным промыслом в дальневосточных конвенционных водах⁵².

Несоблюдение японскими подданными условий Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. становилось предметом обсуждений на собраниях членов «Рорё Суйсан Кумиай», что свидетельствовало о стремлении руководителей японских рыбопромышленных объединений упорядочить добычу морепродуктов в дальневосточных конвенционных водах. Выступая на одном из таких собраний, заместитель главы «Рорё Суйсан Кумиай» Накасэ Сутэтаро заявил следующее: «Весь промысел ведется нами на русской территории и под русским законом на основании рыболовной конвенции. Я не сомневаюсь, что все присутствующие стараются вести свои дела в строгом согласии с постановлениями русских законов и упомянутой конвенции... Становится желательным, чтобы впредь с нашей стороны были приложены особые старания к тому, чтобы соблюдать законы в точности, не дискредитировать в глазах русской власти своей репутации как честных деятелей, а наоборот стремиться к тому, чтобы заслужить все больше ее доверия»⁵³.

Среди японских рыбодобытчиков было немало тех, кто был недоволен контролем со стороны промышленных союзов, мешавших в одиночку «заторговывать» нужные рыболовные участки и заниматься промыслом, невзирая ни на какие законы и ограничения. Нередко такого рода деятельности способствовали недоговоренности японских законов о рыболовстве. Например, в положении, запрещавшем заниматься самостоятельно рыболовным промыслом в территориальных водах иностранных государств, ничего не говорилось о воспрещении участвовать в аукционах. В 1912 г. группа японских предпринимателей из Отару решила воспользоваться этим и попыталась участвовать в торгах, проходивших во Владивостоке, самостоятельно. Предполагалось, что, взяв в аренду нужные промысловые участки, эти подданные Японии запишутся в «Рорё Суйсан Кумиай». Однако, по настоянию этого рыбопромышленного объединения, в дело вмешалось японское консульство во Владивостоке, и затея с полученным промыслом провалилась⁵⁴.

Усилия руководства японского рыбопромышленного объединения получили положительную оценку представителей русских властей. Например, как отмечал российский вице-консул в Хакодате В.В. Траутшольд, «на арену промысловой деятельности начинают выступать настоящие промышленники. Эти люди, как арендаторы долгосрочных концессий, заинтересованы в том, чтобы заслужить доверие русских властей, и способствуют не допущению к конвенционному рыболовству нежелательных и опасных элементов»⁵⁵.

Таким образом, можно утверждать, что после подписания Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. японские рыбопромышленники стремились не только к расширению привилегий, предоставленных им этим соглашением, но и были заинтересованы в ведении добычи рыбы и морепродуктов в дальневосточных конвенционных водах в соответствии с его положениями. Среди причин, обусловивших стремление японских рыбаков к ведению цивилизованного промысла, очевидно, следует выделить нормализацию межгосударственных отношений Японии и России в исследуемое время, а также желание японских промышленников строить отношения с Россией в сфере рыболовства на основе взаимовыгодного сотрудничества и партнерства.

Заключение

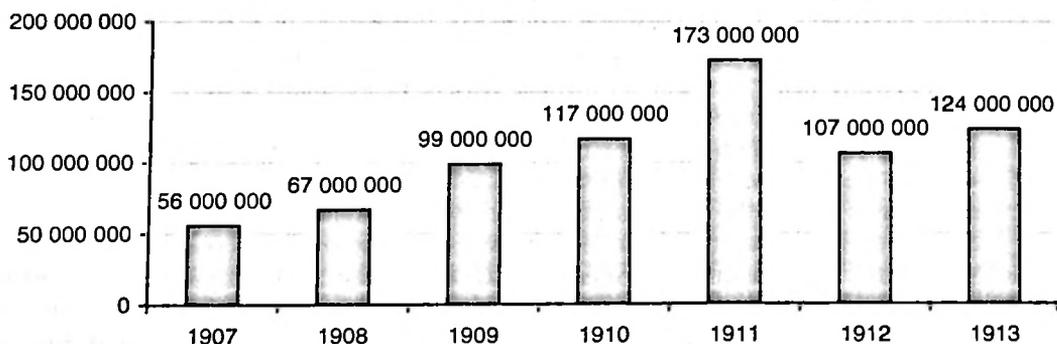
В исследуемый период в российском дальневосточном рыболовстве произошли качественные изменения. По условиям Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. подданные Японии получили право на добычу рыбы и морепродуктов в дальневосточных конвенционных водах. Не без участия японского правительства были созданы объединения японских рыбопромышленников, последующая деятельность которых оказала существенное влияние на укрепление японского капитала в дальневосточном рыболовстве. Вскоре после подписания Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. усилиями российских властей на русском Дальнем Востоке начал функционировать промысловый надзор.

Предпринятое в работе рассмотрение деятельности японских рыбопромышленных объединений позволяет утверждать, что несмотря на наличие целого ряда проблем в вопросах рыбного промысла, русские административные органы и японские рыбопромышленники в той или иной степени справлялись с их решением. Как японское правительство, так и японские предприниматели не ставили своей целью вытеснить российских промышленников с дальневосточных промыслов, как это утверждают названные во вступлении российские исследователи. Целью создания крупных объединений японских рыбаков явилось стремление к централизации их деятельности, оказанию им поддержки, а также приведение рыбного промысла к нормам, оговоренным в положениях Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. Само японское правительство было заинтересовано в цивилизованном промысле морепродуктов своими подданными и не только добилося от России права вести промысел в конвенционных водах, но и прилагало усилия к тому, чтобы ведение промысла четко соответствовало установленным правилам.

Одним из итогов деятельности японских рыбопромышленных объединений в дальневосточных конвенционных водах явилось увеличивавшееся год от года количество рыбопродукции, ввозимой в Японию (См. диаграмму № 2).

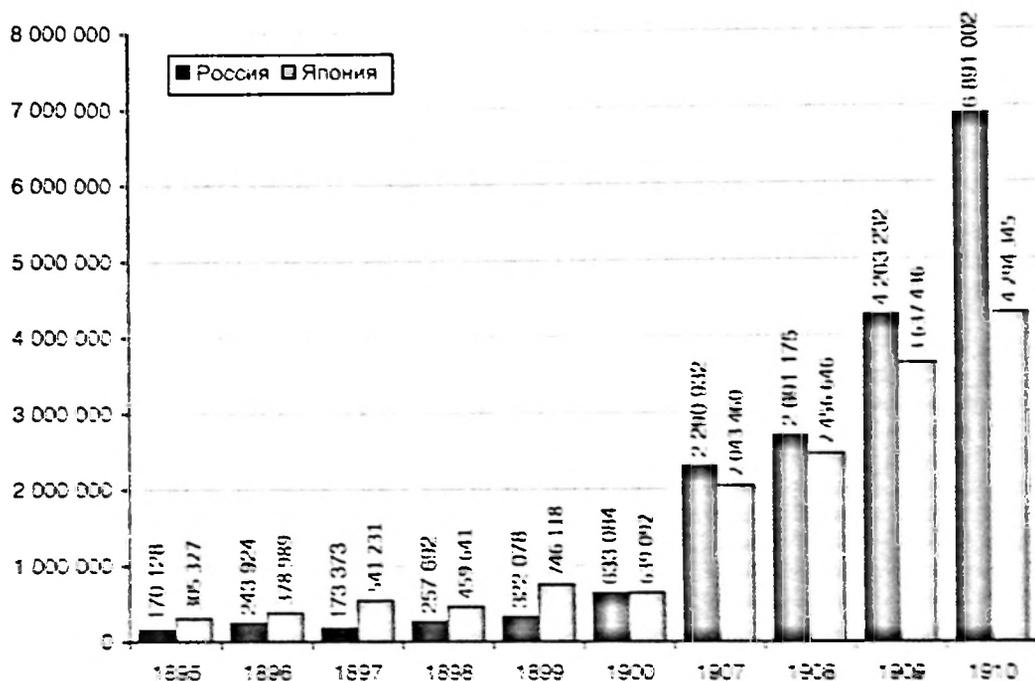
Диаграмма 2.

Ввоз добытой рыбы в Японию (1907–1913 гг.)⁵⁶



Вместе с тем, можно утверждать, что основной причиной такого увеличения явилась, главным образом, скупка рыбы японскими подданными у русских рыбаков, но не расширение объемов рыбодобычи за счет использования японцами большего числа промысловых участков. Например, при сравнении темпов добычи рыбы подданными Японии и России в период 1895–1900 гг. и 1907–1910 гг. обращает на себя внимание тот факт, что если в доконвенционный период японцы опережали русских рыбаков по количеству добытой рыбы, то после подписания Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г. и начала создания японских рыбопромышленных объединений первенство по объемам рыбодобычи постепенно перешло к дальневосточным рыбопромышленникам (См. Диаграмму № 3).

Диаграмма № 3.

Динамика развития добычи рыбы русскими и японскими рыбаками в 1895–1900 и 1907–1910 гг.⁵⁷

Россия вовсе не собиралась «отдать на откуп» японцам рыболовные ресурсы Дальнего Востока. Подтверждением тому явилось создание и последующая деятельность промышленного надзора в дальневосточных конвенционных водах. Укрепление рыболовного надзора в российских конвенционных водах после завершения войны с Японией преследовало своей главной целью установление контроля за деятельностью иностранного капитала на русском Дальнем Востоке, а также приведение промысла рыбы и морепродуктов в рамки существующих положений. Созданием промышленной инспекции в послевоенный период российским властям удалось добиться определенных успехов в деле организации контроля над добычей рыбы иностранными и российскими подданными.

Таким образом, во многом благодаря совместным усилиям дальневосточной администрации и руководства японских рыбопромышленных объединений в исследуемый период значительно снизилось число нарушений Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., а также разрешены многие спорные вопросы, связанные с добычей морских ресурсов русского Дальнего Востока.

1. Каминага Эйсуку. Сэнго то гэгэ: хокуэ гэгэ но рэкиси о тоинасу [Война и рыболовство: к истории добычи рыбы в северных морях]. — <http://src-h.slav.hokudai.ac.jp/soe21/publish/017/03kaminaga.pdf>. Камимура Синьити. Гайко годзюэн [Пятьдесят лет дипломатической работы]. Токио. 1960. С. 34; Коива Нобутака. Нихон тодзика но Карафуто ни окэру гэгэ сэйдо но гэнки [Изменения в системе рыболовных промыслов Южного Сахалина в период японского управления]. — <http://www.soc.nii.ac.jp/jsfe/D.P/Vol1/No7.pdf>.
2. Исключение составляют исследования Л.И. Галлямовой и Я. А. Шулатова, в которых указывается на положительные стороны конвенционного рыболовства — взаимовыгодное сотрудничество русских и японских рыбаков, обмен опытом и технологиями добычи и обработки море-

- продуктов. См.: *Галлямова Л. И.* Развитие российско-японских региональных связей на Дальнем Востоке, вторая половина XIX — начало XX вв. Основные аспекты // *Россия и АТР.* 2003. № 1. С. 76; *Шулятов Я. А.* Проблемы рыболовства глазами дипломатов. Экономическое урегулирование между Россией и Японией после Русско-японской войны // *Дальний Восток.* 2004. № 6. С. 212.
3. *Маринов В. А.* Россия и Япония перед первой мировой войной (1905–1914 гг.). Очерки истории отношений. М., 1974; *Кутаков Л. Н.* Россия и Япония. М., 1988; *Мандрик А. Т.* История рыбной промышленности российского Дальнего Востока. Владивосток, 1994.
 4. Сборник действующих трактатов. СПб., 1901. Т. 1. С. 393–399; История международных отношений и внешней политики СССР (1870–1957 гг.). М., 1957. С. 20.
 5. *Киёсава Киёси.* Нихон гайкоси [История японской дипломатии]. Токно, 1942. Т. 1. С. 187.
 6. *Stephan J.* Russian Far East. A History. Stanford. California, 1994. P. 78.
 7. *Мандрик А. Т.* Указ. соч. С. 41–42; *Каминага Эйсукэ.* Указ. соч.
 8. Гайкоку рёкай суйсан кумнай хо [«Закон о промысловых объединениях в территориальных водах иностранных государств»]. — <http://www.jacar.go.jp/DAS/meta/listPhoto>.
 9. Конвенционные воды — район действия Русско-японской рыболовной конвенции 1907 г., в рамках которого подданные Японии и России могли заниматься рыболовством. Включал в себя русское побережье вдоль Японского, Охотского и Берингова морей за исключением указанных в Приложении к конвенции бухт и закрытых заливов, в которых подданным Японии было запрещено заниматься добычей рыбы и морепродуктов.
 10. Российское консульство в Хакодате — Российскому императорскому послу в Токио. Н. А. Малевскому-Малевичу, 12 марта 1914 г. РГИА ДВ. Ф. 702, Оп. 7, Д. № 92, Л. 8. Первоначально общество называлось «Энкайсю суйсан кумнай» («Союз рыбодобычи Приморской области»).
 11. Глава «Рорё суйсан кумнай» Камияма Дзюндзи — Исси Кикудзиро. 18 января 1916 г. // Японские дипломатические документы (1916) Токио, 1967. Т. 1. С. 246–247.
 12. Компания «Цуцуми сёкай» была создана известным японским рыбопромышленником Цуцуми Сэйроку. В первые послевоенные годы эта компания занималась промыслом рыбы и других морепродуктов в северной части акватории Охотского моря.
 13. Рыбопромышленная компания «Сухара», основанная другим, не менее известным японским рыбопромышленником Сухара Какубэй, вела добычу рыбы в южной части Охотского моря.
 14. Энкайсю суйсан кумнай тэйкан [Устав Союза рыбодобычи Приморской области]. Архив внешней политики Японии. Ф. 3.5.8. 120. Энкайсю суйсан кумнай сэцурицу канкэй иккэн [Дела, касающиеся создания Союза рыбодобычи Приморской области].
 15. *Мандрик А. Т.* Указ. соч. С. 164.
 16. Приглашение русских в акционеры русско-японского акционерного общества Нитиро гёгё кабусики кайся. 1912 г. Архив внешней политики Японии, Ф. 3.5.8. 97 Кёкуто рорё энкай ни окэру гёгё канкэй дзаккэн [Дела о морском рыболовстве в российских дальневосточных владениях].
 17. Приамурские ведомости. 1914 г. 8 февр.
 18. *Мандрик А. Т.* Указ. соч. С. 165.
 19. Приамурские Ведомости. 1914 г. 8 февр.
 20. Российский консул в Хакодате — Российскому императорскому послу в Токио Н. А. Малевскому-Малевичу, 12 марта 1914 г. РГИА ДВ. Ф. 702, Оп. 7, Д. № 92, Л. 1.
 21. Дзэннэн дзюитигау Урадзю ни кайсай но Рококу гёгёса кайги гидзюитю но санко дзюко [Справочные разделы положений, обсуждавшихся на совещании российских рыболовов во Владивостоке, в ноябре прошлого года]. 9 янв. 1912 г. Приложение // Японские дипломатические документы. ч. 1. Токио, 1963. Т. 45. С. 176.
 22. Российско-Императорское вице-консульство в Хакодате — в первый департамент Министерства иностранных дел. 15 окт. 1911 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 106–108.
 23. Там же. Л. 114–115.
 24. Рыбный промысел в водах Приамурья за 1909 год. (Отчет Приамурского Управления Государственных Имуществ). Хабаровск, 1910. С. 27.
 25. Российско-Императорское вице-консульство в Хакодате — в первый Департамент Министерства иностранных дел, 21 февр. 1912 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 176.

26. Приглашение русских в акционеры русско-японского акционерного общества Нитиро гёгё кабусики кайся. 1912 г. Архив внешней политики Японии, Ф. 3.5.8. 97.
27. Российский консул в Хакодаге — Российскому императорскому послу в Токио Н.А. Малевскому-Малевичу. 12 марта 1914 г. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 7. Д. № 92, Л. 8.
28. Рыбный промысел в водах Приамурья за 1909 год. С. 28.
29. Департамент земледелия — в четвертый политический отдел МИД. 30 июня 1916 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487. Д. № 1305. Прил. Л. 32.
30. Российское императорское вице-консульство в Хакодатэ — Четвертый политический отдел. 28 марта 1915 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1305, Л. 279.
31. Составлено по: Управляющий «Рорё суйсан кумий» Камияма Дзюндзи — Министру иностранных дел Японии Исии Кикудзиро. 18 янв. 1916 г. // Японские дипломатические документы (1916). Т. 1. С. 246; *Мандрик А. Т.* Указ. соч. С. 167., Российское императорское вице-консульство в Хакодатэ — в четвертый политический отдел, 28 марта 1915 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1305, Л. 279.
32. Рапорт ревизора транспорта «Тоболь» Махновеца командиру транспорта «Тоболь». 5 окт. 1915 г. РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 6. Д. № 193, Л. 105.
33. Секретное донсение Гофмейстера Н.А. Малевского-Малевича. Токио, 25 февр. 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 766, Л. 244.
34. Комиссия по рыболовству. 4 марта 1911 г. Доклад по законопроекту о продлении действия закона об охране водных промысловых богатств на Дальнем Востоке. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 297.
35. Копия объяснений, представленных Управляющим государственными имуществами Приамурского края в Департамент Земледелия по возбужденным против него Японским посольством в СПб обвинениям в несоблюдении соглашения между Россией и Японией по делам рыболовства (Далее — «Копия объяснений...»). 2 марта 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 62.
36. *Маринов В. А.* Указ. соч. С. 42.
37. Рыбный промысел в водах Приамурья за 1909 год. С. 17–20.
38. *Маринов В. А.* Указ. соч. С. 42.
39. Liste des bateaux de pêche dont la présence dans les eaux territoriales de la Province Maritime sans certificats consulaires a été constatée par les autorités russes. Tokyo, le 20 Mars / 2 Avril. 1909 // Японские дипломатические документы. ч. 1. Токио, 1961. Т. 42. С. 38.
40. *Кутаков Л. Н.* Указ. соч. С. 301.
41. Например, описанный ниже случай с задержанием шхуны «Миз Мару», инцидент на промысловом участке № 36, столкновение промыслового надзора с японскими браконьерами на о. Медном. По данным вопросам см.: Разбор шифрованной телеграммы, полученной 15 июля 1908 из Санкт-Петербурга. АВП РИ, Ф. «Чиновник по Дипломатической части при Приамурском Генерал-губернаторе». Оп. 579. Д. № 59, Л. 13; Секретная телеграмма П. Ф. Унтербергера. Хабаровск, 30 мая / 13 июня 1910 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1311, Л. 4; Чиновник по Дипломатической части при Приамурском Генерал-губернаторе — Исполняющему обязанности Императорского Японского Генерального консула во Владивостоке. 1 декабря 1912 г. Архив внешней политики Японии, ф. 3.5.8. 63–1. Кита тайхэйё ни окуру кайдзю гёрё ни кансуру кэйсо эндай дзакэн. Рококу тоно канкэй [Дела по спорным вопросам, касающимся добычи рыбы и морепродуктов в северной части Тихого океана. Отношения с Россией].
42. Управляющий компанией «Дай нихон энъё гёгё» [«Океанские промыслы великой Японии»] — Министру иностранных дел Хаяси. 8 июля 1908 г. // Японские дипломатические документы. Т. 41, Ч. 2. Токио, 1961. С. 125; H.I.R.M.S. "Shilka". Captain S. Ivanoff — Captain G. Mano. H.I.J.M.S. "Congo". Petropavlosk, 22nd May / 4th June, 1908 // Японские дипломатические документы. Токио, 1961. Т. 41, ч. 2. С. 130–131.
43. Исключение составляют случаи с задержанием судов «Миз Мару» и «Компира Мару». Копия объяснений... 2 марта 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 62.
44. Морской министр по главному морскому штабу — П.А. Столыпину. 15 февр. 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 766, Л. 216; Морской министр по главному морскому штабу — П.А. Столыпину. 15 февр. 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 766, Л. 216–217.

45. Председатель Совета министров П.А. Столыпин — С.А. Воеводскому, 22 янв. 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 766, Л. 215.
46. Например, за июль и август 1903 г. возле побережья Камчатки судном «Манджур» было задержано за незаконный промысел 11 японских рыболовных судов. См.: Министр иностранных дел Хаяси — Коммерческому агенту во Владивостоке Каваками. 7 июня 1906 г. // Японские дипломатические документы (1916). Токио, 1959. Ч. 2. С. 599.
47. Морской министр по главному морскому штабу — П.А. Столыпину, 15 февр. 1909 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 766, Л. 216–217.
48. Комиссия по рыболовству. 4 марта 1911 г. Доклад по законопроекту о продлении действия закона об охране водных промысловых богатств на Дальнем Востоке. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 297.
49. Архив внешней политики Японии (Токио), ф. 3–1–2–32. Рококу дзэйкан канси кунки о кайдзё дзюни ри какутё инкэн [Дело о расширении двенадцатимильной зоны надзора российской таможни].
50. *Унтербергер П.Ф.* Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 318.
51. Рыбный промысел в водах Приамурья за 1909 год. С. 27.
52. Материалы к познанию русского рыболовства. 1912 г. вып. 4. СПб., 1912. Т. 1. С. 120.
53. Российско-императорское вице-консульство в Хакодатэ — В Первый департамент Министерства иностранных дел, 9 нояб. 1911 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 139–141.
54. Краткая предварительная справка о японском рыболовном сезоне 1912 г. в русских водах. 1 / 14 ноября 1912 г. АВП РИ, Ф. «Тихоокеанский стол», Оп. 487, Д. № 1292, Л. 260–261.
55. Материалы к познанию русского рыболовства. 1912 г. Вып. 4. СПб., 1912. Т. 1. С. 120.
56. Единица измерения — 1 кин (600 г.). Составлено по: *Куртеев К.К.* Русско-японский товарообмен и экономическое сближение // Записки Приам. Отд. Императорского Общества востоковедения. Хабаровск, 1916, С. 192–193.
57. В диаграмме представлены данные по добыче рыбы русскими и японскими рыбаками на Сахалине (1895–1900 г.) и данные по общему объему добытой рыбы (1907–1910 гг.), включая районы внеконвенционной ловли, а также данные по рыбе, скупленной подданными Японии на Амуре. Составлено по: *Мандрик А.Т.*, Указ. соч., С. 35; *Унтербергер П.Ф.* Указ. соч. Прил., С. 34–35.

Теория и методология

Три вида «моделей социального развития» в строительстве социализма в Китае

© 2010

На Ци

Статья посвящена эволюции модели социального развития КНР с 1949 г. до начала XXI в. Выделены три основных этапа этой эволюции. дана развернутая характеристика особенностей нынешнего этапа — «всестороннего построения общества малого благоденствия» (*сяокан*)*.

Ключевые слова: модель, общественное развитие, реформы, социализм, общество, экономика.

С точки зрения моделей социального развития история китайской социалистической модернизации в КНР может быть условно разделена на три исторических периода, или три этапа. Различия этих этапов обусловлены выбором модели социального развития в определенных исторических условиях. Изучение и анализ оснований для выбора модели в каждый из этих трех периодов, а также исторической необходимости эволюционной смены моделей социального развития имеет большое значение для правильного понимания особенностей социальных процессов в современном Китае, для повышения степени осознанности и целенаправленности практической работы по строительству социализма.

Этап первый: «классовая борьба — основное, идейно-политическое строительство — главный ценностный ориентир».

На начальном этапе, после образования КНР в 1949 г., страна столкнулась с крайне сложными и требующими неотложного разрешения вопросами. В рассматриваемый исторический период в мире формировался биполярный порядок, происходило обострение идеологического радикализма, при этом от властей страны требовалось ускорение темпов социалистического строительства. Опираясь на накопленный Коммунистической партией Китая в ходе длительной революционной борьбы военный опыт, когда особое внимание в сложнейшей внутренней и международной обстановке уделялось про-

На Ци, президент Академии общественных наук пров. Юньнань, КНР. E-mail: sldj 2005@163.com.

* Термин *сяокан* в политических текстах, в соответствии с официальными разъяснениями китайской стороны, часто переводят как «средняя зажиточность» или «средний достаток». Однако этимология этого термина, восходящего к конфуцианской классике, и его сопряженность в современных официальных документах с задачами формирования благоприятного морального климата в обществе обуславливают в данном случае выбор другого, традиционного для отечественной синологии варианта перевода — «малое благоденствие». (Решения XVI съезда Компартии Китая: круглый стол в ПДВ // Проблемы Дальнего Востока. 2003. № 1. С. 64-65).

блемам роли и места идейно-политической работы, партия при выборе модели построения социализма центральную роль отдавала идеологии. Было выдвинуто положение о том, что «противостояние пролетариата и буржуазии, противостояние социалистического пути и пути капиталистического — вне всяких сомнений, главная общественная проблема современности»¹. Тем самым усиливалась роль классовой борьбы как основы общественно-экономического развития, возникла формула: «классовая борьба — основное, идейно-политическое строительство — главный ценностный ориентир модели социального развития». Данная модель социального развития продержалась вплоть до 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978 г.).

Исходя из анализа соотношения теории и практического опыта, в атмосфере расширения идеологического плюрализма в мире в КНР идеологию и идейно-политическое строительство стали использовать для обеспечения безопасности нового социалистического государства, а выбор классовой борьбы в качестве выражения силы политической власти и рычага стимулирования влияния масс на общественно-экономическое развитие приобрел практическую целесообразность. На выбор модели социального развития в Китае серьезно повлияла советская когнитивная модель, согласно которой «в социалистическом обществе единство идеологии и политики занимает господствующее место и является мощной движущей силой»². С одной стороны, указанная модель дала Китаю великие успехи в социалистическом строительстве, благодаря которым китайское государство сейчас опирается на материально-техническую базу модернизации, во многом созданную именно в то время, не говоря уже о том, что в ту эпоху были воспитаны выдающиеся руководители и специалисты, достигнуты огромные успехи в сферах экономики, культуры, строительства и т.п.³ С другой стороны, согласно этой модели, идеология и идейно-политическое строительство рассматривались как залог сохранения стабильности и развития социализма в сочетании с экономическим прогрессом, а классовая борьба — как движущая сила общественно-экономического развития. Это шло вразрез с принципами модернизации, вело к бедности и консервации низкого уровня общественно-экономического развития, заостренности мышления, лишало гибкости систему государственно-административного управления. Десять лет социального хаоса периода «культурной революции» стали неизбежным результатом использования данной модели общественного развития и в то же время погребальным колокольным звоном по самой этой модели. С усилением противоречий между общественно-экономическим базисом и надстройкой со стороны общества стали все громче звучать требования перемен, народ настаивал на необходимости уделять первостепенное влияние развитию экономики, что повлекло за собой приход новой эпохи.

Этап второй: «модель социального развития, в которой экономическое строительство является центром, а приоритетом — экономическая эффективность».

«После создания экономической базы социализма в Китае в течение многих лет не создавались благоприятные условия для развития производительных сил. Они развивались медленно, материальные и культурные условия жизни народа не достигали желаемого уровня, государство было не в состоянии преодолеть бедность и отсталость. Такое положение вещей побудило партию в декабре 1978 г., на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва, принять решение о проведении политики реформ и открытости»⁴.

3-й пленум 11-го созыва имеет огромное историческое значение. На нем были утверждены принципы «раскрепощения сознания» и «реалистического подхода к действительности», заложена прочная идейная основа для выполнения сформулированной тогда основной задачи в строительстве социализма в Китае — экономического строительства. Увеличение темпов экономического развития, осуществление «политики реформ и открытости», высвобождение и развитие производительных сил стали лейтмотивом новой эпохи. После смещения акцента на экономическое строительство в результате проведения «политики реформ и открытости» в течение 20 лет потенциал Китая значительно усилился, заметно повысился уровень жизни населения. Этот этап продолжался вплоть до XVI

съезда КПК (2002 г.). Благодаря оживлению экономики граждане Китая получили возможность уделять внимание повышению доходов и материальному благополучию, экономический рост занял приоритетное место. Построение рыночной экономической системы еще более сместило ценностные ориентации общества в сторону экономической эффективности и привело к формированию соответствующих признанных обществом этических норм.

Однако, вследствие несбалансированности социально-экономического развития и многоукладного характера производительных сил неизбежно возникали региональные различия в темпах развития экономики, что побуждало отстающие районы при выборе стратегии усиливать упор «на односторонний рывок в плане экономической эффективности». Помимо этого, односторонний акцент на экономическое развитие привел к складыванию «системы давления» как показателя результативности деятельности правительства и важного фактора, обуславливающего выбор стратегии развития. «Система давления» стала неотъемлемой составляющей институциональной среды в развитии Китая после 1978 г. Эта система представляет собой совокупность механизмов административного регулирования и материального стимулирования, созданных местными правительствами в целях ускорения экономического строительства в своих регионах и выполнения спущенных сверху задач. Поэтому тезис «главная цель — односторонний рывок в плане экономической эффективности» стал основным отличием модели социального развития того периода. Эта модель развития является полной противоположностью модели «классовая борьба — основное, идейно-политическое строительство — главный ценностный ориентир». Она нацелена на приоритетное обеспечение экономического строительства как фундаментальной основы. Считалось, что «отход от экономического строительства как основы повлечет риск потери материальной базы. Все прочие задачи должны были подчиняться этой основе, объединяться вокруг нее, но ни в коем случае не препятствовать и не противостоять ей»⁵.

Реализация стратегии «приоритета экономической эффективности» стимулировала непрерывный рост ВВП, бюджетных поступлений, а также среднего дохода на душу населения. Наиболее передовые и развитые районы играли роль экономически эффективных и влиятельных центров, способствовавших повышению общего уровня экономического развития в стране. Однако политика «использования экономических методов для решения политических и общественных проблем» несет в себе внутренние противоречия⁶. «Односторонний рывок в плане экономической эффективности» по сути представляет собой форму несбалансированной и асимметричной модели развития. В процессе начатого после 3-го пленума ЦК КПК ускорения экономического развития было разрешено основное противоречие предыдущего периода — между потребностью общества в ускоренном развитии экономики и замедленным развитием производительных сил. Но играющие второстепенную роль скрытые противоречия усиливались, что рождало дисбаланс в социальной структуре и социальной дифференциации китайского общества, отражавшийся и на экономике, и на социальной ситуации в целом. Поскольку чрезмерное внимание уделялось эффективности, а морально-этические принципы игнорировались, усиливались бюрократизм, коррупция, происходило разложение общественных нравов, появились иные социальные болезни, обострился дефицит ресурсов и ухудшилась экологическая обстановка. Последнее явление было особенно заметным в западной части страны и в национальных районах. Увеличение общественного неравенства сдерживало развитие экономики и всестороннее общественное развитие, тормозило активность масс, ослабляло социальное новаторство. В общем, после того как была достигнута цель «обеспечения малого благоденствия в основном», все более явно стала прослеживаться историческая ограниченность модели социального развития, ориентированной на принцип «одностороннего рывка в плане экономической эффективности». Дело социалистиче-

ской модернизации требовало создания новой модели социального развития, перехода к новому этапу модернизации.

Этап третий: модель социального развития, в который «человек — основа, согласованное развитие экономики и общества — основной ценностный ориентир».

XVI съезд партии ознаменовал поворот от этапа построения «общества малого благоденствия в основном через односторонний рывок в плане экономической эффективности» к «всестороннему построению общества малого благоденствия через согласованное развитие экономики и общества». Место и роль этих перемен в истории Китая не уступают по значимости самым кардинальным из предшествующих исторических преобразований. Их влияние даже более заметно и всеобъемлюще. В докладе XVI съезду в отношении экономического развития Китая на современном этапе, качества и уровня жизни населения отмечены два момента: 1) достижение «в основном» уровня «малого благоденствия»; 2) низкий уровень развития, отсутствие всесторонности и несбалансированность.

Центральная задача социалистической модернизации в новых условиях состоит в переходе от показателей «одностороннего рывка в плане экономической эффективности» к «всестороннему построению общества малого благоденствия», требующему одновременного согласованного развития и осуществления общих сдвигов в экономике, в политике, в социальной сфере, в состоянии окружающей среды, а также всестороннего развития человека в обеспеченном обществе. По прошествии 20 лет политики реформ и открытости и проведения модернизации общие экономические показатели КНР постоянно растут, после решения проблемы удовлетворения основных нужд общества достигнут уровень «малого благоденствия в основном», общественные потребности стали непрерывно увеличиваться. Люди стали уделять большее внимание повышению качества жизни, повысился спрос на удовлетворение нематериальных потребностей, в обществе неуклонно растет спрос на демократию, возник интерес к демократическим принципам, правовому государству, реформированию политической системы и т.п., постоянно растут запросы общества в области образования и культуры. Непрерывное развитие подразумевает комплексное решение вопросов экономического прогресса и проблем взаимодействия человечества и окружающего мира, возникает потребность поиска компромиссов между развитием производства, обеспеченной жизнью и состоянием окружающей среды, каждодневными устремлениями человечества и гармоничной средой его существования. Эти возрастающие социальные потребности — основа для осуществления нового цикла экономических и общественных преобразований. Поэтому в докладе XVI съезду партии была выдвинута четкая цель «всестороннего построения общества малого благоденствия и поставлены задачи углубления развития экономики, укрепления демократии, достижения научно-технического прогресса, расцвета в области культуры, обеспеченности жизни народа. Эти задачи можно выразить в краткой формулировке: «всестороннее построение многоцелевой системы сильного социалистического государства, которому присущи политическая стабильность, экономическое процветание, общественная справедливость, благополучие народа». На этой основе на XVI съезде КПК была выдвинута новая концепция развития — «пять планов, пять доктрин», что подразумевает единое планирование: 1) экономики и общества, 2) регионов, 3) городов и деревень, 4) взаимодействия человека с природой, 5) ситуации внутри и за пределами Китая в целях всестороннего, согласованного и устойчивого развития китайского общества.

Очевидно, что в сегодняшнем Китае модель социального развития, а также представления о развитии претерпели серьезные изменения. На смену стратегии «одностороннего рывка в плане экономической эффективности» пришла стратегия «согласованного развития экономики и общества». Интересы народа, развитие человека становятся главной темой современности, идея «человек — основа» постепенно стала ценностным ориентиром общественного прогресса и развития, поставлена цель «всестороннего построения общества малого благоденствия». Построение такого общества стало от-

правной точкой и основной опорой общественного развития. Это стратегия всестороннего социального прогресса, ставящая в центр всего заботу о человеке, согласованность развития экономики и общества.

Сегодня дело построения социализма в Китае пребывает в процессе перехода от модели «приоритета экономической эффективности» к модели «согласованного развития экономики и общества». Важнейшее практическое и глубокое историческое значение этого перехода будут проявляться с каждым днем, с углублением его воздействия на социальную практику. Глубокое осознание исторической неизбежности этого преобразования и точное понимание новой социальной модели развития и научного взгляда на развитие имеют огромное значение для всестороннего построения общества «малого благоденствия», открытия новых перспектив в деле социалистического строительства.

© 2010

Перевод с китайского
Хэ Минцзюня

1. *Мао Цзэдун*. Сюаньцзи [Избр. произв.]. Пекин, 1977. Т. 5. С. 475.
2. *Лосньтаэр Юцзинь*. Цзяньмин чжэсюэ цыдянь [Краткий философский словарь]. Пекин, 1973. С. 46.
3. Гуаньюй цзяньго илай дандэ жогань лиши вэньтидэ цзюэи [Решение по некоторым вопросам истории партии со времени образования КНР]. Б.м., б.г. С. 22.
4. *Дэн Сяопин*. Вэньсюань [Избр. Труды] Пекин, 1993. Т. 3. С. 134.
5. Там же. 1983. Т. 2. С. 196.
6. Там же.

Научная жизнь

Многополярная Восточная Азия: тенденция или уже реальность?

9–10 сентября 2010 г. во Владивостоке состоялась 6-я конференция Международного общества изучения Восточной Азии. Начиная с 2000 года, организаторами подобных конференций выступают Институт азиатских исследований Осацкого университета экономики и права и Центр восточноазиатских исследований Пекинского университета. В этом году в число организаторов вошли также Дальневосточный государственный университет, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока и Институт географии Дальневосточного отделения РАН.

Осацкий университет экономики и права, основанный в 1971 г., поддерживает связи в рамках образовательных и академических программ с рядом университетов и институтов в России, Китае, Республике Корея, Монголии и других странах. Институт азиатских исследований начал свою деятельность в составе этого университета в 1987 г. Научные интересы Института связаны с экономикой, политикой, правом, социологией, историей и культурой стран Восточной Азии. Раз в два года под эгидой Института и Центра восточноазиатских исследований Пекинского университета проводятся научные конференции для обсуждения проблем развития Восточной Азии в условиях глобализации и регионализации.

На конференции 2010 г. с докладами в рамках общей темы «Восточная Азия в многополярном мире» выступило около двадцати участников из России, Японии, Китая, Республики Корея, США и Австралии. Доклады и дискуссии продемонстрировали, что многополярность сегодня формируется не только на глобальном уровне, но и в качестве одной из определяющих характеристик Восточной Азии.

Представленные на конференции доклады тематически делились на три основных блока: геополитика и вопросы стратегической безопасности в Восточной Азии; источники и механизмы регионального экономического развития; культурное и образовательное взаимодействие в условиях формирования многополярного мира.

Академик Петр Бакланов, директор Института географии ДВО РАН, выступил с докладом о геополитической ситуации на евразийском пространстве. По его убеждению, на современную геополитику Евразии, особенно в восточной ее части, оказывают значительное воздействие трансграничные географические комплексы, такие как бассейны рек Амур и Меконг, озеро Ханка, Берингово и другие моря. Межграничный характер подобных геосистем, пересечение в них геополитических интересов различных стран требует международного сотрудничества для рационального и взаимовыгодного использования природных ресурсов этих районов. По мнению академика Бакланова, реализация

совместных международных программ сегодня особенно актуальна для амурского бассейна, Охотского и Японского морей.

Профессор Университета имени Сунь Ятсена (Гуанчжоу) Ван Сюедун (Wang Xuedung) констатировал постепенный закат американского однополярного доминирования в АТР. Он подверг сомнению точку зрения сторонников «теории гегемонической стабильности», согласно которой только государство-гегемон в состоянии обеспечить стабильность международной системы и благоприятные условия для сотрудничества. По мнению Ван Сюедуна, в АТР формируется многополярность, более эффективная для продвижения взаимовыгодного сотрудничества. Эта многополярность будет характеризоваться отсутствием четкого деления на союзников и противников, а также наличием «многосторонней взаимности» между крупнейшими региональными державами, в рамках которой возможен выигрыш для всех участников. Поскольку не будет явного гегемона, то исчезнет и противодействие со стороны более слабых игроков, каковыми, по сравнению с США, раньше являлись Китай и Россия. В многополярном и сбалансированном азиатско-тихоокеанском порядке каждое государство или группа государств сможет играть роль лидера, если будет способно убедить других, что сотрудничество в той или иной области отвечает интересам всех.

Профессор Школы международных исследований Пекинского университета Гуй Юнтао (Gui Yongtao) подробно проанализировал позиции США, Китая, Японии, Южной Кореи и России по проблемам Корейского полуострова. По его словам, в Китае все больше спорят о том, какую политику Пекин должен проводить в отношении КНДР, не желающей расставаться с ядерным оружием и упорствующей в своем отказе от экономических реформ. Должен ли он сохранять традиционные тесные связи с Пхеньяном для балансирования американского влияния в регионе, либо более тесно сотрудничать с Вашингтоном в оказании нажима на северокорейский режим?

По мнению докладчика, в обозримом будущем Китаю придется смириться с невозможностью положительного решения ядерной проблемы Северной Кореи, поскольку у Пекина нет достаточных рычагов для оказания давления на Пхеньян. Но посредством поставок продовольствия и энергии КНР может попытаться смягчить позиции северокорейского режима. С геополитической точки зрения, объединение Кореи может быть невыгодно Китаю, особенно с учетом американского военного присутствия на полуострове. Поэтому КНР настаивает на том, что в случае коллапса КНДР любое международное вмешательство, будь то южнокорейская оккупация или действия американских военных по взятию под контроль северокорейских ядерных объектов, должно быть предпринято исключительно под эгидой ООН. КНР будет трудно смириться с ситуацией, если США и Республика Корея установят над КНДР политический и военный контроль, отводя Китаю лишь роль поставщика гуманитарной помощи. Гуй Юнтао обратил внимание на то, что, хотя в соответствии с договором от 1961 г. КНР и КНДР являются союзниками и китайское правительство обязано оказать помощь в случае нападения на Северную Корею, далеко не все в Китае считают этот договор действующим. Так, китайские официальные лица уже неоднократно называли китайско-северокорейские связи «нормальными», а не «союзническими», порождая тем самым неопределенность относительно того, готов ли будет Пекин оказать Пхеньяну военную поддержку.

По мнению Гуй Юнтао, необходимо активизировать диалог и сотрудничество как на двустороннем, так и на многостороннем уровне. Проведение, как предлагают некоторые, консультаций в составе только пяти государств, без Северной Кореи, нецелесообразно, поскольку приведет к еще большему отчуждению Пхеньяна. Поэтому оптимальным механизмом остаются именно Шестисторонние переговоры.

Научный сотрудник Института международных отношений Государственного университета политики (National Chengchi University) на Тайване Лю Фуго (Fu-Kuo Liu) проанализировал структурные изменения, которые происходят в американо-китайских

отношениях в течение последних двух лет. Глобальное финансовое цунами привело к сдвигу в расстановке сил между ними: влияние Китая возросло, в то время как первенство США пошатнулось. Это создает весьма сложную ситуацию в двусторонних связях.

По его мнению, первый год президентства Барака Обамы породил надежды на качественное улучшение отношений между Вашингтоном и Пекином и формирование стратегического доверия и партнерства. Однако уже с конца 2009 г., начиная с саммита в Копенгагене по проблемам окружающей среды, отношения стали ухудшаться. Гнев Пекина вызвали такие шаги Вашингтона, как прием в Белом доме далай-ламы, продажа крупной партии оружия Тайваню, проведение масштабных военных учений в прилегающих к КНР морях, а также демонстративное вмешательство США в территориальные споры о принадлежности островов в Южно-Китайском море.

Лю Фуго полагает, что администрация Обамы активизировала отношения с Вьетнамом, Индонезией, Южной Кореей в значительной степени ради создания противовеса Китаю в регионе. В целом США дали понять, что готовы жестко отстаивать свои стратегические позиции в Восточной Азии, пусть даже ценой роста напряженности в отношениях с КНР. В то же время Китай, благодаря росту своей экономической и военной мощи, не желает на этот раз уступать давлению Соединенных Штатов. Китай, полагает Лю, добивается признания своего возросшего статуса на международной арене и не хочет больше мириться с военным присутствием США непосредственно у своих берегов. Впрочем, по прогнозу тайваньского исследователя, Вашингтон и Пекин, скорее всего, смогут наладить диалог и смягчить разногласия, поскольку оба заинтересованы в двустороннем сотрудничестве.

Доклад профессора Юл Соны (Yul Sohn) из Университета Йонсей (Республика Корея) был посвящен тенденциям развития регионализма в Восточной Азии. Региональное экономическое сотрудничество во всё большей степени характеризуется асимметричной взаимозависимостью, когда в отношениях двух торгующих стран одна из них в гораздо большей степени зависит от своего партнера и, следовательно, более уязвима в случае давления с его стороны. Именно такая ситуация складывается в экономическом взаимодействии Японии и Республики Кореи с КНР. Для обеих стран Китай выступает крупнейшим торговым контрагентом. Глобальный кризис усилил эту тенденцию. На долю Китая приходится 20% японского экспорта и импорта, в то время как лишь 13% китайской торговли «завязано» на Японию. Доля Китая во внешней торговле Республики Корея составляет 20,5%, тогда как для Китая аналогичный показатель составляет только 7%.

Как считает Юл Сон, будущее регионализма в АТР будет определяться конкуренцией между разными сетевыми платформами интеграции. Сейчас лидирующие позиции занимает сеть регионального экономического взаимодействия, контролируемая Китаем и опирающаяся на группу «АСЕАН + 3». Доступ в нее открыт только для стран Восточной Азии. Китаецентричной версии регионализма противостоит продвигаемая США неолиберальная версия регионального сотрудничества, базирующаяся на недавно созданном «Транстихоокеанском партнерстве» (Trans-Pacific Partnership) и в будущем, возможно, на АТЭС. Выигрыш в этом состязании сетей будет зависеть от их способности привлекать новых участников и устанавливать горизонтальные связи с другими интеграционными группировками.

О концепциях многополярного мира, выдвигаемых Россией и Китаем, говорил заместитель директора Института Дальнего Востока РАН Владимир Портяков. Из пяти предложенных профессором Портяковым вариантов развития ситуации близким к оптимальному, по его мнению, является «естественная многополярная структура».

О перспективах ядерной энергетики как возможной сферы сотрудничества стран Восточной Азии рассказал профессор Виктор Горчаков, председатель Законодательного собрания Приморского края. Он отметил, что мир переживает ренессанс ядерной энергетики и это особенно заметно в Японии, КНР, Республике Корея, Индии и других азиатских

странах. По словам В. Горчакова, у человечества нет альтернативы ядерной энергетике. В этой ситуации, считает он, у стран АТР возникает уникальный шанс использовать ядерную энергетiku как сферу кооперации, что, в свою очередь, позволит региону показать, как можно рационально строить национальное и мировое развитие в новом столетии.

Позиции России в Восточной Азии напрямую зависят от состояния дел на ее тихоокеанских территориях. Об этом в своем выступлении говорил генеральный директор «Дальневосточного центра экономического развития», профессор ДВГУ Александр Абрамов. В основу реализуемой сегодня государственной стратегии развития дальневосточного региона положены следующие принципы: максимальная ресурсоэффективность; учет интересов Российской Федерации; локализация цепочек добавленной стоимости; глобальная конкуренция; использование транзитных возможностей территории. Опорные зоны развития дальневосточного и прибайкальского регионов, которым уделяется приоритетное внимание, формируют четыре пояса:

- пояс индустриального и постиндустриального развития, опирающийся на транспортную ось Транссибирской магистрали;
- пояс активного освоения, опирающийся на транспортные оси Байкало-Амурской (включая о. Сахалин) и Амуро-Якутской магистралей, сеть автомобильных дорог и зону морского побережья;
- пояс перспективного освоения, опирающийся на транспортную структуру будущих железных и автомобильных дорог и морских коммуникаций;
- пояс дикой природы, формирующей среду сохранения естественного пространства.

В рамках стратегии выполняется свыше 500 проектов различного уровня и назначения, среди которых: объекты саммита АТЭС-2012 во Владивостоке: Дальневосточный федеральный университет на острове Русском; космодром «Восточный» в Амурской области; нефтепровод ВСТО; реализация проектов на сахалинском шельфе; модернизация БАМа и др.

Директор Центра исследований Восточной Азии и ШОС МГИМО(У) Александр Лукин проанализировал особенности эволюции внешней политики России в Восточной Азии, а также дал характеристику отношений России с КНДР на примере нескольких вариантов решения ядерного кризиса на Корейском полуострове.

Немало внимания в ходе конференции было уделено гуманитарной проблематике. Определения и взаимосвязь понятий человеческой безопасности, региональной интеграции и международной миграции были даны в выступлении профессора Цунео Акаха (Tsuneo Akaha) из Монтерейского института международных исследований (США). В регионе возрастает международная миграция рабочей силы, например, в странах Восточной Азии трудятся около миллиона филиппинцев и около полумиллиона вьетнамцев. В этих условиях усиливаются угрозы человеческой безопасности, которые проявляются в различных формах — от невыносимых условий труда, низкой зарплаты до отсутствия страховки и медицинской помощи у иностранных рабочих. При этом Международная конвенция по защите прав рабочих мигрантов и членов их семей, которая действует с июля 2003 г., ратифицирована из стран региона только Филиппинами и Восточным Тимором. В регионе имеется множество препятствий, мешающих сотрудничеству по этим вопросам. Речь идет о разном подходе развитых и развивающихся стран к проблемам человеческой безопасности. Зачастую экономические интересы преобладают в соблюдении прав человека. Объем проблем, связанных с международной миграцией, ложится непосильным грузом на возможности государственного регулирования, в особенности в развивающихся странах. Кроме того, интересы стран региона не всегда совпадают, а процесс гармонизации подходов каждой из стран является трудным и требует много времени.

По мнению профессора Акахи, решение проблем международной миграции рабочей силы, беженцев и незаконного перемещения людей в Восточной Азии требует тес-

ного сотрудничества правительств, частного сектора, неправительственных организаций и групп, а также международных организаций. К сожалению, в Восточной Азии процесс принятия и реализации международных норм развивается слишком медленно. Необходимо приложить значительные усилия для адекватного решения вопросов человеческой безопасности.

Увеличению миграционных потоков способствуют и проекты интернационализации образования. О вызовах, с которыми предстоит столкнуться японскому обществу на пути осуществления идеи открытости страны, рассказала профессор Марико Ёшикава (Mariko Yoshikawa) из Осацкого университета экономики и права. В последние два года японское правительство предприняло ряд шагов на пути к большей открытости страны внешнему миру. В частности, в 2008 г. был принят план по привлечению в ведущие японские вузы трехсот тысяч иностранных студентов. Реализация этой программы рассчитана до 2020 г.

Профессор Ёшикава проанализировала проблемы, связанные с осуществлением проекта. Во-первых, количество зарубежных преподавателей и ученых в 2008 г. не превышало 3,5 процентов от общего числа преподавателей. Эту долю необходимо увеличить. Во-вторых, следует найти баланс количества лекций на английском и японском языках, которые будут читаться для иностранных студентов. В-третьих, следует улучшить процедуру приема в университеты, которые входят в проект. А эти университеты числятся среди самых престижных учебных заведений в Японии.

Одним из вариантов достижения интернационализации образования может стать увеличение числа японских студентов, которые будут получать образование за рубежом. Пока же здесь наблюдается обратная тенденция: число японских студентов, получивших образование в иностранных вузах с 1997 г. до 2010 г., сократилось на 40%. В заключение докладчик позитивно оценила перспективы осуществления программы и подчеркнула, что ее главной целью является достижение открытости Японии. А на этом пути потребуются предпринять совместные усилия по преодолению традиционных консервативных взглядов японцев на присутствие иностранцев в их стране.

Профессор Юрико Мото (Yuriko Moto) из Осацкого колледжа Йогакуин рассказала о практике соблюдения прав этнических групп в сложившейся в Японии системе образования. На фоне растущей в последние годы миграции из Китая, Кореи, Бразилии, Филиппин и Перу необходимо создавать адекватные условия для обучения детей иностранцев в японских школах. Образовательная система в стране до сих пор зиждется на принципах дискриминации по этническому признаку. В этих условиях важно проводить такую миграционную политику, которая определяла бы положение иностранцев в соответствии с нормами международного права. По мнению Юрико Мото, гармоничное и уважительное сосуществование этнического и культурного разнообразия может быть благом для всех проживающих в Японии людей.

В докладе доцента ДВГУ Артёма Лукина говорилось о влиянии демографических процессов на безопасность в Северо-Восточной Азии. Этот регион примечателен тем, что все его государства (кроме Монголии) уже имеют низкую или сверхнизкую рождаемость и сталкиваются с проблемой старения. В целом эти тенденции будут иметь стабилизирующий эффект, уменьшая риск межгосударственных конфликтов и войн в СВА. Так, Япония уже сейчас сталкивается с серьезными финансовыми проблемами вследствие сокращения населения и роста доли пожилых, что существенно ограничивает ее возможности по наращиванию военно-стратегического потенциала и фактически снимает с повестки дня вопрос о возможной ремилитаризации страны. Примерно с 2020 г. значительные демографические трудности начнет испытывать и Китай, что ослабит его наступательную геополитическую мощь. Старение изменит внешнеполитическую ментальность государств СВА. «Пожилые» страны, очевидно, будут выказывать меньше агрессивности и напористости и проявлять больше миролюбия и стремления к компромис-

сам. Они во все большей степени будут поглощены своими внутренними социально-экономическими проблемами, а приоритетность внешней политики для них относительно снизится. По мнению А. Лукина, в определенном смысле можно говорить о формировании в США предпосылок для «демографического мира».

Дебаты в ходе конференции были не менее интересными, чем сами доклады. В пылу дискуссии порой звучали довольно спорные утверждения. Так, один из китайских участников заявил, что в США «все решают великие державы», а Корея, будучи небольшим государством, «не играет никакой роли». Такая оценка вызвала возражения со стороны других представителей китайской делегации, еще раз продемонстрировав, что внутри экспертного сообщества КНР существует весьма широкий спектр мнений по геополитическим проблемам.

Довольно часто человеческое начало в научной литературе и дискуссиях заслоняется рассуждениями на темы безопасности, геополитики, глобализации и экономики. На конференции во Владивостоке удалось достичь определенного баланса между государственно-центристским и антропологическим подходами к международным отношениям в Восточной Азии. Состоялся интересный разговор о различных социальных системах и политических режимах, культурах и моделях поведения. И тема следующей конференции, которая состоится в КНР в 2012 г., возможно, будет сформулирована с учетом растущей вовлеченности человека в международную жизнь.

© 2010

А. Лукин,

кандидат политических наук, доцент Владивостокского института международных отношений Дальневосточного федерального университета.

Т. Троякова,

кандидат исторических наук, заведующая кафедрой международных отношений Владивостокского института международных отношений Дальневосточного федерального университета.

Книги Института Дальнего Востока РАН

Духовная культура Китая: энциклопедия. В 6 т. М.: Вост. лит., 2006–2010.

«Мост для культурного общения и дружбы между Китаем и Россией». Так характеризует газета «Чжунго шэньхуэй кэсюэбао» это издание, осуществленное по инициативе и под руководством председателя Общества российско-китайской дружбы, директора Института Дальнего Востока РАН академика М.Л. Титаренко при участии ведущих ученых России и Китая. Его также с полным правом можно назвать «стратегическим прорывом в исследовании духовной культуры Китая» (Мы и мир. 2008. № 12).

Каждый том состоит из трех разделов: общего, справочного и словарного. Общий раздел содержит теоретические статьи и исторические очерки, отражающие магистральные темы затрагиваемой области. Словарный — представляет основные понятия, термины, категории, школы и направления, конкретизирующие содержание общего раздела, основные произведения и персоналии. Справочный раздел каждого тома включает указатели, библиографию, карты разных эпох и хронологические таблицы, а также список авторов тома с указанием написанных ими статей. Издание снабжено значительным количеством иллюстраций, подобранных в библиотеках Китая, России и Европы.

Т. 1. «Философия» (2006) посвящен истории китайской философии с древнейших времен до наших дней, ее главным темам и проблемам.

Т. 2. «Мифология, религия» (2007) характеризует единый духовный комплекс философско-теологической мысли и религиозно-мифологического сознания Китая.

Т. 3. «Литература. Язык и письменность» (2008) знакомит с развитием устного и письменного китайского языка, с богатейшим наследием китайской литературы.

Т. 4. «Историческая мысль. Политическая и правовая культура» (2009) освещает развитие исторического сознания китайцев с глубокой древности до наших дней.

Т. 5. «Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование» подводит к пониманию науки как области, комплексно охватывающей гуманитарные и естественные сферы.

Т. 6. «Искусство» (2010) посвящен художественному творчеству китайского народа и содержит уникальные материалы по зодчеству, изобразительному и прикладному искусству, ремеслам Китая. Впервые во взаимосвязи раскрываются история и специфика китайской музыки, театра и кино. По-новому преподнесены так называемые «процессуальные искусства» — боевые, культура чая, кулинарное и застольное.

Также изданы в 2010 году:

Актуальные проблемы современной Японии, 2008–2009. Вып. 24. М.: ИДВ РАН, 2010.

АСЕАН в начале XXI века: Актуальные проблемы и перспективы. М.: ИД ФОРУМ, 2010.

Асмолов К.В. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. М.: ИДВ РАН, 2010.

Баженова Е.С. 1 300 000 000. Население Китая: стратегия развития и демографической политики. М.: ИД ФОРУМ, 2010.

Бондаренко А.В. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века. М.: ИДВ РАН, 2010.

Боревская Н.Е., Торонцев С.А. Китайская культура во времени и пространстве. М.: ИД ФОРУМ, 2010.

Васильев Л.Е. Проблемы безопасности в Восточной Евразии. Борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. М.: ИДВ РАН, 2010.

Влияние мирового финансового кризиса на экономику Китая. М.: ИДВ РАН, 2010.

Галенович Ю.М. Китайская мозаика. М.: ИДВ РАН, 2010.

Китай в мировой и региональной политике: История и современность / отв. ред.-сост. Е.И. Сафронова. М.: ИДВ РАН, 2010. Вып. 15.

Китай в начале XXI века. М.: ИД ФОРУМ, 2010.

Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблемы обороны и безопасности. М.: ИДВ РАН, 2010.

Корейский полуостров: время новых вызовов. Докл., представленные на XIII науч. конф. корееведов России и стран СНГ. М.: ИДВ РАН, 2010.

Помилев И.Е. Чжу Дэ. Политическая биография. М.: ИД ФОРУМ, 2010.

Торонцев С.А. Жизнописание Ли Бо, поэта и Небожителя. М.: ИДВ РАН, 2010.

Троселовне (Сань цзы-цзин) / Пер. с кит., послесл. и предисл. Ю.М.Галеновича. М.: ИДВ РАН, 2010.

Экономическая стратегия КНР в XXI веке и вопросы сотрудничества с Россией. М.: ИДВ РАН, 2010.

Япония наших дней. 2009. № 2,

Япония наших дней. 2010. № 1(3).

Япония наших дней. 2010. № 2(4).

Рецензии

Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 3. Советско-китайские отношения (сентябрь 1931 — сентябрь 1937 гг.) / Отв. ред. С.Л.

Тихвинский; сост.: **А.М. Ледовский**, Р.А. Мировицкая, В.С. Мясников. М.: Памятники исторической мысли, 2010.

Вопросы истории двусторонних отношений между двумя великими государствами — Россией и Китаем всегда были и будут предметом пристального внимания не только политиков, дипломатов и ученых-историков, но и широкой мировой общественности. Учитывая большой интерес в мире к познанию всех аспектов подлинной истории российско-китайских отношений в XX в., научные сотрудники Института Дальнего Востока РАН подготовили, а издательство «Памятники исторической мысли» опубликовало серию фундаментальных сборников документов и материалов на эту тему. Так, в 2000 г. был издан в двух книгах том 4, повествующий о советско-китайских отношениях в 1937–1945 гг., а спустя пять лет, в 2005 г. вышел в свет пятый том (также в двух книгах) с материалами и документами периода 1946–1950 гг. Рецензии на эти издания были опубликованы в журнале «Проблемы Дальнего Востока» № 1 за 2001 г. и № 4 за 2006 г.

Очередной, вышедший в 2010 г. третий том посвящен советско-китайским отношениям в 1931–1937 гг., т.е. в период японской агрессии против Китая, поставившей под вопрос судьбу всей многострадальной страны. В этот том вошли 418 документов 11 приложений общим объемом 860 страниц, в которых рассматриваются события и широкий круг проблем, решавшихся СССР и Китайской Республикой в сложных условиях не прекращавшихся военных действий в Китае.

В третий том включены документы, хранящиеся в трех главных архивах России: Архив внешней политики РФ, Архив Президента РФ и Российский государственный архив социально-политической истории. Значительная часть весьма интересных материалов публикуется впервые, что, несомненно, привлекает внимание отечественных и зарубежных исследователей истории и просто читателей. Разуме-

ется, особый интерес вызывают документы из фондов политбюро ЦК ВКП(б), И.В. Сталина, министров иностранных дел М.М. Литвинова, В.М. Молотова и их заместителей Л.М. Караяна и Б.С. Стомонякова. Наряду с официальными документами, характеризующими дипломатические отношения между СССР и Китайской Республикой (договоры, соглашения, декларации, подписанные в 1931–1937 гг.) в сборник включены и малоизвестные, не появлявшиеся ранее в открытой печати материалы. В частности, сюда включены записи бесед советских руководителей и дипломатов с китайскими представителями, должностными лицами и членами делегаций, приезжавшими в СССР. Особый интерес вызывает переписка И.В. Сталина и других советских руководителей с губернатором (дубанем) провинции Синьцзян Шэн Шичаем в 1934–1936 гг., а также переговоры полпреда СССР Д.В. Богомолова с Чан Кайши и его представителями в 1935–1937 гг. по поводу советской военной помощи Китаю. Подробную информацию о состоянии и развитии двусторонних отношений в 1931–1937 гг., об усилиях Москвы примирить враждующие стороны — Компартию Китая и Гоминьдан с целью создания единого антияпонского фронта читатель может получить также из опубликованных в томе многочисленных документов: отчетов полпреда СССР в Китае в НКВД и руководству страны, записей бесед полпреда и военного атташе с китайскими официальными лицами и представителями других государств, служебной переписки по вопросам межгосударственных отношений (согласование договорных актов о ненападении, торговле, авиа-, железнодорожном и паромном сообщениях, культурных связях и др.).

Архивные документы и материалы, опубликованные в рецензируемом томе, дают наглядное представление о состоянии и разви-

тии советско-китайских отношений в годы резкого обострения международной обстановки на Дальнем Востоке в результате вторжения в сентябре 1931 г. японских войск в Северо-Восточный Китай (Маньчжурию), послужившего своего рода прологом к началу Второй мировой войны. Китайская Республика, возглавляемая гоминьдановским правительством во главе с Чан Кайши, к тому времени была слишком слаба, чтобы противостоять японским агрессорам. Основные военные силы ГМД были направлены на борьбу с вооруженными соединениями КПК. Шла затяжная гражданская война, в стране многие годы сохранялась напряженность и политическая нестабильность.

Западные державы с самого начала заняли выжидательную позицию, уговаривая нанкинское правительство не объявлять войну Японии и не идти на разрыв с нею дипломатических отношений. Немаловажную роль сыграл и тот факт, что из-за многочисленных конфликтов на совместно управляемой Китайской восточной железной дороге (КВЖД) с попытками ее захвата и нападений китайской полиции с обысками на советские консульства СССР был вынужден в 1929 г. прервать дипломатические и другие отношения с Китаем. Это в определенной степени облегчило решение японской военщины вторгнуться в Китай, не опасаясь каких-либо прямых ответных действий со стороны Советского Союза.

Лига Наций, к которой настойчиво обращалось за помощью нанкинское правительство, поручила авторитетной международной комиссии во главе с лордом В. Литтоном расследовать события, связанные с японским вторжением в Северо-Восточный Китай. Осенью 1932 г. комиссия завершила свою работу, по результатам которой Лига Наций признала Японию агрессором, потребовала вывода ее войск из Северо-Восточного Китая и призвала все страны юридически и фактически не признавать сформированное Японией в Китае марионеточное государство Маньчжоу-го. Однако в действительности никакие экономические и тем более военные санкции против японской агрессии Лигой Наций не предусматривались. Япония не только проигнорировала резолюцию Лиги, но даже вышла в марте 1938 г. из состава этой международной организации и, продолжая вторжение в Северо-Восточной Китай, присоединила к марионеточному государству Маньчжоу-го еще одну китайскую провинцию — Жэхэ.

В этих условиях СССР предпринимал все возможные меры для оказания поддержки Китаю. В частности, Москва приняла сделанное

в июне 1932 г. предложение китайского правительства о восстановлении в полном объеме дипломатических и консульских отношений между двумя странами. В 1933 г. были открыты Советское полпредство в Пекине, Генеральное консульство в Шанхае и Тяньцзине. СССР развивал широкие торгово-экономические и другие связи с приграничными регионами Китая — Синьцзяном, Внешней Монголией, Маньчжурией. Москва снабжала оружием и боеприпасами китайские силы сопротивления, в частности войска генерала Чжан Сюэяна. Была оказана поддержка и генералу Су Бинвэню, отступившему под натиском японских вооруженных сил на территорию СССР. Позднее в результате сложных дипломатических переговоров состоялось возвращение этой армии в Китай. Требования японцев о выдаче им генерала Су Бинвэня не были выполнены. Процесс решения этой конфликтной ситуации с Японией подробно документирован в рецензируемом сборнике.

В марте 1932 г. было объявлено о создании на Северо-Востоке Китая «независимого государства Маньчжоу-го», которое по сути стало марионеткой в руках Японии. Все важные вопросы внутренней и внешней политики Маньчжоу-го решались в Токио. Ведущим направлением японской политики было вытеснение СССР из этого региона и, прежде всего, с КВЖД, которая по советско-китайским соглашениям 1924 г. находилась в совместном управлении Китая и СССР. В ходе японской оккупации Маньчжурии работа железной дороги постоянно нарушалась бесконечными инцидентами, и управление ею фактически стало невозможным. Чтобы избежать прямых вооруженных конфликтов с Японией, советское правительство было вынуждено в 1933 г. принять решение о продаже КВЖД японо-маньчжурской стороне по мизерной цене в 140 млн японских иен. Подписанное в 1935 г. без согласования с нанкинским правительством соглашение о продаже КВЖД было продиктовано необходимостью ослабить нараставшую напряженность на Дальнем Востоке и снять реальную угрозу нападения Японии на Советский Союз, что и было достигнуто в конечном итоге. Спустя 10 лет после разгрома в 1945 г. советскими войсками японских армий в Маньчжурии КВЖД была восстановлена и передана в полное владение Китаю без какого-либо выкупа.

Введенный в научный оборот огромный пласт архивных документов свидетельствует о необычайно широком круге сложнейших вопросов международной политики, которые приходилось решать советской дипломатии с

целью оказания всемерной поддержки Китаю в борьбе против японской агрессии, не вступая в открытую войну с Японией, на что, однако, правительство Чан Кайши питало определенные надежды. СССР согласился на оказание военно-технической помощи Китаю, рассчитывая при этом на создание единого антияпонского фронта Гоминдана и Компартии и на достижение внутриполитического единства в этой стране перед угрозой ее полной оккупации Японией. Однако в Китае продолжалась междоусобная борьба за власть, которая значительно ослабляла силы сопротивления японской агрессии, что наглядно показали Сяньские события в декабре 1936 г., связанные с арестом Чан Кайши. Попытка командования Северо-западной армии во главе с генералом Чжан Сюэляном (совместно с представителями КПК) арестовать Чан Кайши была осуждена и расценена И.В. Сталиным как «самая большая услуга, которую можно было оказать Японии». Критическая оценка Москвой этого события помогла смягчить ситуацию, хотя правительство Чан Кайши все же возложило на советскую сторону и КПК прямую ответственность за происшедшее в Сяни.

В сложной и напряженной обстановке 1930-х гг. СССР и КР искали возможные пути развития двусторонних межгосударственных отношений. СССР выражал готовность вести переговоры по широкому кругу вопросов, в том числе о заключении между двумя странами торгового договора, соглашения о воздушном и морском сообщении, о развитии культурных связей и т.п.

Китайская сторона, исходя из своих интересов, предлагала подписать пакт о взаимопомощи, что неизбежно привело бы к вступлению СССР в войну с Японией, на которую в то время советское государство пойти не могло, да и не хотело, опасаясь возможных военных действий на два фронта — на Западе и на Востоке страны. Советский Союз предложил Китаю заключить пакт о ненападении, чтобы исключить возможность использования поставляемого в КР советского оружия в борьбе капиталистических стран с «коммунистической угрозой», исходящей из СССР. После длительных переговоров такой договор был подписан в августе 1937 г. (в 1932 г. подобное предложение о заключении пакта о ненападении было сделано Советским Союзом Японии, но последняя отказалась его заключить, оставляя тем самым в силе возможность развязывания войны против СССР).

Большой массив архивных документов, включенных в третий том, касается проблем, ко-

торые приходилось решать советской стороне в оказании поддержки и помощи Китаю в связи с японской агрессией и угрозами раскола страны, отделения ее окраин за пределами Великой стены. О своей позиции в отношении возможного самоопределения граничащих с СССР Синьцзяна, Маньчжурии и Внешней Монголии в ходе японской оккупации Китая Москва постоянно информировала нанкинское правительство. Советские руководители и дипломаты неоднократно заявляли, что СССР не намерен поддерживать сепаратистские движения в Синьцзяне, но будет проводить твердую линию на сохранение суверенитета Китая. Вместе с тем, СССР активно развивал торговлю и налаживал другие связи с Синьцзяном, а также оказывал ему значительную финансовую и военно-техническую помощь. Не поощряя в целом сепаратистских настроений в Китае, руководство СССР — И.В. Сталин, В.М. Молотов и К.Е. Ворошилов — не раз заявляло в переписке с губернатором (дубанем) Синьцзяна Шэн Шицаем о заинтересованности СССР в сохранении территориальной целостности Китая.

По другому, более сложному пути шло решение монгольской проблемы в советско-китайских отношениях. Как известно, после распада в XIV в. империи Чингисхана Цинская империя постепенно распространила свое влияние и к XVII в. установила господство над Внутренней, а затем и Внешней Монголией. В 1911 г. в результате Синьхайской революции в Китае была свергнута цинская династия и провозглашено создание Китайской Республики. Внешняя Монголия, являясь в то время феодально-теократическим образованием, была объявлена в 1915 г. автономной территорией в составе Китайской Республики.

В 1918–1921 гг. Япония пыталась подчинить Внешнюю Монголию, используя китайских милитаристов и отряды белогвардейского генерала Унгерн фон Штернберга, установившего свою власть в Монголии и неоднократно вторгавшегося на территорию России. Наносив ответные удары, советские войска освободили Монголию от иностранных захватчиков.

С 1920-х гг. во Внешней Монголии при поддержке СССР шел процесс создания суверенного государства. Созданная в 1921 г. под руководством Сухэ-Батора Монгольская народно-революционная партия, возглавив народную революцию, провозгласила в 1924 г. Монгольскую Народную Республику. Однако в то время СССР вел трудные переговоры с Китаем о налаживании межгосударственных отношений и не хотел усложнять их спорами о внутренних событиях в

Монголии. В советско-китайском сообщении от 31 мая 1924 г. отмечалось, что Внешняя Монголия по-прежнему является составной частью Китайской Республики, а правительство СССР уважает суверенитет Китая.

После захвата Японией Маньчжурии и КВЖД возникла реальная угроза японской интервенции в Монголию с перспективой создания еще одного марионеточного государства. В этой напряженной международной обстановке советское руководство приняло в 1936 г. решение подписать советско-монгольский Протокол о взаимной помощи, который, однако, китайская сторона отказывалась признавать. Дальнейшие события показали правильность принятого СССР решения. Когда в мае 1939 г. Япония начала прямые военные действия против Монголии, советская армия, пришедшая на помощь монгольскому народу, разгромила вторгшиеся в районе реки Халхин-Гол японские войска, отбросив их за пределы Монголии, что отвечало и интересам Китая.

Вопрос о статусе Монголии и окончательном решении «монгольской проблемы» в отношениях между СССР и КР обсуждался в Москве в ходе советско-китайских переговоров в июне—августе 1945 г. Вступление СССР в войну на Тихом океане и разгром японских армий в Маньчжурии предопределили дальнейшую судьбу Внешней Монголии. В 1946 г. в Монгольской Народной Республике после успешного проведения референдума о независимости, она была признана правительством Чан Кайши в качестве суверенного государства.

Политика СССР была постоянно направлена на создание в Китае единого фронта борьбы с японскими агрессорами. Разъясняя позицию НКВД СССР и руководства страны, заместитель министра иностранных дел СССР Б.С. Стомоняков в письме советскому полпреду от 28 декабря 1935 г. указывал, что «без реализации единого военного фронта войск Чан Кайши с частями китайской Красной армии невозможна серьезная борьба против японской агрессии».

Линия после вторжения в июле 1937 г. японских войск в Северный Китай в районе Дунчуньши близ Пекина Коминданом РКК в сентябре тому же году объявила о создании единого антияпонского фронта. СССР немедленно пропагандировал эти события, предложил японскому правительству значительно увеличить поставки шипетского оружия в кредит (в том числе 200 самолетов и 200 танков). В то время, когда европейские страны и США осуждали на словах агрессивные действия Японии, не предпринимали никаких практических мер в защиту Китая, Советский Союз был единственным государством, оказавшим конкретную военно-техническую помощь попавшему в беду соседу. К 1939 г. 80% военно-технической помощи КР поступала СССР, 20% — европейские страны и США.

Большое позитивное воздействие на советско-китайские межгосударственные отношения этот период оказало в сферах культурных и общественных связей. В 1930-е гг. значительно возрос интерес китайской общественности к советской литературе и искусству. Многие произведения советских писателей переводились на китайский язык и пользовались большой популярностью в стране. В СССР также велась пропаганда китайской литературы. В качестве гостей ВОКС в Москву приезжали известные деятели культуры Китая: художник живописец Сюй Бэйхун, оперный певец Мэй Ланьфан и др. В 1935 г. в Китае было создано КСКО — Китайско-советское культурное общество, председателем которого был избран Сунь Фо (сын Сунь Ятсена). Установление широких дружественных контактов между общественностью СССР и Китая способствовало развитию межгосударственных отношений. Выход в свет подготовленного учеными-китаеведами ИДВ очередного сборника материалов и документов о советско-китайских отношениях в 1931–1937 гг. явился большим вкладом в историческую науку и будет способствовать еще большему взаимопониманию народов России и Китая.

Ю.С. Песков,
старший научный сотрудник ИДВ РАН

Юбилей ученого

Базарову Борису Вандановичу — 50 лет



Борис Ванданович Базаров родился 10 октября 1960 г. в селе Курумкан Курумканского района Бурятской АССР в семье служащего. Его трудовая деятельность на первом этапе была связана с работой в комсомоле и преподаванием в Восточно-Сибирском государственном институте культуры.

Путь Бориса Вандановича в науку начался с работы в исторической лаборатории двух известных сибирских ученых, профессоров Б.Б. Батуева и Н.Н. Щербакова, под руководством которых Борис Ванданович защитил соответственно кандидатскую (1986 г.) и докторскую (1995 г.) диссертации по проблемам культуры Восточной Сибири в послевоенные годы, общественно-политической жизни и развития литературы и искусства Бурятии. По архивным материалам автором были исследованы неизвестные страницы из истории Бурятии, освещена реальная биография и

творческая деятельность таких выдающихся представителей бурятской интеллигенции, как А. Доржиев, Э. Ринчино, Ц. Дондубон, Солбонэ Туя, М. Шулушкин, У. Гармаева и др. Большую значимость имеют исследования Б.В. Базарова об истории панмонголизма и судьбах интеллигенции, обобщенные в его монографии «Ждановский дискурс в национальных регионах России послевоенных лет». Материалы и выводы научных исследований Б.В. Базарова нашли также свое отражение в учебниках по истории Бурятии.

В 1995 г. Б.В. Базаровон был избран заведующим отделом истории Бурятского института общественных наук Сибирского отделения РАН, переименованного позже в Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. В 1997 г. назначен его директором. В 2007 г. был избран председателем Президиума Бурятского научного центра СО РАН.

Приоритетными направлениями научных изысканий Б.В. Базарова в период его работы в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии становятся геополитика и международные отношения, социальное и межкультурное взаимодействие народов Центральной Азии. Значительное внимание автор уделил таким взаимосвязанным и исключительно актуальным на сегодняшний день проблемам, как «Россия и монгольский

мир в геополитическом пространстве Восточной Азии» и «Внутренняя Азия в геополитическом взаимодействии регионов России и Китая». Все это с расширением и углублением проблематики нашло отражение в ряде научных статей и монографий юбиляра, посвященных кочевым цивилизациям Центральной Азии и монгольско-российским отношениям на современном этапе. В 2008 г. Б.В. Базаров стал руководителем крупнейшего проекта: «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946) (Сборник документов)», а также одним из руководителей проекта «Халхин гол: 1939». Результатом его научной деятельности на сегодняшний день являются 16 монографий и свыше 150 научных статей.

Особо следует отметить деятельность Б.В. Базарова на посту директора Института монголоведения, буддологии и тибетологии. За короткий срок ему удалось значительно расширить основные направления и географию институтских исследований, установить творческие контакты с научными учреждениями Монголии, Китая, Индии и рядом новых востоковедных центров России, увеличить число экспедиционных работ. Об этом свидетельствуют совместная с учеными Монголии и Китая экспедиция в Центральную Азию, совместная с индийскими учеными экспедиция в Северную Индию, совместные с китайскими учеными экспедиции в районы Тибета.

В знак признания заслуг Института, подтвердившего статус одного из крупнейших востоковедных центров Российской Федерации на востоке страны, его директор Б.В. Базаров в 2009 г. был избран Президентом общества востоковедов Российской Академии наук.

Научную и организационную деятельность В.Б. Базаров успешно сочетает с педагогической. Среди его учеников 6 докторов и 28 кандидатов наук. Доброжелательность В.Б. Базарова по отношению к сотрудникам и искренняя заинтересованность в их работе обеспечили в коллективе Института дружественную атмосферу и творческую обстановку.

В.Б. Базаров удостоен почетного звания «Заслуженный деятель науки Республики Бурятия», является лауреатом Государственной премии республики в области науки и техники 2002 г., награжден Орденом Дружбы, удостоен золотой медали Монгольской академии наук, медали в честь 800-летия Монгольского государства.

Российские востоковеды, сотрудники ИДВ РАН, редколлегия и редакция журнала «Проблемы Дальнего Востока» сердечно поздравляют Бориса Вандановича с юбилеем и желают ему творческих успехов, здоровья, счастья и благополучия.

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2010 год

От главного редактора..... № 1

ДОКУМЕНТЫ

- Декларация десятого заседания Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества..... № 4
- Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о всестороннем углублении российско-китайских отношений партнерства и стратегического взаимодействия..... № 6
- Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Председателя Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао в связи с 65-летием окончания Второй мировой войны..... № 6

ДЕСЯТАЯ ТРЕХСТОРОННЯЯ КОНФЕРЕНЦИЯ УЧЕНЫХ РОССИИ, ИНДИИ И КИТАЯ

- С. Лавров.* Организаторам и участникам 10-й международной конференции «Россия—Китай—Индия: проблемы и перспективы трехстороннего сотрудничества в решении проблем безопасности и соразвития в Азии»..... № 6
- Послание министра иностранных дел Индии С.М. Кришны участникам 10-й трехсторонней научной конференции «Индия—Россия—Китай»..... № 6
- Приветствие министра иностранных дел КНР Ян Цзечи в связи с проведением 10-й конференции диалога ученых Китая, России и Индии..... № 6
- М. Титаренко.* Международное значение и дальнейшие задачи трехстороннего сотрудничества России, Индии и Китая..... № 6
- С. Уянаев.* Академический форум «Россия—Индия—Китай»: «научное плечо» трехстороннего взаимодействия..... № 6

ПОЛИТИКА

- А. Басов.* Китай как новая космическая держава..... № 3
- Я. Бергер.* Эволюция геополитических взглядов в Китае..... № 4
- А. Воронин, Е. Кобелев.* Яркая история дружбы и партнерства. К 60-летию установления отношений между СССР/Россией и Вьетнамом..... № 1
- А. Воронцов, П. Агальцов.* Возможна ли многосторонняя структура безопасности в Восточной Азии..... № 4
- В. Гринюк.* Политические проблемы храма Ясукуни..... № 4
- П. Каменнов.* Военная дипломатия КНР на современном этапе..... № 1
- В. Кистанов.* Япония на рубеже десятилетий: власть сменилась — проблемы остаются..... № 6
- С. Лузянин.* Китай и «ближнее окружение»: региональные и двусторонние аспекты отношений..... № 3
- Д. Майборода.* Саммиты КНР—ЕС..... № 3
- В.Портяков.* Китай и Россия в Шанхайской организации сотрудничества..... № 6
- А. Семин.* Восточноазиатское сообщество: что мешает воплотить идею..... № 6

<i>М. Титаренко.</i> О роли и значении отношений между РФ и КНР в контексте основных особенностей современной международной обстановки	№ 1
<i>Г. Толорая.</i> Очередной цикл Корейского кризиса (2008–2010). Российские интересы и перспективы выхода из корейского тупика	№ 5
<i>С. Ушаев.</i> Завершение третьего раунда научного диалога «Россия—Индия—Китай»	№ 2

ЭКОНОМИКА

<i>М. Александрова.</i> Закрытие «Большого рынка» или Уход от «серых таможенных схем»	№ 4
<i>А. Белова.</i> Фондовый рынок КНР на современном этапе: система регулирования	№ 6
<i>Л. Захарова.</i> Межкорейские экономические отношения при президенте Ли Мён Баке	№ 2
<i>Д. Захарова.</i> Становление межкорейских экономических отношений в конце XX века	№ 5
<i>В. Кулешов, Н. Атанов, Л. Безруков, А. Коржубаев, В. Малов, Б. Санеев, Н. Сысоева.</i> О некоторых аспектах совершенствования российско-китайского межрегионального сотрудничества	№ 6
<i>С. Леонов, Е. Домнич.</i> Инновационная политика Китая: роль прямых и косвенных экономических стимулов	№ 6
<i>Ли Син, Айк Мартиросян, Чжао Чжэнь.</i> Значимость центральной части Евразии для энергетической безопасности Китая	№ 2
<i>А. Мазырин.</i> Новые тенденции и актуальные проблемы экономических отношений между Россией и Вьетнамом	№ 4
<i>Э. Махмудов, Чнь Юнган.</i> Узбекистан и КНР: сотрудничество в развитии информационно-коммуникационных технологий	№ 6
<i>И. Панкина.</i> Политика приоритета армии в КНДР: экономический аспект	№ 1
<i>М. Панченко.</i> Экономические основы стратегического партнерства России, Индии и Китая	№ 5
<i>М. Потапов.</i> 20 лет АТЭС: промежуточные итоги на фоне мирового кризиса (послесловие к саммиту в Сингапуре)	№ 2
<i>С. Сазонов.</i> Реформа транспортной системы КНР и мировой финансово-экономический кризис	№№ 1, 2
<i>А. Симоня.</i> Приватизация по-бирмански	№ 3
<i>И. Троекурова, К. Пелевина.</i> Перспективы Китая на рынке энергоресурсов	№ 5
<i>Д. Файзуллаев.</i> Битва за Монголию: оправдывает ли цель средства?	№ 3
<i>Б. Хейфец, Д. Селихов.</i> Китай: инновационное развитие в условиях экономического кризиса	№ 1

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

<i>А. Бардаль.</i> Транспортные связи Дальнего Востока РФ с Китаем: текущее состояние и перспективные проекты	№ 5
<i>Т. Кучинская.</i> Региональный брендинг как инструмент позиционирования имиджа Забайкальского края в системе межрегиональных связей РФ и КНР	№ 6
<i>Л. Пожратова.</i> Трансграничные обмены и взаимодействие приграничных регионов России и Китая	№ 6
<i>Г. Романова.</i> Дальний Восток России — Северо-Восточный Китай: торговые связи, транзит, транспортные коммуникации (20–30-е гг. XX в.)	№ 5
<i>А. Тарасов.</i> Китайский труд в Забайкалье	№ 4

- А. Фролов.* Сотрудничество России и стран АТР в утилизации атомных подводных лодок, выведенных из боевого состава российского ВМФ № 2

ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ

- Е. Бирюлин.* Экологические проблемы Шанхая № 3
А. Коржубаев. О стратегии взаимодействия России со странами АТР в нефтегазовой сфере № 2
Е. Кранина. Роль аквакультуры в обеспечении продовольственной безопасности Китая № 2

ГОСУДАРСТВО И ОБЩЕСТВО

- А. Афонасьева.* Привлечение квалифицированных кадров из числа зарубежных китайцев для работы в КНР № 5
А. Габуев. Китайские националисты: штрихи к интеллектуальному портрету Ван Сяодуна № 3
В. Ганишин. Роль Интернета в процессе формирования гражданского общества в КНР № 4
В. Ганишин. Социальный аспект нетрадиционных вызовов Китаю № 6
О. Максимова. Институт Председателя Китайской Народной Республики в политико-правовом развитии страны № 3
Чжао Мэн. Политическая наука и реформа политической системы КНР № 3

ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

- На Ци.* Три вида «моделей социального развития» в строительстве социализма в Китае № 6
В. Портяков. Видение многополярности в России и Китае и международные вызовы № 4
В. Постников. Тихий океан как «Средиземное море будущего»: история идеи (середина XIX—начало XX в.) № 4
Чжан Жуйчжуан, А. Королев. Теория международных отношений с китайской спецификой: современное состояние и тенденции развития № 3

К 65-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1941–1945 гг.

- В. Антонов.* Вспоминая о Великой Победе № 3

К 65-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

- В. Гайкин.* Японские и корейские колонисты в Маньчжоу-го (1931–1945 гг.) № 5
В. Кузьминков. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией с позиций сегодняшнего дня № 5
Р. Мировицкая. Советско-китайское взаимодействие накануне и на первом этапе Второй мировой войны (1937–1941 гг.) № 5

ИСТОРИЯ

- К. Асмолов.* Об «ответственности внешних сил» за начало Корейской войны № 3
Ю. Георгиев. Как И.В. Сталин изучал Японию № 2
А. Картунова. Политический образ Сунь Ятсена в переписке И.В. Сталина и Г.В. Чичерина с Л.М. Караханом (1923—март 1925 гг.) № 1
С. Куртинец. Японские разведывательные органы в Северной Маньчжурии в 20-е годы XX века № 4
Ю. Песков. К 60-летию Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между СССР и КНР от 14 февраля 1950 г. № 1

<i>Ю. Пестушко.</i> «...Вести дела в согласии с законом»: к истории рыболовства в системе русско-японских отношений (1907–1914 гг.)	№ 6
<i>Н. Тен.</i> Освещение российской истории в современном Китае (на материалах учебников истории для средней школы и популярной литературы о России).....	№ 4
<i>И. Усов.</i> Движение за созыв Индокитайского конгресса в 1936 г.	№ 3
<i>А. Хисамутдинов.</i> К истории русской диаспоры в Японии	№ 2
<i>Хуан Лифу.</i> Сотрудничество общественных организаций Китая и России и его роль во взаимоотношениях двух стран в XX веке	№ 6
<i>А. Юркевич.</i> Китайская армия в бирманских компаниях Второй мировой (1942–1945 гг.)	№ 3

ДОКУМЕНТЫ, АРХИВЫ

<i>К. Фендлер.</i> О японском плане похищения корейского императора Коджона во время русско-японской войны 1901–1905 гг. российская дипломатия спасла Коджона.....	№ 4
--	-----

РЕЛИГИЯ

<i>М. Волков.</i> Из истории деятельности Русской православной церкви на российском Дальнем Востоке и в Маньчжурии (XIX—начало XX вв.).....	№ 2
---	-----

КУЛЬТУРА

<i>Гао Ман.</i> Вспоминая Алексея Петровича Рогачева. К 110-летию со дня рождения	№ 2
<i>М. Захарова.</i> Храмовые ярмарки в современном Китае	№ 1
<i>А. Ипатова.</i> Российская эмиграция в Шанхае: русские музыканты и русская музыка (1920–1930-е гг.).....	№ 5
<i>В. Кузнецов.</i> Китай глазами русских писателей XIX—начала XX века.....	№ 5
<i>В. Морозова.</i> РФ и КНР: межкультурное взаимодействие в контексте трансформации региональной культуры (на примере Забайкальского края)	№ 2
<i>Э. Осипова.</i> Театры Дальнего Востока России и стран Северо-Восточной Азии: опыт творческих контактов	№ 2

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Г. Белоглазов.</i> «Россия и Китай в начале XXI века» — научный семинар во Владивостоке	№ 2
<i>А. Воронин, А. Федорин.</i> О научно-практической конференции «Актуальные проблемы российского вьетнамоведения»	№ 5
<i>Т. Герасимова.</i> Научная конференция Центра политических исследований Китая ИДВ РАН.....	№ 4
<i>С. Горбунова.</i> XVIII Международная научная конференция «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы»	№ 1
<i>С. Горбунова, В. Портяков.</i> XVIII конференция Европейской ассоциации китаеведения	№ 5
<i>В. Грайворонский, С. Лузянин.</i> Война на Халхин-Голе: место в мировой истории.....	№ 1
<i>Т. Гурулева, А. Макаров.</i> Становление и развитие нового лингвистического направления в контексте российско-китайского межцивилизационного взаимодействия	№ 5
<i>О. Казаков.</i> О международной научной конференции «Япония в АТР»	№ 2
Книги Института Дальнего Востока РАН	№ 6

<i>Г. Локиин.</i> Международная конференция в Ханое: станет ли Южно-Китайское море зоной региональной безопасности и развития?.....	№ 2
<i>А. Ломанов.</i> «Две тыквы на одном стебле»: проблемы современного китаеведения на конференции в Пекине	№ 2
<i>А. Ломанов.</i> Торжественное собрание Института Дальнего Востока РАН и Общества российско-китайской дружбы	№ 4
<i>А. Лукин, Т. Троякова.</i> Многополярная Восточная Азия: тенденция или уже реальность?	№ 6
<i>В. Портяков.</i> Конференция в Новой Зеландии по проблемам зарубежных китайцев.....	№ 1
<i>С. Савинский.</i> Экономика КНР в условиях мирового кризиса. Научная конференция в ИДВ РАН.....	№ 4
<i>А. Семин.</i> Китайско-японские отношения и политика Китая в отношении Японии в грядущем десятилетии.....	№ 4
<i>А. Сергеева.</i> О Седьмой международной конференции Общества по изучению зарубежных китайцев	№ 5
<i>Чжан Дэгуан.</i> Исторический опыт заслуживает пристального внимания.....	№ 1
<i>В. Чуванкова.</i> Защита диссертаций в ИДВ РАН в 2008–2009 гг.....	№ 2

РЕЦЕНЗИИ

<i>В. Бузов.</i> История Монголии. XX век.....	№ 1
<i>В. Бузов.</i> Кудашев Р.Ш. Моя жизнь в Китае.....	№ 4
<i>В. Бузов.</i> Энциклопедия духовной культуры Китая. Т. 3. Литература, язык и письменность.....	№ 2
<i>А. Давыдов.</i> Усов В.Н. Дэн Сяопин и его время	№ 3
<i>В. Дацзышен.</i> Ларин А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность	№ 4
<i>Л. Забровская.</i> Ткаченко В.И. Курильская проблема: история, право, политика и экономика	№ 5
<i>Н. Захарова.</i> Собрание китайских ксилографических новогодних картин. Альбом картин «няньхуа», хранящихся в России.....	№ 5
<i>А. Ломанов.</i> Эго цзунцзяо ши [История религий в России].....	№ 1
<i>В. Матвеев.</i> Лузянин С.Г. Россия и Китай в Евразии. Международно-региональные измерения российско-китайского партнерства	№ 2
<i>Ю. Песков.</i> Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 3. Советско-китайские отношения (сентябрь 1931—сентябрь 1937 гг.)	№ 6
<i>В. Портяков.</i> Дипломатия глобальных изменений климата и политика Китая	№ 5
<i>В. Самойлов.</i> Духовная культура Китая: энциклопедия. Т. 4. Историческая мысль. Политическая и правовая культура.....	№ 3
<i>А. Сенаторов.</i> Сиобара Тосихико. Действительность и вымыслы о России — «военной державе».....	№ 4
<i>О. Тимофеев.</i> Сила и ограничения: общий взгляд США и КНР на взаимоотношения между ними	№ 1

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

Андрею Владимировичу Островскому — 60 лет	№ 1
Базарову Борису Вандановичу — 50 лет.....	№ 6
К юбилею Нины Ефимовны Боревской.....	№ 3
Сергею Аркадьевичу Торопцеву — 70 лет.....	№ 3

Содержание журнала «Проблемы Дальнего Востока» за 2010 год.....	№ 6
---	-----

Contents

DOCUMENTS

Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Overall Deepening of Russian-Chinese Relations of Partnership and Strategic Cooperation

Joint Statement by Russian President Dmitry Medvedev and Chinese President Hu Jintao in Connection with the 65th Anniversary of the End of World War II

THE 10TH TRIPARTITE CONFERENCE OF SCIENTISTS FROM RUSSIA, INDIA AND CHINA

S. Lavrov. To Organizers and Participants of 10th International Conference "Russia-China-India: Problems and Prospects of Trilateral Cooperation in Addressing Issues of Security and Co-Development in Asia"

S.M. Krishna. Message from the Minister of External Affairs of India to the Participants of 10th Tripartite Conference of Scientists from India, Russia and China

Yang Jiechi. Greeting Message from Minister for Foreign Affairs of the PRC in Connection with the 10th Conference Dialogue of Scholars from China, Russia and India

M. Titarenko. International Importance and the Farther Tasks of Trilateral Cooperation between Russia, India and China.

S. Uyanaev. Academic Forum "Russia—India—China": "Scientific Shoulder of Trilateral Cooperation"

POLITICS

V. Kistanov. Japan at the Turn of the Decades: the Power Shifted — Problems Remain

A. Semine. East Asian Community: What Prevents to Embody the Idea

V. Portyakov. China and Russia in the Shanghai Cooperation Organization

ECONOMY

V. Kuleshov, N. Atanov, L. Bezrukov, A. Korzhubaev, V. Malov, B. Saneev, N. Sysoeva. Some Aspects of the Improving Russian-Chinese Inter-Regional Cooperation

A. Belova. China's Stock Market at the Present Stage: the System of Regulation

S. Leonov, E. Domnich. Innovation Policy of China: the Role of Direct and Indirect Economic Incentives

E. Makhmudov, Chen Yongang. Uzbekistan and China: Cooperation in the Development of Information and Communication Technologies

RUSSIAN FAR EAST

L. Ponkratova. Cross-border Exchanges and Cooperation of Border Regions of Russia and China

T. Kuchinskaya. Regional Branding as a Tool for Positioning the Image of Trans-Baikal Region in the System of Interregional Relations of Russia and China

STATE AND SOCIETY

V. Ganshin. The Social Aspect of Non-Traditional Challenges to China

HISTORY

Huang Lifu. Cooperation of Public Organizations of China and Russia and Its Role in the Relations between the Two Countries in the 20th Century

Yu. Pestushko. "...Conduct Business in Accordance with the Law": the History of Fishing in the Russian-Japanese Relations (1907–1914)

THEORY AND METHODOLOGY

Na Qi. Three Types of "Models of Social Development" in Socialist Construction in China

SCIENTIFIC EVENTS

A. Loukine, T. Troyakova. Multipolar East Asia: Trend or a Reality?

Books Published by the Institute of Far Eastern Studies

BOOK REVIEW

Yu. Peskov. Russian-Chinese Relations in the XX Century. Vol. III. Sino-Soviet Relations (September 1931 — September 1937)

SCHOLAR JUBILEE

Boris Vandanovich Bazarov — 50 years

Far Eastern Affairs Contents for 2010

Contents

Summary

Summary

M. Titarenko. International Importance and the Further Tasks of Trilateral Cooperation Between Russia, India and China

The article based on the report, submitted by the author at the 10th conference of political scientists from Russia, India and China, held in Moscow on 20–21 September, 2010, analyzes the current international situation already reaching or simmering with serious changes, largely due to strengthening the trend for polycentrism on the world level. The article also shows the viability of the RIC format and the high potential for cooperation between the three countries in resolving the key issues of security, and sustainable economic growth in Asia and Asia-Pacific.

Key words: Russia, India, China, cooperation, current international situation, polycentrism.

S. Uyanayev. Academic Forum “Russia—India—China”: “Scientific Shoulder” of Trilateral Cooperation. By the 10th Tripartite Conference (Moscow, 20–21 September, 2010)

The paper presents brief history, role and importance of academic forums on international affairs of Russian, Indian and Chinese scholars, which annually meet to discuss the interaction between the three countries in the international arena in various spheres.

The article analyzes in detail the results of the 10th scientific conference of the RIC in Moscow, which opened the fourth round of such meetings. The author summarizes main proposals and scientific conclusions, aimed at further development of trilateral cooperation.

Keywords: Russia, India, China, conference, interaction, RIC, format, dialogue.

V. Kistanov. Japan at the Turn of the Decades: the Power shifted — Problems Remain

After almost unchallenged for more than half a century ruling of Liberal-Democratic Party, to power in Japan in September 2009 came the Democratic Party. The Japanese society had high hopes for the DPJ in terms of updating the country, but over a year since the triumphant victory of Democrats showed that they are unable to resolve a number of pressing socio-economic problems and in foreign policy make one big mistake after another. With increasing frustration and dissatisfaction of the electorate at the activities of the DPJ its prospects are becoming dim.

Key words: Liberal Democratic Party of Japan, Democratic Party of Japan, a new growth strategy, Japan-US Security Treaty, territorial conflict, the Chinese threat, Russian-Japanese relations.

A. Semine. East Asian Community: What Prevents to Embody the Idea

The article examines the situation around the establishment of such regional structure as East Asian Community (EAC). Since its inception the idea of EAC got support of a number of Asian countries but its implementation was delayed. In an effort to discover the causes of this the author pays particular attention to the discrepancy between the approaches of Japan and China as the leading regional powers as well as the role of the United States that are not interested in creating a structure in which their participation is not envisaged.

Key words: Japan, China, USA, East Asian Community, ASEAN.

V. Portyakov. China and Russia in the Shanghai Cooperation Organization

The basic features of the approaches of China and Russia to the Shanghai Cooperation Organization (SCO) have been described. The article analyzed the significance of the SCO for China. The possible scenarios for further institutional evolution of the SCO are also presented.

Key words: The Shanghai Cooperation Organization, China, Russia, Central Asia, trade.

V. Kuleshov, N. Atanov, L. Bezrukov, A. Korzhubaev, V. Malov, B. Sancev, N. Sysoeva. Some Aspects of the Improving Russian-Chinese Inter-Regional Cooperation

This material contains an analysis by a group of authors of the Program of cooperation between regions of the Far East and Eastern Siberia (Russian Federation) and the Northeast China for the period 2009–2018, approved by President Dmitry Medvedev and President Hu Jintao on September 23, 2009. Evaluating the individual positions of the Program, which provides more than 200 economic project for bilateral cooperation, the authors urge to improve its socio-economic efficiency for the population of the eastern regions of Russia.

Key words: raw materials exports from Russia, attraction of Chinese investments, the balance of interests of Russia and China, the demographic potential of the bordering regions, "strategy of eight roads".

A. Belova. China's Stock Market at the Present Stage: the System of Regulation

The article contains a description of the regulatory system of the stock market in China. It analyses the main legal documents that form the legal basis for the securities market, describes bodies involved in regulating the market and the stock market of China during the crisis.

Key words: China, securities market, stock exchanges, market regulation, legislative system.

S. Leonov, E. Domnich. Innovation Policy of China: the Role of Direct and Indirect Economic Incentives

The article considers the extent and mechanism of interaction between direct and indirect economic practices of innovation policy in the reforming China. It is shown that China as a country with "catching up" model of scientific and technological development is characterized by reliance on indirect (tax) incentives, that are actively used in the programs of industrialization. At the same time, the government research programs, defining scientific and technological potential of the country, are based on direct government funding. The challenges to China's innovation policy for the period up to 2020 have also been formulated.

Key words: China, state innovation policy, modernization of science and technology.

E. Makhmudov, Chen Yongang. Uzbekistan and China: Cooperation in the Development of Information and Communication Technologies

The article reviews current trends in trade, economic and investment relations between Uzbekistan and China. It examines the role of information and communication technologies in the global economy, experience in the development of high-tech sectors in China, the cooperation between Uzbekistan and China in this field.

Key words: Uzbekistan, China, trade and economic relations, Chinese direct investments, information and communication technologies.

L. Ponkratova. Cross-border Exchanges and Cooperation of Border Regions of Russia and China

The article shows the role of cross-border exchanges between Russia and China in the Far East. Empirical research in this area allowed to analyze the dynamics of migration processes, to reveal their response to the adopted intergovernmental agreements and amendments to the leg-

islation of both States. The research identified six stages of cross-border migration, revealing their features, specified the tendencies of migration processes between the two countries.

Key words: integration processes in the Far East, "shuttles", cross-border migration of the population, Chinese labor migration.

T. Kuchinskaya. Regional Branding as a Tool for Positioning the Image of Trans-Baikal Region in the System of Interregional Relations of Russia and China

The author justifies the need and work directions to elaborate a positive image of the Trans-Baikal region. The basic theoretical findings, related concepts and definitions are analyzed.

Key words: regional brand, regional image, international image of Trans-Baikal region.

V. Ganshin. The Social Aspect of Non-Traditional Challenges to China

The article deals with the problem of non-traditional security in today's China. The author examines existing conceptions and definitions relating to non-traditional security threats, provides an overview of studies of Chinese specialists on the subject. He also considers the activities of governmental, nongovernmental and public organizations in combating this threat.

Key words: non-traditional threats, social stability, protest movements, civil groups.

Huang Lifu. Cooperation of Public Organizations of China and Russia and Its Role in the Relations between the Two Countries in the 20th Century

The author made an attempt to trace the interaction of Chinese and Russian public organizations throughout the 20th century. She identifies three distinct stages of cooperation: the beginning of the century before the formation of the PRC; 1950–1970; the period of reform and opening up in China. The author examines the role of friendship societies, business associations, affinity groups and émigré organizations in the cultural mutual learning between Russia and China, the development of their bilateral relations.

Key words: China, Russia, people's organizations, friendship society, émigré organizations, affinity groups, models of cooperation.

Yu. Pestushko. "...Conduct Business in Accordance with the Law": the History of Fishing in the Russian-Japanese Relations (1907–1914)

The article considers complex issues, affecting the organization and management of fishing by Russian and Japanese in the Far Eastern waters of the Russian Empire after the Russian-Japanese war (1905). The paper is based on the Russian and Japanese historical documents and other sources. The author shows the role of the Japan fishing associations in the coordination of Russian and Japanese industry interests. The article also examines the cooperation arrangements between Russian and Japanese fishermen, the reasons for the failure of such cooperation, the role of the Russian fishery surveillance in the protection of economic interests of the State.

Key words: conventional waters, fisheries convention, fishing industry, navigation certificate, supervision, Siberian Flotilla, seafood.

Na Qi. Three Types of "Models of Social Development" in Socialist Construction in China

This article deals with the evolution of model of social development in China from 1949 to the beginning of the 21st century. The author defines three main stages in this evolution and gives the detailed characteristics of the current phase named "the comprehensive construction of a society of small prosperity (xiaokang)".

Key words: model, social development, reforms, socialism, society, economy.

Уважаемые авторы журнала "Проблемы Дальнего Востока"!

Доводим до Вашего сведения, что в соответствии с требованиями Академиздатцентра "Наука" РАН с января 2006 г. Вы должны присылать в редакцию вместе с текстом статьи заполненный бланк договора. Бланк договора Вы можете найти на сайте нашего журнала www.ifes-ras.ru или на сайте Академиздатцентра "Наука" www.naukaran.ru.

Обращаем Ваше внимание на то, что договор вступает в силу только после принятия редколлегией журнала решения о публикации статьи.

Для оформления авторского гонорара необходимо представить в редакцию следующие сведения:

- дата рождения (число, месяц, год);
- домашний адрес с индексом;
- паспортные данные;
- номер страхового свидетельства Пенсионного фонда РФ;
- номер лицевого счета и реквизиты банка.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

Интересующие вас вопросы вы можете задать зав. редакцией журнала Елене Александровне Лапшиной по телефону 8 (499) 124-02-15.

Мнение автора не обязательно совпадает с точкой зрения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Перепечатка материалов без согласия редакции не разрешается.

При использовании их в любой форме, в том числе в электронных СМИ, ссылка на журнал "Проблемы Дальнего Востока" обязательна.

Сдано в набор 20.10.2010 г. Подписано к печати 22.11.2010 г. Формат бумаги 70x100 1/6
Цифровая печать. Усл. печ. л. 15,6. Усл. кр.-отт. 9,9 тыс. Уч.-изд. л. 14,6 Бум. л. 6,0
Тираж 632 экз. Зак. 808

Издатель: Российская академия наук. Издательство "Наука",
117997, Москва, Профсоюзная, 90

Адрес редакции: 117997, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел. 8 (499) 124-09-02; E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Оригинал-макет © 2010 г. Дмитрий Славинский

Отпечатано в ППП, "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

Требования к материалам, предоставляемым авторами в редакцию

Редакция и редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» принимают к публикации рукописи статей, отражающих научную разработку различных аспектов современного положения и тенденций развития стран и регионов российского и зарубежного Дальнего Востока, процессов в АТР, многосторонних и двусторонних отношений стран региона. Журнал помещает также статьи и документальные публикации, посвященные проблемам прошлого стран Дальнего Востока, которые важны для понимания современности. Приветствуется также направление в журнал рецензий на новейшие издания по соответствующей тематике.

- Объем публикации, как правило, не должен превышать 1 а.л. (40 000 знаков).
- Статья должна сопровождаться аннотацией с кратким изложением ее основных положений (около 600 знаков) и перечнем ключевых слов, отражающих ее содержание, на русском и английском языках.
- К статьям, присылаемым в редакцию, должны быть приложены сведения об авторах (ФИО, место работы, должность, ученая степень и звание, контактный телефон, e-mail). Все текстовые материалы представляются в электронном виде на дискете 3,5" с распечатками через 2 интервала.
- Графические файлы предоставляются отдельно в файлах формата TIFF с разрешением не менее 300 dpi
- Китайские имена и названия приводятся в русской транскрипции, основанной на системе Pinyin
- Все сноски и библиографические ссылки приводятся в конце статьи. Описания китайских, японских и вьетнамских изданий приводятся в транслитерации с последующим переводом на русский язык заглавия в квадратных скобках. Остальные печатные издания описываются на языке оригинала.

Правила оформления сносок:

Книги: Автор. Заглавие. Место издания, Год издания. С....

Публикации в периодических изданиях: Автор. Заглавие // Название издания. Место издания, год. Том, № (для газет – дата). С....

Составные части сборников и монографий: Автор. Заглавие. Место издания, год. С. ...

Материалы из WEB-сайтов описываются по тем же правилам, отделяясь от адреса сайта знаком (. –)

Консультации по вопросам подготовки статьи к опубликованию в журнале можно получить по тел.: (499) 124 09 02.

Редакция оставляет за собой право редакторской правки.

Ответственность за достоверность опубликованных в статьях сведений несут авторы.